

ВОЛГО-ВЯТСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР: ОРДЕНА И МЕДАЛИ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Когда каждое изделие – сплав качества и мастерства. Каждый рельеф – уникальная техника, присущая кировским мастерам первого частного монетного двора в России. О том, как создаются эксклюзивные памятные изделия из драгметаллов для Администрации Президента Российской Федерации и почему именно им доверяют свои заказы Министерство обороны РФ, рассказывает владелец и генеральный директор ООО «Волго-Вятский монетный двор» Александр Квашнин.

– Александр Сергеевич, расскажите о предприятии и основных направлениях работы.

– Компания ООО «Волго-Вятский монетный двор» уже давно активно работает на российском и зарубежном рынках эксклюзивных изделий из драгоценных и недрагоценных металлов. Монетный двор был основан моим отцом Сергеем Ивановичем Квашниным, художником-гравёром, медальером, членом Международной ассоциации изобразительных искусств ЮНЕСКО и председателем Мемориального фонда Фаберже. «Волго-Вятский монетный двор» – первый и единственный частный монетный двор в России. Мы успешно чеканим монету, создаём ордена, медали, мемориальные медали, в которых остаются важные для страны, компаний, людей события. Мы храним историю, создавая не просто наградные предметы, а произведения искусства, умело сочетая драгоценные камни, сплавы драгоценных

Волго-Вятский Монетный Двор

металлов, эмали и различные техники изготовления изделий.

– Есть ли в арсенале «Волго-Вятского монетного двора» памятные истории, которыми вы гордитесь?

– В 2000-х годах произошёл один случай, который надолго остался в памяти всех причастных и в какой-то мере стал нашей визитной карточкой. Делегация НАТО приехала с визитом в Россию, широким жестом презентовав Генштабу РФ подарки. В свою очередь Российское правительство решило ответить уникальными памятными подарками. В поисках исполнителя сотрудники Генштаба РФ отправили запросы в лучшие монетные производства страны для изготовления памятных медалей по собственному эскизу. Ко всеобщему удивлению, все предприятия ответили отказом, так как выполнить настолько сложный рельеф не взялся ни один мастер. Его высота составляла 1,5 мм на сторону (обычно бывает в среднем 0,6–0,8),

а диаметр составлял 90 мм. В итоге, потеряв драгоценное время, они обратились в наш ювелирный дом. Уже через месяц весь объём работ был выполнен с учётом ручной проработки штампа. Мы вновь доказали, что Вятка – центр медальерного искусства России.

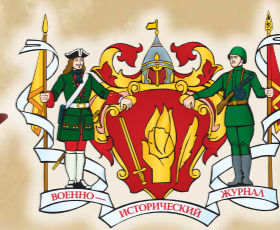
– Поделитесь, кто сегодня является основным заказчиком изделий ООО «Волго-Вятский монетный двор»?

– Мы сотрудничаем с общественными организациями и ювелирными компаниями по всему миру. Свои заказы нам доверяют Администрация Президента РФ, Патриархия РПЦ, Российская академия художеств, Министерство обороны РФ, другие министерства и ведомства, федеральные и региональные органы власти. У нас огромный опыт в создании наградной продукции: орденов, медалей, мемориальных медалей монетного типа, монет, фразных значков, выполненных в золоте, серебре, а также цветных металлах. Нашими давними партнёрами и заказчиками продукции являются компании «Росатом», «Роскосмос», «Газпром», «Лукойл», «АФК Система», «Сибур», «Русские Самоцветы», «Смоленские бриллианты» и такие холдинги, как «Алмаз-Антей».

ООО «Волго-Вятский монетный двор»
Тел.: +7 (909) 412-64-44
г. Москва, м. ЦСКА,
БЦ «Аэродом»
Ленинградский проспект,
д. 37, оф. 13-20
Сайт: <https://vvm.ru/>

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8/2023

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2023 в августе

«НАША ЗАДАЧА СКОРЕЕ ИЗГНАТЬ НЕМЦЕВ С НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ, А ОКРУЖАТЬ ИХ МЫ БУДЕМ, КОГДА ОНИ СТАНУТ ПОСЛАБЕЕ»

К 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве

Битва на Курской дуге летом 1943 года была одним из самых масштабных сражений Великой Отечественной войны. С обеих сторон в ней участвовали более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и миномётов, более 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. самолётов. Для Красной армии это была совокупность оборонительных (5–23 июля) и наступательных (12 июля — 23 августа) операций, боевых действий и сражений, проведённых в районе Курского выступа с целью отразить наступление немецко-фашистских войск и разгромить стратегическую группировку противника, действовавшую на этом направлении.

По оценке Г.К. Жукова, «мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить... Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки». Координацию действий фронтов Ставка ВГК возложила на Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и А.М. Василевского, генерал-полковника артиллерии Н.Н. Воронова и маршала авиации А.А. Новикова.

К исходу 11 июля в полосе Центрального фронта (командующий — К.К. Рокоссовский) противник смог вклиниться в его оборону только на 8–12 км, а в полосе Воронежского фронта (Н.Ф. Ватутин) — на глубину до 35 км. Для срыва наступления врага и разгрома его ударной группировки Воронежский фронт 12 июля нанёс контрудар танковыми силами в районе Прохоровки. По словам Василевского, свидетеля сражения под Прохоровкой, это был «титанический поединок двух стальных армад (до 1200 танков и САУ)». Все последующие попытки противника возобновить наступление успеха не имели, и 16 июля, опасаясь окружения, он начал отвод своих войск в исходное положение.

В середине июля началось контрнаступление Центрального, Воронежского, Степного (И.С. Конев), Западного (В.Д. Соколовский) и Юго-Западного (Р.Я. Малиновский) фронтов. При этом Жуков и Василевский докладывали И.В. Сталину о возможности окружения группировки против-

ника в районе Орла, но Верховный главнокомандующий, по воспоминаниям Жукова, ответил: «Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее... Мы не настояли на своём предложении, а зря...». Возможно, Верховный вспомнил период длительной борьбы с окружённой вражеской группировкой под Сталинградом, а теперь пришло время сразу же продолжить наступление на широком стратегическом фронте.

5 августа были освобождены Орёл и Белгород, и этот успех вечером отметили салютом в Москве, который был первым артиллерийским салютом в ходе Великой Отечественной войны в честь боевой доблести советских войск. В ходе контрнаступления на белгородско-харьковском направлении советские войска продвинулись на 150 км, разгромив 30 дивизий (в т.ч. 7 танковых) противника. Потери врага составили свыше 500 тыс. человек, 3000 орудий и миномётов, более 1500 танков и штурмовых орудий, свыше 3700 самолётов.

В Курской битве советские войска проявили большое мужество, высокую стойкость и массовый героизм. Боевые подвиги свыше 100 тыс. человек были отмечены орденами и медалями, 231 человек удостоен звания Героя Советского Союза, 132 части и соединения получили звание гвардейских, а 26 — удостоены почётных наименований Орловских, Белгородских, Харьковских и др.

В результате победы в Курской битве Красная армия окончательно закрепила за собой стратегическую инициативу. Немецкое командование было вынуждено перейти к обороне на всём фронте. Ему пришлось перебросить на восток войска и авиацию со Средиземноморского театра военных действий, что облегчило высадку англо-американских войск в Сицилии и Италии. Советские войска нависли над всем южным крылом германского фронта, заняв выгодное положение для перехода в общее наступление с целью освобождения Левобережной Украины и выхода на р. Днепр.

В Российской Федерации 23 августа — День воинской славы России — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 г.).

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- 1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- 2) аннотацию на русском и английском языках (100–150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- 3) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);
- 4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспонатов, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- 5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- 6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
 - 1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - 2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
 Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- 3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить: * по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

* Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; * интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов; * интернет-каталогами агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.pressa-rr.ru;

* заявке на e-mail: kr_zvezda@mail с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 19.06.2023
Подписано к печати 21.07.2023
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0000-2023
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2023

Тел. маркетинг: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-39-52, <http://redstarprint.ru/> E-mail: kr_zvezda@mail.ru

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель
главного редактора
КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН,

полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

А.Л. БОЧАРОВА;

Е.В. ДОБЫЧИНА,

кандидат

исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник запаса;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник запаса,

кандидат философских

наук, старший научный

сотрудник;

С.В. МАНИУКОВ,

полковник запаса;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,

подполковник запаса;

А.В. ПЕТРОЧИНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный
секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель

ответственного

секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник запаса

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован фотоколлаж «Истребители И-1 в полёте»

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЖУРНАЛ

август

№ 8 (760)

2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (History) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 2-я стр. обл. «Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее». К 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- 4 **А.М. ИПАТОВ** — «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных флотов наших соседей». Предпосылки создания Военного воздушного флота в Российской империи в 1912 году
- 14 **А.В. ЛОСИК, А.Н. ЩЕРБА** — «В России был царь, не отдохавший после подвигов». С.М. Соловьёв о военных проблемах Русского государства в последней четверти XVII века

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 24 **С.В. ФЕДУЛОВ, Н.Н. МИЗИРКИНА, В.В. СОКОЛОВ** — Летняя Дорога жизни блокадного Ленинграда (1942 г.)
- 36 **А.Н. КОЛОБОВ, А.А. ЕФИМОВ, И.А. АНОХИНА** — «...Отрывать недовольных от Гитлера». Методы информационно-психологического воздействия на противника в первом периоде Великой Отечественной войны в воспоминаниях её участников
- 52 **О.В. ВОРОНКОВ** — «Мы не должны допустить в комплектах ни одного грамма лишнего имущества...». Снабжение Красной армии медицинским имуществом в Сталинградской битве 1942—1943 гг.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

- 64 **Е.О. НАУМОВ** — «...Прошу отправить нас на свой фронт». «Региональный патриотизм» на Восточном фронте Красной армии во второй половине 1918 — начале 1919 года

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

- 74 **С.Е. ВИНОГРАДОВ** — «Несмотря на встреченные затруднения завод начал валовое изготовление морских снарядных взрывателей». Постройка и оборудование Трубочного и электромеханического завода Морского министерства в Николаеве в 1915—1917 гг.
- 82 **В.А. ИЛЬЧЕВ, А.Н. ЗАРУЦКИЙ** — От «Ревеня» до «Примы». Из истории развития радиолокационных станций

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

- 88 **С.А. ВЛАСОВ** — «Мускул свой, дыхание и тело тренируй для военного дела». Физкультура и спорт на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны

ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

- 92 **В.Ж. ДОРОХОВ** — «НКВД СССР требует от вас резкого улучшения коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев». Проблемы содержания японских военнопленных в Хабаровском крае в 1945—1946 гг.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 104 **Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, С.Б. МАСЛИЙ** — «Первая война России и Европы... приведшая к противостоянию двух миров, культур, социально-политических систем». Ливонская война 1558—1583 гг. в работах отечественных историков

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 116 «Экспериментальный самолёт был выстроен в два месяца...». 100 лет назад в воздух поднялся первый советский истребитель И-1 (Публикация Н.Ф. Ковалевского)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

- 117 Униформа ВДВ

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«Our task is to expel the Germans from our territory as soon as possible, and we will surround them when they are weaker». On the 80th anniversary of the defeat of Nazi troops in the Battle of Kursk	p. 2 of the cover
--	-------------------------

MILITARY CONSTRUCTION

A.M. IPATOV — «The Russian air fleet must be stronger than that of our neighbors». Prerequisites for the creation of a military air fleet in the Russian Empire in 1912	4
--	---

A.V. LOSIK, A.N. SHCHERBA — «In Russia there was a tsar, not rested after the feet». S.M. Solovyov on the military problems of the Russian state in the last quarter of the 17th century	14
---	----

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

S.V. FEDULOV, N.N. MIZIRKINA, V.V. SOKOLOV — The Road of Life in besieged Leningrad in the summer of 1942	24
--	----

A.N. KOLOBOV, A.A. YEFIMOV, I.A. ANOKHINA — «...To tear the discontented away from Hitler». Methods of information-psychological influence on the enemy in the first period of the Great Patriotic War in the memoirs of its participants	36
--	----

O.V. VORONKOV — «We must not allow a single gram of extra equipment in the kits...». Supply of the Red Army with medical materiel in the Battle of Stalingrad, 1942–1943	52
---	----

CIVIL WAR

Ye.O. NAUMOV — «...Please send us to our front». Regional Patriotism on the Eastern Front of the Red Army in the second half of 1918 — early 1919	64
--	----

FROM THE HISTORY OF ARMAMENTS AND EQUIPMENT

S.Ye. VINOGRADOV — «Despite the difficulties encountered, the plant began the gross production of fuses for naval projectiles». Construction and equipment of the Tube and Electromechanical Plant of the Maritime Ministry in Nikolayev in 1915–1917	74
--	----

V.A. ILYICHEV, A.N. ZARUTSKIY — From Reven to Prima. From the history of development of radar stations	82
---	----

ARMY AND SOCIETY

S.A. VLASOV — «Train your muscle, breath and body for military affairs». Physical culture and sports in the Far East during the Great Patriotic War	88
--	----

PRISONERS OF WAR: PROBLEMS AND SOLUTIONS

V.Zh. DOROKHOV — «The NKVD of the USSR demands that you dramatically improve the communal and living conditions for Japanese prisoners of war». Problems of the maintenance of Japanese prisoners of war in Khabarovsk Territory in 1945–1946	92
--	----

MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND

N.F. KOVALEVSKIY, S.B. MASLIY — «Russia's first war with Europe... which led to the confrontation of two worlds, cultures, sociopolitical systems». The Livonian War of 1558–1583 in the works of Russian historians	104
---	-----

MEMORABLE DATES

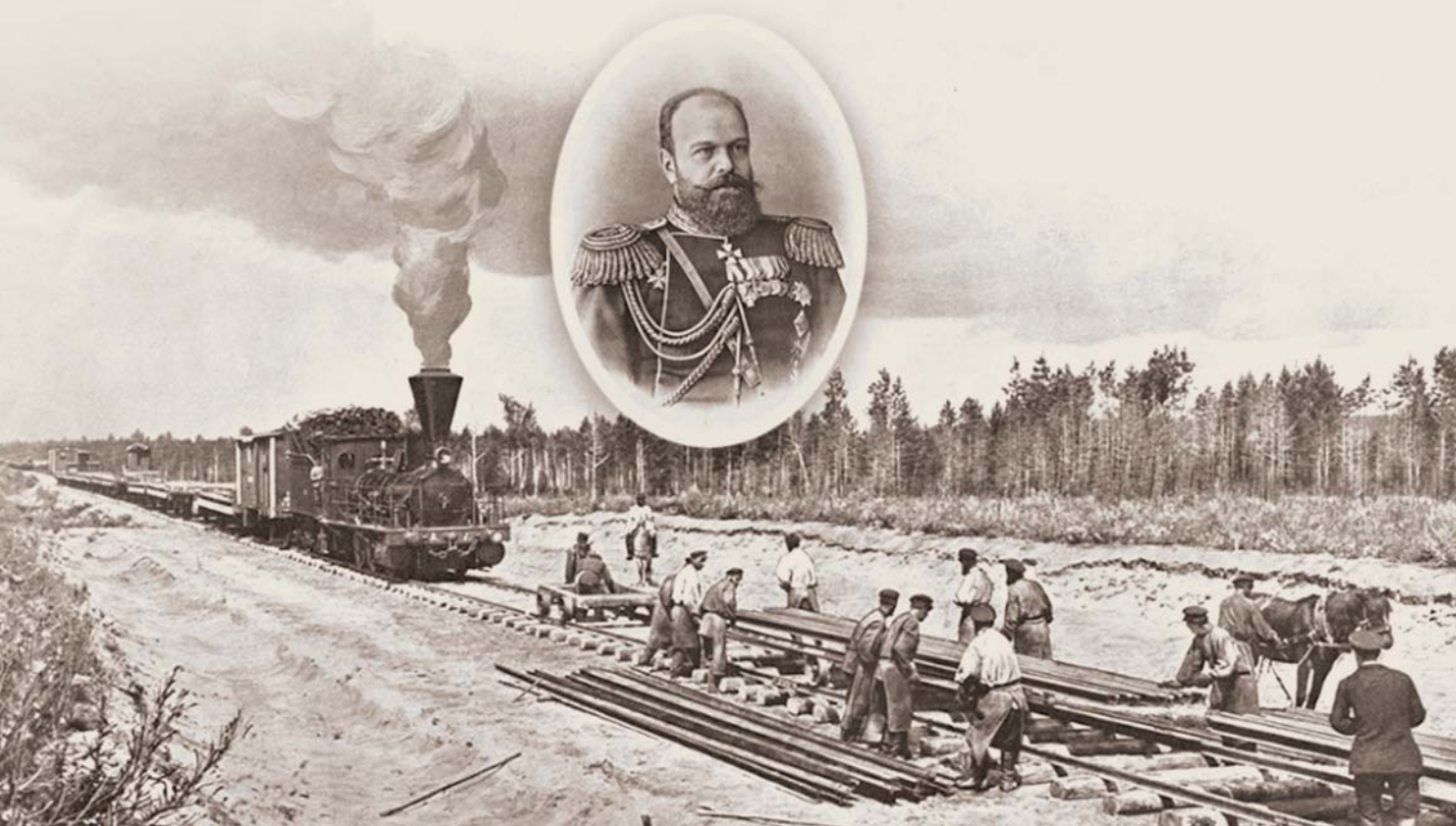
«The experimental plane was built in two months...». 100 years ago the first Soviet fighter jet I-1 took off (<i>Publication by N.F. Kovalevskiy</i>)	116
---	-----

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF

Airborne uniform	117
------------------	-----

«ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ РОССИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ СИЛЬНЕЕ ВОЗДУШНЫХ ФЛОТОВ НАШИХ СОСЕДЕЙ»

Предпосылки создания Военного воздушного флота в Российской империи
в 1912 году

Сведения об авторе. Ипатов Алексей Михайлович — старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: molot.tora@mail.ru).

Аннотация. В статье предпринята попытка провести анализ совокупности социально-экономических, научно-технических, военно-политических предпосылок, приведших к созданию в Российской империи 12 августа 1912 года Военного воздушного флота. Авторы подчёркивают значительную роль общественности и отдельных личностей в зарождении отечественной авиации.

Ключевые слова: Военный воздушный флот; Российская империя; Николай II; великий князь Александр Михайлович; А.Ф. Можайский; Н.Е. Жуковский; воздухоплавание; научно-технический прогресс; М.И. Шishкевич; С.А. Чаплыгин.

12 августа 2022 года исполнилось 110 лет со дня создания Военно-воздушных сил России. Именно 12 августа (по н. ст.) 1912 года во исполнение высо-

чайшего повеления императора Николая II от 22 ноября 1911 года, согласно которому надлежало «все вопросы по воздухоплаванию в армии сосредото-

чить в Главном управлении Генерального штаба», временно управляющий Военным министерством инженер-генерал А.П. Вернандер подписал приказ № 397¹. В соответствии с ним был утверждён и вводился в действие штат воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба². Руководителем его был назначен генерал-майор М.И. Шишкевич.

Отметим, что в Советском Союзе и в Российской Федерации до 1998 года праздник в качестве официального дня Военно-воздушных сил не фигурировал. Авиаторы предпочитали отмечать профессиональный праздник во второй день либо в третье воскресенье августа. Однако по инициативе главнокомандующего Военно-воздушными силами России в 1992—1998 гг. генерала армии П.С. Дейнекина, описавшего эти события в книге «Проверено небом»³, военные авиаторы обратились к Президенту России Б.Н. Ельцину с просьбой об учреждении праздника Военно-воздушных сил. Годом ранее научное обоснование для подобного обращения в форме написанной на обширном архивном материале статьи «День рождения,

который ещё не праздновали» было опубликовано в журнале «Авиация и космонавтика»⁴. Итогом этих мероприятий явилось издание Указа Президента РФ от 29 августа 1997 года № 949 «Об установлении Дня Военно-воздушных сил», согласно которому за датой 12 августа закреплялся День Военно-воздушных сил. Праздничные мероприятия стали проводиться в День Воздушного флота России⁵. Впоследствии Указом Президента В.В. Путина № 549 от 31 мая 2006 года 12 августа был установлен как памятный день Военно-воздушных сил⁶. Сегодня военно-политическим руководством страны, несмотря на альтернативные точки зрения⁷, эта дата рассматривается как точка отсчёта в насыщенной разнообразными событиями истории отечественной военной авиации.

Безусловно, процесс формирования отечественных Военно-воздушных сил не был сиюминутным. Ему предшествовал целый комплекс социально-экономических, научно-технических и военно-политических предпосылок, требующих в настоящее время глубокого всестороннего анализа и соответствующих выводов.

Во-первых, это стремительный скачок в социально-экономическом развитии страны в конце XIX — начале XX века. Он был непосредственно связан с таким значимым явлением, как индустриализация. В Российской империи она началась в 1880-х годах и была главным образом завязана на значительном увеличении масштабов железнодорожного строительства. Отмена крепостного права Александром II в 1861 году дала к этому времени свои первые результаты, проявившиеся в росте числа

рабочих. Грандиозный план императора Александра III по строительству Великого Сибирского пути от Санкт-Петербурга до Владивостока требовал не только множества рабочих рук, но и современных технических мощностей⁸. Несмотря на некоторое отставание в уровне технико-экономического развития от передовых держав, уже тогда было очевидно, что Российская империя по своему потенциалу имела колоссальные возможности для его преодоления. Существенная роль в ускоренном развитии капи-

тализма в стране в тот период отводилась государственному капитализму, значительному увеличению удельного веса государственных заказов (прежде всего в области железнодорожного строительства) и иностранному капиталу, который нёс в «российскую экономику не только инвестиции, но и передовые технологии, развитие новых промышленных отраслей, промышленную технику»⁹. Безусловно, как и у любого другого государства, в Российской империи были собственные экономические слабости и проблемы, одна-

ко они не останавливали её последовательного развития. Особенно позитивную роль в этом, по мнению экспертов, сыграли реформы П.А. Столыпина¹⁰. Можно констатировать, что к моменту создания отечественной авиации темпы социально-экономического развития России, отставая от США, были приблизительно равны аналогичным показателям ведущих европейских государств. Даже при высо-

кой детской смертности (этот бич был характерен для всех государств примерно до середины XX в.) рост населения был колоссальным. По мнению британского экономиста П. Грегори, «Россия была полноправным участником системы мировой торговли и вторым по величине экспортёром зерновых. Её природные богатства и большое население притягивали значительные иностранные инвестиции,

которые окупались с большой прибылью»¹¹.

Второй важнейшей предпосылкой создания воздушного флота явились успехи в научно-технической сфере. В тот период на волне увеличения государственных доходов более интенсивно со стороны государственных структур шло выделение денежных средств на всевозможные научные эксперименты.

Мы не случайно выше обратились к железнодорожной отрасли, т.к. в Российской империи именно она стала в будущем кузницей авиастроения. В то время как на Западе первые летательные аппараты тяжелее воздуха начали изготавливать на автомобильных заводах, в России при их отсутствии эту функцию на себя взяли «вагоностроительные заводы, а Русско-Балтийский вагонный завод явился первым пристанищем авиации»¹². Кроме того, на зарождение отечественной ави-

В то время как на Западе первые летательные аппараты тяжелее воздуха начали изготавливать на автомобильных заводах, в России при их отсутствии эту функцию на себя взяли «вагоностроительные заводы, а Русско-Балтийский вагонный завод явился первым пристанищем авиации»

Карта Великого Сибирского пути

ационной науки определённое влияние оказало и развитие инженерно-технической мысли в сфере военно-морского флота. Не будем забывать, что выдающийся отечественный учёный Александр Фёдорович Можайский был контр-адмиралом Российского Императорского флота. В области авиации его заслугой является то, что он первым в мире сумел решить проблему баланса подъёмной силы и веса, сопротивления и тяги. Несмотря на то что первый полёт самолёта в 1882 году (машина сумела оторваться от земли при применении наклонной дорожки для взлёта) окончился его поломкой, это не только не остановило развития научно-технической мысли в данной области, но, напротив, стало импульсом для дальнейших теоретических изысканий и практических испытаний¹³. Отметим, что причинами, побудившими царское правительство не субсидировать создание аппаратов тяжелее воздуха, стали недостаточный на тот момент уровень знаний, отсутствие веры в способность осуществления данного грандиозного мероприятия. К тому же параллельно более интенсивно развивалось отечественное воздухоплавание с использованием аэростатов и дирижаблей.

С 1866 года в России активно функционировало Императорское русское техническое общество, а с 1878 года — Русское физико-химическое общество. Именно в них сосредотачивались главные усилия по отечественным исследованиям в рамках освоения воздушного пространства. Значительный вклад в научные достижения в данной области внёс выдающийся отечественный учёный, создатель Периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеев. Им

Император Николай II

была разработана модель высотного аэростата, управляемого рулями, баллонетом и воздушным винтом. Однако денежных средств для реализации этого изобретения на практике собрать не удалось. О том, насколько его идея опередила время, свидетельствует тот факт, что первый в мире подобный стратостат сумел подняться в воздух в Германии в 1931 году¹⁴. Кроме того, Д.И. Менделеев способствовал реализации практических опытов А.В. Можайского по созданию летательных аппаратов тяжелее воздуха. Дело в том, что в конце 1876 года Можайский подал соответствующий рапорт в Главное инженерное управление, вследствие чего военный министр Д.А. Милютин поручил создать комиссию, состоявшую из наиболее авторитетных учёных. Среди них был и известный химик, поддержавший идеи А.В. Можайского. В результате конструктору были выделены 3000 рублей для постройки самолёта. Как видим, военное ведомство активно поддерживало развитие на-

учно-технического прогресса и стремилось его достижения применять для собственных нужд.

Среди учёных-инженеров, которые пытались создать собственный самолёт, необходимо упомянуть есаула Донского казачьего войска Д. Войнова, революционера-народовольца Н.И. Кибальчича, выдающегося учёного-самоучку и основоположника современной космонавтики К.Э. Циолковского. Ещё за 8 лет до первого полёта американцев братьев У. и О. Райт на самолёте «Флайер-1» в декабре 1903 года Константин Эдуардович в брошюре «Аэроплан, или птицеподобная (авиационная) летательная машина» обосновал необходимость создания аэроплана. Несмотря на то что ему так и не удалось при жизни воплотить свою идею на практике, теоретические построения учёного — в частности, обоснование возможности внеатмосферного полёта, применения гироскопа для автоматической устойчивости аэроплана — позволили в дальнейшем продвинуться далеко вперёд не только в авиации, но и в ракетостроении¹⁵.

Усилиями другого выдающегося отечественного учёного, «отца русской авиации» Николая Егоровича Жуковского, были заложены основы гидро- и аэродинамики. Ещё в 1898 году на проходившем в Киеве X съезде естествоиспытателей и врачей он произнёс пророческие слова: «Человек не имеет крыльев и по отношению веса своего тела к весу мускулов в 72 раза слабее птицы... Но я думаю, что он полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума»¹⁶. Его заслуги в развитии авиации настолько многочисленны, что требуют отдельных исследований¹⁷. В 1902—1904 гг. в Московском университете

функционировала организованная по его инициативе аэродинамическая лаборатория, в которой была создана одна из первых в Старом Свете аэродинамических труб. В конце 1904 года был введён в эксплуатацию построенный на средства известных купцов-меценатов Рябушинских Кучинский аэродинамический институт. В разработке плана его постройки, закупке необходимого оборудования, организации деятельности самое непосредственное участие принимали сам Николай Егорович и его коллеги и ученики — Л.С. Лейбензон,

М.А. Рыкачёв, В.В. Кузнецов, С.С. Неждановский и др. Институт не только проводил практические опыты в области аэродинамики, но и издавал результаты исследований в специальном бюллетене на французском языке, пользовавшемся у иностранцев большим авторитетом. Подобные лаборатории во Франции открылись лишь в 1909 году¹⁸. В рамках Кучинского института были разработаны оригинальные деревянные винты и динамометр для измерения их тяги, ротационный паровой двигатель, одинаково успешно применявшийся

для аэропланов и подводных лодок. Кроме того, благодаря усилиям Н.Е. Жуковского была построена лаборатория в Императорском техническом училище.

Работы «отца русской авиации» в известной мере продолжил его сподвижник и ученик С.А. Чаплыгин. Обучавшийся в 1877—1886 гг. в Воронежской казённой мужской гимназии Сергей Алексеевич в дальнейшем поступил в Императорский Московский университет. В Москве он познакомился со своим наставником, под руководством которого сделал ряд важнейших для развития авиации открытий, а впоследствии продолжил его начинания. Вспоминая об одном из них, Л.С. Лейбензон писал: «При обсуждении докладов Н.Е. Жуковского между ним и С.А. Чаплыгиным произошел оживленный обмен мнениями... В этот день силами русских ученых было положено начало новой науке — аэродинамике»¹⁹. Теоретические исследования и практические

«При обсуждении докладов Н.Е. Жуковского между ним и С.А. Чаплыгиным произошел оживленный обмен мнениями... В этот день силами русских ученых было положено начало новой науке — аэродинамике»

Николай II на аэродроме
Художник П. Рыженко

опыты С.А. Чаплыгина позволили определить подъёмную силу крыльев разных профилей, обосновать целесообразность «щелевого крыла». Отметим, что, как и многие идеи его учителя, ряд трудов Сергея Алексеевича по достоинству был оценён «лишь после смерти учёного»²⁰.

Кроме того, в студенческой среде активно создавались различные научные общества в области авиации и космонавтики, деятельность которых поощрялась властями, как убедительно демонстрирует в своём исследовании М.Н. Охочинский²¹. Он приводит в качестве примера образованный в 1908 году кружок по изучению вопросов воздухоплавания при Санкт-Петербургском институте инженеров путей сообщения под руководством профессора Н.А. Рынина. С лекциями перед студентами выступали такие известные специалисты, как генерал-майор А.М. Кованько, инженер-полковник В.Ф. Найдёнов. Активно развивалась и специализированная периодическая печать, представленная журналами «Воздухоплаватель», «Вестник воздухоплавания», «Тяжелее воздуха», «Севастопольский иллюстрированный журнал»²², изданиями отдельных научных сообществ и кружков. Всё это убедительно свидетельствовало о росте интереса к авиационной проблематике в Российской империи.

Существенный научно-технический прорыв в области воздухоплавания и авиации способствовал значительному усилению роли воздушных сил в военном деле. К началу ноября 1909 года ведущие мировые державы располагали 36 готовыми дирижаблями и 68 находившимися в стадии строительства. Аэропланов к тому времени насчитыва-

А.Ф. Можайский

лось 76 единиц. Российская империя находилась на лидирующих позициях по темпам развития Военного воздушного флота. К началу 1911 года она занимала второе место по общему количеству аэропланов и третье место — по дирижаблям в мире. И как следствие, следующей важной предпосылкой развития Военного воздушного флота стало понимание в Военном министерстве возрастающей роли авиации в укреплении обороноспособности государства. Обстоятельно процесс развития воздухоплавания в России, в т.ч. на основе архивных источников, раскрыт в статье полковника запаса А.Ю. Лашкова, приуроченной к столетнему юбилею отечественных ВВС²³. Важным и верным представляется вывод специалиста: успех авиации стал возможен в том числе благодаря тому, что успехи в развитии российского воздухоплавания ограничивались отсталостью ряда промышленных отраслей (текстильная, химическая и др.), в то время как для строительства

самолётов эти проблемы были менее критичны. Обозначим кратко наиболее важные даты для становления отечественной авиации.

Ещё в 1869 году военный министр Д.А. Милютин поручил сформировать под руководством генерала Э.И. Тотлебена комиссию для определения возможности использования воздухоплавательных аппаратов в военных целях. Её работа позволила провести опыты по использованию привязочных аэростатов для решения различных задач. Первый подъём первого русского военного аэростата состоялся 19(7) июня 1870 года²⁴. Работа комиссии продолжалась до 1876 года.

Успехи в совершенствовании аэростатов и дирижаблей привели к созданию в 1880 году Русского общества воздухоплавания в Санкт-Петербурге, а в 1881 году — VII (Воздухоплавательного) отдела Императорского Русского технического общества. Через 3 года по поручению военного министра генерала от инфантерии П.С. Ванновского началась работа комиссии «по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям»²⁵. Итогом её деятельности явилось образование в 1890 году в столице Учебного воздухоплавательного парка. Действовала комиссия при Главном инженерном управлении под руководством генерал-майора М.М. Борескова. В её состав входили крупные учёные-инженеры (химик Н.П. Фёдоров, преподаватели Николаевской инженерной академии К.И. Величко и К.Л. Кирпичёв), а позднее были включены первые отечественные военные аэронавты (И.И. Яснецкий, Н.А. Орлов, Р.Э. Шен и А.М. Кованько). Таким образом, уже в тот период военным ведомством

И.И. Сикорский
1908 г.

Преподаватели и курсанты 1-го выпуска ОВШ.
Слева направо сидят: 1-й — полковник В.Ф. Найденев,
2-й — инженер А.А. Лебедев, 4-й — профессор К.П. Боклевский,
5-й — великий князь Александр Михайлович

Император Николай II приветствует первых выпускников
Офицерской школы авиации. Слева — великий князь
Александр Михайлович
8 ноября 1911 г.

была апробирована тактика, которая впоследствии будет использована в становлении отечественной авиации: прежде чем брать на вооружение ту или иную техническую новинку, необходим определённый испытательный срок, по истечении которого будет ясна степень её пригодности и целесообразности использования. Вероятно, это был единственно правильный, рациональный подход, позволявший не тратить впустую государственные средства. Очень ёмко подобный подход относительно авиации был сформулирован в докладе Главного инженерного управления от 1908 года. В нём содержались, в частности, следующие строки: «В настоящую минуту аэропланы еще не совершают больших перелетов, не поднимаются на большую высоту и вообще пока для военных целей непригодны, но в будущем их роль в военном деле должна быть громадна, и потому, несомненно, они будут введены в снаряжение армии»²⁶. Эти выводы оказались пророческими, и всего через 4 года был образован Российский Военный воздушный флот.

В 1908 году на выделенные на развитие отечественного воздухоплавания денежные средства Военное министерство направило во Францию с целью ознакомления с развитием аэропланов и оценки целесообразности их приобретения для военных целей двух опытных воздухоплавателей — Н.И. Утешева и С.А. Немченко. По итогам поездки было принято решение не приобретать иностранные летательные аппараты, а сосредоточиться на изобретении собственных. Правда, опыт руководителя кружка планеристов при Петербургском университете В.В. Татирина по постро-

ке вертолёта оказался в силу отсутствия опыта неудачным, что повлекло отказ Военного министерства от субсидирования отечественных изобретений в этой области²⁷. Тем не менее нашлись меценаты, готовые вкладывать средства в развитие новой перспективной отрасли, поэтому с этого момента субсидирование зарождавшейся отечественной авиации продолжилось усилиями общественности.

Четвёртой судьбоносной предпосылкой создания авиации являлась поддержка меценатов и деятельность общественности в лице влиятельных фигур.

Локальные неудачи не могли остановить прогресса научно-инженерной мысли и организационных мероприятий, следствием чего стало открытие в 1908 году в столице Императорского Всероссийского аэроклуба, инициатором создания и первым секретарём которого выступил надворный советник В.В. Корн. В следующем году аэроклуб был взят под покровительство самим Николаем II, а его печатным органом стал журнал «Воздухоплаватель»²⁸. Усилиями членов аэроклуба на пожертвования был приобретён аэроплан типа «Фарман», а также отправлен во Францию на обучение лётному делу В.А. Лебедев, вернувшийся в 1910 году с дипломом.

Начались первые опыты в отечественном самолётостроении. При этом позицию правительства в данном вопросе предельно чётко сформулировал премьер-министр П.А. Столыпин, заявивший: «Главным движителем в развитии авиации и воздухоплавания должна стать заинтересованность отдельных лиц и частных учреждений»²⁹. Именно так и произошло.

Усилиями юриста и мецената С.С. Щетинина в 1909

году строится первый в России авиазавод. Военным министерством ему выделяется ссуда на производство отечественных самолётов. Под названием «Первое Российское Товарищество Воздухоплавания» в следующем году завод приступает к работе. Наряду с Русско-Балтийским вагонным заводом и заводом «Дукс» в Москве он становится одной из основных мощностей по созданию российских самолётов. Несмотря на то что первоначально в Генеральном штабе придерживались мнения о превосходстве французских самолётов и необходимости собирать их в Российской империи по лицензии, протесты отечественных производителей и успехи наших инженеров переломили ситуацию³⁰. Вскоре благодаря настойчивости авиаконструкторов А.С. Кудашева, Я.М. Гаккеля, Е.И. Касяненко, Д.П. Григоровича, И.И. Сикорского были созданы первые отечественные самолёты. Не все из них прошли проверку на жизнеспособность в ходе практических испытаний и эксплуатации, однако к началу Первой мировой войны «Россия располагала целым рядом крупных авиапредприятий: было десять самолётостроительных заводов, шесть двигателестроительных и два пропеллерных»³¹. На них производилась продукция как по лицензии, так и собственных разработок.

Продолжалась и подготовка пилотов. В 1910 году Отделом воздушного флота во Францию на обучение были посланы шесть офицеров — С. Ульянин, Л. и Б. Мациевичи, М. Зеленский, Т. Пионеровский и М. Комаров. Вместе с ними были отправлены наиболее подготовленные солдаты для освоения специальностей мотористов и авиамехаников³². Важной вехой стал прове-

дённый по инициативе и под руководством Н.Е. Жуковского 12—17 апреля 1911 года I Всероссийский съезд всех деятелей авиации и воздухоплавания в столице империи. Он стал как бы расширенным аналогом ежегодных выставок возглавлявшегося им Московского общества воздухоплателей. Этот год ознаменовался также впечатляющим авиAPERелётом по маршруту Санкт-Петербург — Москва³³.

Вышеописанные успехи напрямую подвели к необходимости создания первых официальных отечественных авиационных структур. Однако для этого нужен был государственный деятель, обладавший достаточными техническими знаниями, но, что более важно, — политической волей. Им стал великий князь Александр Михайлович, внук Николая I, приходившийся дядей последнему российскому императору. Воспитанный в традициях династии Романовых как военный, он сделал довольно успешную карьеру в военно-морском ведомстве (как и А.Ф. Можайский). Активный интерес к авиации у великого князя проявился в ходе поездки во Францию в 1909 году, где он прочёл в газетах информацию о перелёте местного лётчика и авиаконструктора Л. Блерио через Ла-Манш. В одном из февральских номеров газеты «Вечерний Петербург» за 1910 год приводились слова Александра Михайловича: «Следя за поразительными успехами полетов аппаратов тяжелее воздуха, я пришел к глубокому убеждению, что не в далеком будущем та страна, которая первая будет обладать воздушным флотом, будет непобедима в будущей войне»³⁴. В 1909 году Александр Михайлович возглавил

в основанном пятью годами ранее Особом комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования Отдел Воздушного флота³⁵. Именно средства комитета (около 900 тыс. рублей) стали источником финансирования создававшегося российского Военного воздушного флота.

Значителен был вклад великого князя в организацию в Крыму Севастопольской (Качинской) авиационной школы. Сам Александр Михайлович присутствовал на торжественной церемонии открытия 21 ноября 1910 года. Благодаря его усилиям за несколько лет Отдел воздушного флота на собранные средства (в т.ч. выделенные лично из фонда великого князя) приобрёл за границей около 50 аэропланов, переданных для подготовки лётных кадров в России. На базе Учебного воздухоплавательного парка под Санкт-Петербургом в Гатчине в том же 1910 году была открыта Офицерская воздухоплавательная школа во главе с генерал-майором А.М. Кованько. Шеф формировавшихся авиационных сил великий князь Александр Михайлович в обращении «К русскому народу» на страницах журнала «Тяжелее воздуха» (1912, № 6) заявлял: «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных флотов наших соседей. Это следует помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей Родины»³⁶.

Военным министерством 4 октября 1911 года в Государственную думу был внесён законопроект об организации авиаслужбы в армии и о расширении авиационного отдела Гатчинской Офицерской авиационной школы. 14 ноября того же года был организован первый в армии авиационный отряд при

4-й Сибирской воздухоплавательной роте, располагавшейся в Чите. Всего до конца 1911 года были созданы 2 действующих отряда (ещё один дислоцировался в селе Спасском Приамурского военного округа) и началось формирование ещё четырёх на западном и южном направлениях³⁷.

Великий князь Александр Михайлович свои мысли по поводу успехов и перспектив дальнейшего развития российской авиации на примере Качинской авиашколы изложил императору в докладе от 26 октября 1911 года под названием «Краткая справка о школе авиации за 1910—1911 гг.»³⁸.

Переломный момент для официального образования Военного воздушного флота в России наступил 22 ноября 1911 года, когда во время учебных манёвров с участием офицеров Качинской школы Николай II одобрил инициативы великого князя по созданию отечественной авиации. Будучи максималистом, последний писал в мемуарах: «Я был доволен и недоволен. Мой триумф в авиации не смягчал горечи моих неудач во флоте»³⁹.

В мае 1912 года Государственная дума приняла закон «Об отпуске средств на формирование авиационных отрядов и укомплектование их материальной частью». Согласно ему вводилось размещение заказов «на производство военных самолётов»⁴⁰. К этому времени в стране уже насчитывалось 8 сформированных авиационных отрядов, для которых были определены штаты для военного и мирного времени, разработаны «Положение об авиационной службе», «Инструкция для ведения специальных занятий в авиационных отрядах» и «Руководящие данные для применения авиационных от-

рядов воздухоплавательных частей»⁴¹. Наконец, 12 августа 1912 года началась реализация на практике высочайшего повеления Николая II от 22 ноября 1911 года, нашедшего выражение в издании Военным министерством приказа № 397, о котором речь шла выше. В 1913 году Александр Михайлович представил на утверждение правительству «Общий план организации воздухоплавания и авиации в России». После его утверждения императором 1 марта того же года произошло превращение авиации в самостоятельную структуру Военного воздушного флота путём отделения её от воздухоплавания.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать следующий вывод. С учётом накопленных на сегодняшний день знаний целесообразно выделить несколько предпосылок создания отечественного Военного воздушного флота в 1912 году. Во-первых, это стремительный скачок в социально-экономическом развитии Российской империи в конце XIX — начале XX века. Во-вторых, это успехи в научно-технической сфере, увеличение числа фундаментальных изобретений, поддержка государством деятельности отдельных учёных и творческих коллективов. В-третьих, понимание в Военном министерстве возрастающей роли авиации в укреплении обороноспособности страны. В-четвёртых, деятельность общественности в лице меценатов и таких фигур, как великий князь Александр Михайлович, сочетавший научные способности со значительным влиянием на ход государственных дел. В совокупности данные предпосылки и предопределили зарождение военной авиации в России 12 августа 1912 года.

- ¹ День рождения, который ещё не праздновали // *Авиация и космонавтика*. 1996. № 6 // Крылья. 1996. № 4. С. 3.
- ² 12 августа — День Военно-воздушных сил России // *Военное обозрение*. 2021. 12 августа.
- ³ *Дейнекин П.С.* Проверено небом. М.: Русские витязи, 2011. С. 273—322.
- ⁴ День рождения, который ещё не праздновали... С. 2—5.
- ⁵ Указ Президента РФ от 29 августа 1997 г. № 949 «Об установлении Дня Военно-воздушных сил» // *Ельцин-центр* [официальный сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/39447>.
- ⁶ Указ Президента РФ от 31 мая 2006 г. № 549 «Об установлении профессиональных праздников и памятных дней в Вооружённых Силах Российской Федерации» // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23860>.
- ⁷ *Быстров А.А.* Военно-воздушные силы России от зарождения и до наших дней // Интернет-ресурс: <https://tu22.ru/knigi/BBC.doc>.
- ⁸ *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. London: MacMillan Press, 1976.
- ⁹ *Мамонтов В.Д.* Экономика России на рубеже XIX—XX вв.: мифы и реальность // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 6. С. 503.
- ¹⁰ *Тэри Э.* Россия в 1914 г.: экономический обзор. Париж: YMCA-press, 1986. С. 154—157.
- ¹¹ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи: (конец XIX — начало XX в.): новые подсчёты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 247.
- ¹² Всё об авиации: большая энциклопедия / Авт.-сост. Л.Е. Сытин. М.: АСТ, 2016. С. 50.
- ¹³ *Болховитинов В.Ф.* Пути развития летательных аппаратов. М.: Оборонгиз, 1962. С. 15, 16.
- ¹⁴ Д.И. Менделеев и его роль в развитии воздухоплавания // *История государства*. 2011. 5 мая.
- ¹⁵ *Дузь П.Д.* История воздухоплавания и авиации в России. 2-е изд., перераб. М.: Машиностроение, 1981. С. 128—130.
- ¹⁶ *Биография Н.Е. Жуковского* // Научно-мемориальный музей профессора Николая Егоровича Жуковского [официальный сайт] (zhukovskymuseum.ru).
- ¹⁷ *Свищев Г.П.* Научное наследие Николая Егоровича Жуковского и авиация // Учёные записки ЦАГИ. 1972. Т. III. № 1. С. 1—18.
- ¹⁸ *Дузь П.Д.* Указ. соч. С. 173.
- ¹⁹ *Степанов Г.Ю.* Теория крыла в трудах Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина // Учёные записки ЦАГИ. 1997. Т. XXVIII. № 1. С. 15.
- ²⁰ *Мельников Р.А.* Сергей Алексеевич Чаплыгин (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2019. Вып. 1. С. 113.
- ²¹ *Охочинский М.Н.* Студенческие научные общества в области авиации и космонавтики (1910—1920-е годы) // Высшее образование в России. 2014. № 8—9. С. 141—146.
- ²² *Кузнецов Ю.В.* Историографические этапы подготовки гражданских и военных авиационных специалистов в России // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 126.
- ²³ См. подробнее: *Лашков А.Ю.* У истоков Военно-воздушных сил России // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 12—18.
- ²⁴ *Лиджаков А.Ю., Хороших В.А.* Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в дореволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: История. 2011. № 2. С. 61.
- ²⁵ *Дружинин Ю.О., Емелин А.Ю., Павлушенко М.И., Соболев Д.А.* Страницы истории отечественного воздухоплавания. М.: РУСАВИА, 2013. С. 10.
- ²⁶ Всё об авиации... С. 50.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Лиджаков А.Ю., Хороших В.А.* Указ. соч. С. 61.
- ²⁹ История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение, 1910—2010 гг. / Под общ. ред. Д.А. Соболева. М.: РУСАВИА, 2011. С. 6, 7.
- ³⁰ Всё об авиации... С. 52, 53.
- ³¹ *Вайлов А.М.* Российские гении авиации первой половины XX века. М.: Алгоритм, 2017. С. 47.
- ³² Всё об авиации... С. 51.
- ³³ *Лиджаков А.Ю., Хороших В.А.* Указ. соч. С. 63.
- ³⁴ *Сафаев А.Е.* Начало российской авиации. 1910—1911 гг. Хроника событий по материалам газетных публикаций // Военная история России XIX—XX веков: материалы XI Международной военно-исторической конференции, 23—24 ноября 2018 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 321.
- ³⁵ *Прасников В.Б.* Отечественный опыт постройки кораблей на добровольные пожертвования // Судостроение. 2006. № 5. С. 36—40.
- ³⁶ *Скоморохов Р.* 100 лет русской славы. Российский императорский воздушный флот // *Военное обозрение*. 2017. 16 ноября.
- ³⁷ День рождения, который ещё не праздновали... С. 3.
- ³⁸ Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 1889—1917 / Сост. В.Д. Лебедев. М.: Кучково поле; Связь эпох, 2016. 656 с.
- ³⁹ Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. С. 194.
- ⁴⁰ *Рог В.* Путь российской военной авиации. // *Aviation Explorer*. 2002. 2 августа; История отечественной авиапромышленности. С. 10—12.
- ⁴¹ День рождения, который ещё не праздновали... С. 3.

A.M. Ipatov

«AIR FLEET OF RUSSIA MUST BE STRONGER OF THE AIR FLEET OF OUR NEIGHBORS»

Prerequisites for the creation of a military air fleet in the Russian Empire in 1912

Information about author. Alexey Ipatov — senior research fellow at the Military Educational and Scientific Center of the Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: molot.tora@mail.ru).

Summary. The paper attempts to analyze the totality of socio-economic, scientific, technical, military and political prerequisites that led to the creation of the Emperor's Military Air Fleet in Russia on August 12, 1912. The authors emphasize the significant role of the public and individuals in the birth of domestic aviation.

Keywords: Air force; Russian Empire; Nicholas II; Grand Duke Alexander Mikhailovich; A.F. Mozhaysky; N.E. Zhukovsky; aeronautics; scientific and technological progress; M.I. Shishkevich; S.A. Chaplygin.

«В РОССИИ БЫЛ ЦАРЬ, НЕ ОТДЫХАВШИЙ ПОСЛЕ ПОДВИГОВ»

С.М. Соловьёв о военных проблемах Русского государства
в последней четверти XVII века

Сведения об авторах. Лосик Александр Витальевич — заместитель главного редактора журнала для учёных «КЛИО», доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: victoriay@inbox.ru);

Щерба Александр Николаевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты анализа информации об оборонных проблемах Русского государства в последней четверти XVII века, Русско-турецких войнах 1676—1681 и 1686—1700 гг., Крымских и Азовских походах, содержащейся в фундаментальном труде С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён». Отражены недостатки русской военной организации и объективная необходимость её преобразования, использование стрелецких полков группировками боярско-княжеской аристократии в борьбе за верховную власть. Обращено внимание на описание новаторской деятельности в военной сфере будущего первого императора России, создание и боевое применение новой части военной организации Русского государства — регулярного Военно-морского флота, который обеспечил победу во втором Азовском походе. Анализ привёл авторов к выводу: С.М. Соловьёв в своём труде осветил состояние и изменения в военной организации нашего государства в последней четверти XVII века, создавшие необходимые предпосылки для качественно нового этапа её развития — реформирования вооружённых сил Петром Великим в начале XVIII столетия.

Ключевые слова: Русское государство; военная организация; стрелецкие восстания 1682, 1698 гг.; Русско-турецкие войны 1676—1681 и 1686—1700 гг., Крымские и Азовские походы; Пётр I; Военно-морской флот.

Ранее авторы статьи представили на страницах журнала обзоры отражения в фундаментальном труде С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён» оборонных проблем нашей страны в Смутное время¹, до середины XVII века² и в ходе Русско-польской войны 1654—1667 гг.³ Продолжаем тему результатами анализа освещения Соловьёвым военных проблем Русского государства в последней четверти XVII столетия.

Совершенствованию военной организации в нашем Отечестве и раньше уделяли внимание. Но её преобразованиям мешали разорение страны в Смутное время и его последствия, недостаток средств, сначала отсутствие, затем нехватка промышленной базы выпуска вооружений. Наше Отечество ценой огромных лишений и напряжения сил отдало всё, что могло, защите украинского народа и его исторического выбора

— единства Малой России с Великой в Русско-польской войне 1654—1667 гг.

Состояние русской армии определяла её старая часть — поместная (конница) и стрелецкое войско. Полков нового (иноземного) строя, солдат в пехоте, рейтаров, гусар и драгун в кавалерии не хватало для решения оборонных задач. Для содержания регулярной армии, по словам Соловьёва, «в Москве не было еще ни средств, ни понимания»⁴.

Русское государство было вынуждено продолжать тратить силы и средства на защиту воссоединившейся со своим великим Отечеством Малой России в Русско-турецкой войне 1676—1681 гг., вызванной совместными действиями турецких войск и гетмана Правобережной Украины П.Д. Дорошенка, захватившего гетманскую столицу Чигирин. В 1676 году русские войска под командованием князя Г.Г. Ромодановского совмест-

Фрагмент диорамы «Взятие турецкой крепости Азов войсками Петра I в 1696 г.»

Художник А.М. Чернышов, 1967 г.

Азов (Ростовская обл.), в здании Порохового погреба XVIII в.

но с казаками И.С. Самойловича — главы малороссийского казачества (с 1672 г. гетмана Запорожского войска Левобережной Украины, с 1674 г. — обеих сторон Днепра)⁵ вынудили Дорошенко капитулировать. Борьба за гетманскую столицу продолжалась в ходе Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. В 1679—1680 гг. русско-казачье войско Ромодановского и Самойловича отразило набеги крымских татар. По Бахчисарайскому миру 1681 года Османская империя признала воссоединение Левобережной Украины с Русским государством⁶.

После этого царь Фёдор Алексеевич обратился к проблемам преобразования армии. Назначил ведать всеми ратными делами князя В.В. Голицына «для лучшего своих ратей устройства и управления» и при нём повелел быть выборным стольникам и полковникам рейтарским и пехотным, стряпчим, дворянам, жильцам, городовым дворянам и детям боярским. Так была создана представительная комиссия, которая по велению царя выработала предложения по реформированию военной организации⁷, доложенные монарху Голицыным. 12 января (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) 1682 года назначенное Фёдором Алексеевичем «чрезвычайное сиденье» (заседание) с участием патриарха, бояр и других представителей знати началось чтением челобитной (доклада) выборных людей (комиссии). Затем выступили царь и патриарх, резко высказавшись против местничества (системы норм в среде знати, а также иерар-

Фёдор Алексеевич
Неизвестный художник
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

хии членов государева двора, по которым проводили назначения на подавляющее большинство государственных должностей)⁸. Их поддержали присутствовавшие. Фёдор Алексеевич приказал принести разрядные книги и предать их огню «для совершенного искоренения и вечного забвения»⁹. Ликвидацией местничества было создано одно из условий для реформирования военной организации — изменения критериев выбора и назначения служилых на командные посты.

Планы преобразований остались нереализованными из-за смерти царя Фёдора Алексеевича в том же году. После неё выборных распустили по домам¹⁰. В верхах началась борьба за верховную власть, названная Соловьёвым московской смутой 1682 года¹¹, в центре которой оказалась боеспособная часть русско-

го войска — стрельцы. Провозглашение царём Петра I, оформленное как решение Земского собора, подтолкнуло группу членов Боярской думы во главе с И.М. Милославским к организации заговора. Стрельцы, недовольные задержкой жалованья и притеснениями полковников, поддались на толки о незаконном избрании Петра I в обход его брата Ивана Алексеевича, слухи о планировавшемся убийстве царевича, намерении бояр «известить» царский род и 15 мая начали Стрелецкое восстание 1682 года. Под их давлением 26 мая братья-царевичи были провозглашены соправителями, первым («старшим») царём — болезненный и безвольный Иван V Алексеевич, вторым («младшим») царём — Пётр I. Регентшей при них стала царевна Софья Алексеевна. К ней фактически перешла власть в Русском государстве.

В ходе Стрелецкого восстания ярко проявилась низкая воинская дисциплина. Соловьёв привёл примеры бесчинств стрельцов. Неприглядную роль сыграл возглавивший на третий день восстания Стрелецкий приказ, переименованный затем по требованию стрельцов в Приказ надворной пехоты, боярин князь И.А. Хованский, предположительно вынашивавший планы убить царей, женить сына Андрея на одной из царевен и так завладеть русским престолом. В сентябре по царскому приказу его с сыном схватили и казнили по обвинению в «великом разоренье» государства, казнокрадстве, вымогательстве и других преступлениях¹².

Неустойчивость и податливость стрельцов агитации, лёгкость, с которой они становились орудием внутривластной борьбы, проявлялись и позже. Стрельцов использовала Софья Алексеевна в 1689 году в противостоянии Петру I, завершившемся её заключением в Новодевичий монастырь, и возлагала на них надежды во время Стрелецкого восстания 1698 года¹³. Но «чтоб впредь никто не мог желать ее на правительство... Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена на житье в том же Новодевичьем монастыре под постоянную стражею»¹⁴. Гораздо более жестокая расплата постигла бунтарей-стрельцов, не извлёкших урок из свое-

го выступления 1682 года, когда власти, приведя их в повиновение, провели чистку стрелецких и некоторых солдатских полков, предписав: «Боярских людей, крестьян и гулящих (вольных, не приписанных ни к служилым, ни к посадским. — Прим. авт.) людей, которые в нынешнее смутное время писаны в солдаты и надворную пехоту, выкинуть из того строю всех и отдать их помещикам и вотчинникам по крепостям, а гулящих людей переписать и отправить на прежние места жительства»¹⁵.

Принятые меры не решили проблемы воинской дисциплины в стрелецких полках. Так, в 1683 году в Переяславе¹⁶ стрельцы перестали повиноваться вое-

воде, захватили кабак и приказную избу, своих командиров отстранили, вместо них выбрали новых¹⁷. Не лучше была дисциплина в казацких полках. Во время первого Крымского похода¹⁸ казаки Гадяцкого полка¹⁹ подняли бунт, убили своего полковника (комполка) и других начальников. Князь В.В. Голицын был вынужден послать русских рейтар, чтобы контролировать обстановку в казацком стане. Казаки стали массово покидать его и расходиться по домам²⁰.

С таким войском Русское государство начало Русско-турецкую войну 1686—1700 гг., взяв на себя обязательство вступить в противоборство с Османской империей договором

Царь Пётр Алексеевич во время Стрелецкого бунта в Московском кремле 15 мая 1682 года

*Художник О. Росиньон, 1680-е гг.
Русский музей (Санкт-Петербург)*

с Речью Посполитой. Им были закреплены условия завершившего Русско-польскую войну 1654—1667 гг. Андрусовского перемирия, которое, по словам Соловьёва, заключалось «на 13 лет, до июня месяца 1680 года»²¹. Он писал, что «в начале 1686 года в Москву приехали знатные послы королевские», и 21 апреля²² (по современным источникам 26-го — 6 мая по н. ст.²³) был заключён «Вечный мир», навсегда закрепивший за Русским государством Смоленск с окрестностями, Левобережную Украину с Киевом, Запорожьем, Северщину с Черниговом и Стародубом. Этим договором «великие государи обязались разорвать мир с султаном турецким (турецким — **Прим. авт.**) и ханом крымским, послать немедленно войска свои на крымские переправы для защиты Польши от татарских нападений, приказать донским козакам (во времена Соловьёва это слово писали с буквой «о». — **Прим. авт.**) чинить воинский промысел на Черном море, а в следующем 1687 году послать все свои войска на Крым. Обе державы обязались не заключать отдельного мира с султаном»²⁴.

После присоединения Русского государства к «Священной лиге»²⁵ — антитурецкой коалиции европейских государств — началась Русско-турецкая война 1686—1700 гг. По информации Соловьёва, на Крым во главе с князем В.В. Голицыным двинулось 100-тысячное русское войско²⁶. По современным данным, на реке Мерло в начале мая 1687 года сосредоточились

около 60 тыс. солдат, стрельцов, копейщиков, рейтар, 50 тыс. дворянской конницы и артиллерия²⁷. К ним на реке Самара присоединились до 50 тыс. малороссийских казаков во главе с гетманом И.С. Самойловичем. Но степной пожар, уничтожив траву на значительной территории, лишил лошадей подножного корма и заставил войско повернуть назад²⁸.

О втором походе на Крым объявили в сентябре 1688 года. «Наученный опытом Голицын хотел предпринять поход раннею весною, чтоб не иметь недостатка в воде и траве и не бояться степных пожаров. Ратным людям велено собраться не позже февраля 1689 года»²⁹. Для обеспечения войск «8 ноября был объявлен сбор с посадских и всех торговых людей десятой деньги» — чрезвычайного налога на военные нужды (10 проц. дохода)³⁰. В феврале 1689 года 112-тысячное русское войско под командованием Голицына двинулось в степь. 20 апреля к нему присоединились около 40 тыс. казаков И.С. Мазепы — гетмана Левобережной Украины с июля 1687 года³¹. В середине мая русское войско отразило атаку татар и 20-го подошло к Перекопу³² — крепости, защищавшей полуостров от вторжения с материка.

Русское командование рассчитывало, «что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя; не подумали об одном, что и за Перекопью та же безводная степь, как и на дороге к полуострову, что татары могут истребить все и заморить

врага голодом и жаждою... надобно было брать крепость, а войско уже двое суток было без воды... колодцев нет, лошади падают, еще несколько дней — и как будет отступать, на чем везти наряд (артиллерию. — **Прим. авт.**)? Чтoб возвратиться с чем-нибудь назад, Голицын завел мирные переговоры с ханом в надежде, что тот, испугавшись нашествия, согласится на выгодные для России условия; но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя, и он повернул назад без мира»³³.

В тот же период развивался вооружённый конфликт на восточной окраине Русского государства, освещённый Соловьёвым. В июле 1685 года китайское войско захватило Албазин — укрепленное русское поселение на Амуре. Оставшихся в живых его защитников во главе с воеводой А.Л. Толбузиным отпустили³⁴. На месте прежнего Албазина в «июне 1686 года город был достроен, а в июле уже опять пришли к нему китайцы, в числе 5000 с сорока пушками. Защитников было не более 1000... Воевода Толбузин был ранен пушечным ядром и от ран умер». Узнав, что в Приамурье из Москвы шёл сподвижник Петра I окольничий Ф.А. Головин «с войском, но вместе и в значении великого полномочного посла», богдыхан (император Китая) «послал своим воеводам приказ не приступать более к Албазину»³⁵. Заключённый в сентябре 1689 года Нерчинский договор о границах и условиях торговли завершил русско-китайский военный конфликт 1682—1689 гг. в Приамурье³⁶.

Два неудачных похода на Крым подтвердили необходимость преобразований военной организации Русского государства. Их царь Пётр I начал с практики обучения войск. Он постоянно с десятилетнего возраста (1682 г.) совершенствовал воинские навыки со сверстниками, образовавшими в 1683 году первую роту³⁷. В ней царь служил барабанщиком, усердием показывая пример другим. Рота совершала марши, штурмовала земляные крепости и стала образцовым воинским подразделением³⁸. В 1687 году Пётр значительно увеличил число своих ратников чинами Конюшенного приказа, стрельцами Сухарева и Бутырского полков, прозванными «потешными», первоначально «потешными конюхами» по названию приказа³⁹. На этой основе начали формироваться два полка — Преображенский и Семёновский — с наименованиями по названиям сёл, в которых размещались. В том же году они приступили к строевой службе⁴⁰.

Соловьёв отметил, что ратные «потехи» юного Петра были приближены к условиям реального боя. Проведённые осенью 1694 года манёвры — Кожуховский поход⁴¹ (по названию деревни Кожухово) — стали подготовкой к Азовским походам⁴².

Одновременно Пётр I уделял большое внимание строительству кораблей на Переславской верфи и в июле 1693 года отправился на север, в Архангельск, где устроил верфь и построил корабль «Святой Павел», сообщив в Москву: «Что давно желали ныне совершилось»⁴³.

Один из соратников Петра — Ф.Я. Лефор, возведённый

в адмиралы, писал 13 сентября 1694 года: «Будущим летом выстроят 5 больших кораблей и 2 галеры»⁴⁴. Так в конце XVII века в Русском государстве создавалось военное судостроение, выводящее его военную организацию на качественно более высокий уровень.

В Москве учли негативный опыт походов на Крым и в

начале 1695 года объявили новый туда же, чтобы ввести турок в заблуждение, но решили нанести удар в другом месте⁴⁵. Войско под командованием Б.П. Шереметева двинулось в низовья Днепра с целью отвлечь силы Крымского ханства. Другое (31 тыс. человек) весной 1695 года выступило к Азову. В нём «бомбардирскую

Возвращение войска из Крымского похода вдоль берега реки Самара

Миниатюра из рукописи первой половины XVIII в. «История Петра I»
(сочинение П.Н. Крекшина)

Собрание А.И. Барятинского

Государственный исторический музей (Москва)

роту вел бомбардир Петр Алексеев». Впоследствии царь писал: «Зачал служить с первого азовского походу бомбардиром»⁴⁶. А в те дни сообщил Ф.М. Апраксину в Архангельск: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем»⁴⁷.

8 июля 1695 года по Азову начала бить русская артиллерия. Но турки по морю получили подкрепление. Два штурма Азова не удались, и 27 сентября было решено отступить.

Тогда, по оценке Соловьёва, «произошло явление великого человека: Петр не пал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу»⁴⁸. Послал в Австрию и Пруссию за инженерами и «подкопными» мастерами. Вызвал из-за границы и из Архангельска специалистов для строительства кораблей, которые должны были пойти к Азову. Голландскую галеру доставили в Преображенское, на лесопильную мельницу, и по её образцу начали строить суда. Адмиралом «зачинавшегося флота был назначен Лефорт. Шкипер и бомбардир Петр Алексеев носил теперь звание капитана. 27 ноября был сказан поход и сухопутному войску», его главным начальником назначен боярин А.С. Шеин⁴⁹. К строительству кораблей были привлечены преображенские и семёновские солдаты, плотники из разных мест, иностранцы. К весне 1696 года в лесных местах, ближайших к Дону, трудились 26 тыс. работников⁵⁰. Построили 36-пушечные корабли «Апостол Пётр» и «Апостол Павел», 23 галеры, 4 брандера⁵¹, 1300 стругов, 300 лодок и 100

плотов⁵². На них погрузили полки, прибывшие в Воронеж. 3 мая начали движение к Азову. Царь находился впереди на галере. Его участие в походе было для войск мощным воодушевляющим фактором⁵³.

Русский флот преградил путь турецкому в устье Дона, и Азов остался без помощи, что предопределило исход борьбы за него. Осадные работы сначала вели прадедовским способом: насыпали земляной вал ровень с неприятельским и засыпали ров. После прибытия австрийских инженеров, артиллеристов и минёров эффективность осады возросла, и турки «18 июля объявили готовность сдаться, выговаривая себе позволение выйти из города в полном вооружении, с женами, детьми и пожитками. Условие было принято»⁵⁴.

Соловьёв писал: «Враги имели право беспокоиться, ибо в России был царь, не отдохавший после подвигов. Тотчас по взятии Азова он уже осмотрел ближние приморские места и на мысу Таганрог решил построить крепость и гавань. Азов был сильно укреплен и сделан русским городом...»⁵⁵. В послании членам Боярской думы Пётр I писал: «Воевать морем, также зело близко есть и удобно многократ, паче нежели сухим путем, к сему же потребен есть флот». По настоянию царя 20 октября 1696 года на созванном им заседании Боярская дума вынесла историческое решение (приговор): «Морским судам быть»⁵⁶. В развитии военной организации России начался новый этап — создание регулярно Военно-морского флота.

4 ноября Боярская дума приговорила: «...корабли сделать со всею готовностью, и с пушками, и с мелким ружьем, как им быть в войне (т.е. полностью готовыми к боевым действиям. — Прим. авт.), к 1698 году или прежде, а делать их так: св. патриарху и властям, и монастырям с 8000 крестьянских дворов корабль. С бояр и со всех чинов служилых людей с 10 000 крестьянских дворов корабль; гостям⁵⁷ и гостиной сотне⁵⁸, черных сотен⁵⁹ и слобод, беломесцам⁶⁰ и городам вместо десятой деньги, которая с них сбиралась в прошлых годах, сделать 12 кораблей со всеми припасами»⁶¹. Для постройки кораблей земледельцы духовные составили 17 отдельных кумпанств (компаний), светские — 18.

Все дела по кораблестроению были отданы в ведение Владимирского судного приказа, которым управлял окольный А.П. Протасьев, получивший звание адмиралтейца. Приказ разослал всем кумпанствам росписи предметов, нужных для постройки и вооружения кораблей, с указанием их размеров и приложением чертежей корабельных частей. Кумпанства были обязаны содержать за свой счёт русских и иностранных мастеров и плотников, переводчиков, кузнецов, резчиков, столяров, живописцев и лекарей с аптекой. Правительство вызвало и распределило по кумпанствам мастеров из Венеции, Голландии, Дании, Швеции⁶².

Чтобы кораблестроение «вечно утвердилось в России», царь отправил в Италию, Англию и Голландию 50 придворных (комнатных

стольников и спальников⁶³ — чинов, несших службу в царских покоях) и сам отправился за границу⁶⁴ формально инкогнито под именем десятника Петра Михайлова в составе «Великого посольства»⁶⁵, побывавшего в 1697—1698 гг. в Прибалтике, Бранденбургском курфюршестве, Голландии, Англии, Австрии, Речи Посполитой. Там Пётр I посещал заводы, мастерские, верфи, мельницы, арсеналы, музеи. Многие участники посольства овладели различными ремёслами или прошли обучение мореплаванью.

Прервать заграничное путешествие и вернуться в Россию царя заставило известие: стрельцы взбунтовались и идут к Москве. Выступление четырёх пол-

ков — Стрелецкое восстание 1698 года — было вызвано недовольством тяготами походной жизни и слухами об исчезновении Петра I. Весной 1698 года группа стрельцов прибыла в столицу для подачи челобитной о выдаче им жалованья, что власти расценили как бунт. Вернувшись к своим полкам, стрельцы-«скороходы» стали агитировать сослуживцев идти в Москву, ссылаясь на призыв царевны Софьи Алексеевны, содержащейся в Новодевичьем монастыре. Взбунтовавшиеся стрелецкие полки отказались повиноваться полковникам, выбрали сотников, пятидесятников и десятников и направились к столице, намереваясь расправиться с боярами, возве-

сти на престол малолетнего царевича Алексея Петровича (старшего сына Петра I и Е.Ф. Лопухиной) при регентстве Софьи Алексеевны и её любимца — находившегося в ссылке князя В.В. Голицына. Власти выставили против стрельцов войско под командованием генерала П.И. Гордона и боярина А.С. Шеина. После нескольких отказов стрельцов сложить оружие их у Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 18 июня рассеяла артиллерия. Расследование бунта провели в несколько этапов, в том числе под руководством царя. 30 сентября начались казни стрельцов⁶⁶. Из опоры государственности и правопорядка они превратились в крайне ненадёжную часть войска⁶⁷.

Военные игры потешных войск Петра I под селом Кожухово

Художник А.Д. Кившенко, 1880 г.

Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)

В том же 1698 году Пётр приступил к организации новых пехотных и драгунских полков. В 1699-м были сформированы 3 дивизии⁶⁸, Азовский флот провёл первые в истории Российского ВМФ манёвры. Из его главной базы Таганрога 46-пушечный корабль «Крепость» доставил российское посольство в Константинополь⁶⁹. «До Керчи посланники шли Азовским морем в государственном морском корабельном и галерном караване» во главе с генерал-адмиралом Ф.А. Головиным; «командиром на корабле “Апостол Петр” был сам государь; в караване кроме “Крепости” было девять кораблей, две галеры, яхта, два галиота⁷⁰, три бригантира⁷¹... в четырех морских стругах шел донской атаман Фрол Минаев с пятьюстами выборных козаков»⁷². По Константинопольскому мирному договору 1700 года к России отошли Азов и побережье Азовского моря до реки

Миус⁷³. В том же году Преображенский и Семёновский полки стали лейб-гвардейскими, положив начало созданию Российской императорской лейб-гвардии — наиболее подготовленным и боеспособным формированиям армии России⁷⁴.

Таким образом, Соловьёв в своём фундаментальном труде показал: в последней четверти XVII века у монархов и их окружения крепло понимание того, что интересы Русского государства в оборонной сфере требуют преобразования устаревшей военной организации. Но от разработанных в 1682 году планов её обновления отказались после смерти царя Фёдора Алексеевича. На состоянии войск отрицательно сказывалась борьба придворных группировок за власть. В ней боярско-княжеская аристократия использовала стрелецкие полки. Неудачи двух Крымских походов 1687, 1689 гг. дали новые доказательства необходи-

мости преобразований в военной сфере, которые Пётр I начал совершенствованием полевой выучки войск, позволившей подготовить их к Азовским походам. По настоянию царя 20 октября 1696 года было принято историческое решение о создании нового вида отечественных Вооружённых сил — регулярного Военно-морского флота России. Первые шаги в реализации этого решения обеспечили успех во втором Азовском походе. Взятие Азова стало первой крупной победой наших армии и флота с участием будущего первого императора России. Опыт Азовских походов использовали в дальнейшем совершенствовании военной организации нашего Отечества. Нововведения последней четверти XVII века создали необходимые предпосылки для качественно нового этапа её развития — военных реформ Петра Великого в первой четверти следующего столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лосик А.В., Щерба А.Н. Русское войско в Смутное время: по сведениям «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва // Военно-исторический журнал. 2020. № 4. С. 80—87.

² Они же. «Служба мечом считалась честнее службы пером». Оборонные проблемы Русского государства первой половины XVII века в «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва // Там же. 2021. № 3. С. 13—21.

³ Они же. «Малая Россия соединяется с Великою». С.М. Соловьёв о выборе украинского народа и его защите в Русско-польской войне 1654—1667 гг. // Там же. 2022. № 5. С. 4—19.

⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён в 18 кн. Кн. 5. М.: Мысль, 1990. С. 46.

⁵ Самойлович // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ) (bigenc.ru).

⁶ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. М.: Мысль. 1991. С. 191—221; Русско-турецкие войны // БРЭ ЭВ.

⁷ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 238, 239.

⁸ См.: Местничество // БРЭ ЭВ.

⁹ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 240, 241.

¹⁰ Там же. С. 408.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² Хованский // БРЭ ЭВ.

¹³ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 438—452.

¹⁴ Там же. С. 438—554.

¹⁵ Там же. С. 287.

¹⁶ Переяслав — один из древнейших городов Руси у впадения р. Альты в р. Трубеж, ныне в Киевской обл. Основан в 993 г., до середины XIII в. упоминался как Переяславль, Переяславль Русский, а также Южный, с XV в. — Переяслав, Переяславль, в 1943—2019 гг. Переяслав-Хмельницкий. В 2019 г. переименован в Переяслав. См.: Переяслав // БРЭ ЭВ.

¹⁷ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 289.

¹⁸ Там же. С. 281.

¹⁹ Гадячский (Гадяцкий) полк сформирован в г. Гадяч (ныне Полтавской обл.,

Украина), существовал в 1648—1649, 1659—1660, 1672—1782 гг.

²⁰ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 388, 389.

²¹ Там же. С. 168, 173.

²² Там же. С. 363.

²³ См.: Там же. С. 317; Русско-польская война 1654—67 // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 317; Андрусовское перемирие // БРЭ ЭВ.

²⁴ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 363.

²⁵ «Священная лига» — коалиция Священной Римской империи (СРИ), Речи Посполитой, Венецианской республики и с 1586 г. России. В ряде источников участником коалиции вместо СРИ указана Австрия, т.к. к тому времени СРИ стала конгломератом независимых государств, власть её императора — номинальная, этот пост занимал Леопольд I Габсбург, правивший Австрией, которая вела Австро-турецкую войну 1683—1699 гг. См.: «Священная лига» 1684 // Советская историческая

энциклопедия в 16 т. (СИЭ). Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. Стб. 616; Карловицкий конгресс 1698—99 // БРЭ ЭВ; Русско-турецкие войны // Там же; Леопольд I Габсбург // Там же; Австро-турецкие войны 16—18 вв. // Там же.

²⁶ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 380.

²⁷ Крымские походы // БРЭ ЭВ.

²⁸ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 379—381.

²⁹ Там же. С. 393, 394.

³⁰ Десятая деньга // СИЭ. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стб. 135.

³¹ См.: Мазепа // БРЭ ЭВ.

³² Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 393—395.

³³ Там же. С. 396.

³⁴ Там же. С. 401.

³⁵ Там же. С. 401, 402.

³⁶ См.: Нерчинский договор 1689 // БРЭ ЭВ.

³⁷ Фонд Воронцовых // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 292. Л. 5, 6.

³⁸ Устрялов Н. История царствования Петра Великого: потешные и Азовские походы в 6 т. Т. 2. СПб.: Тип. II-го отд. Собст. его Имп. Вел. Канц., 1858. С. 23.

³⁹ Бобровский П.О. Потешные и начало Преображенского полка. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1899. С. 25.

⁴⁰ Дирин П. История лейб-гвардии Семёновского полка в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Голпе, 1883. С. 17.

⁴¹ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 456.

⁴² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 4 // Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. 4. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. С. 21.

⁴³ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 456—458.

⁴⁴ Там же. С. 508.

⁴⁵ Там же. С. 508, 510.

⁴⁶ Там же. С. 512.

⁴⁷ Там же. С. 510, 511.

⁴⁸ Там же. С. 513.

⁴⁹ Там же. С. 514.

⁵⁰ Там же. С. 513, 514.

⁵¹ Брандер (от голл., нем. Brand — «пожар»), небольшое парусное судно, наполненное горючими, легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами. Сцеплялось с кораблём противника абордажными крючьями и поджигало его. Команда покидала брандер. См.: Брандер // БРЭ ЭВ.

⁵² Азовский флот // Там же.

⁵³ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 515.

⁵⁴ Там же. С. 516.

⁵⁵ Там же. С. 520.

⁵⁶ Там же. С. 521.

⁵⁷ Гости — в Русском государстве, России во второй половине XV — первой четверти XVIII в. сословная корпорация преимущественно богатых купцов, имевших торговые и дипломатические заслуги перед государственной властью, пользовавшихся рядом прав и привилегий. См.: Гости // БРЭ ЭВ.

⁵⁸ Гостиная сотня — вторая по значимости после гостей привилегированная сословная купеческая корпорация в Русском государстве, России в последней трети XVI — первой четверти XVIII в. См.: Гостиная сотня // Там же.

⁵⁹ Чёрная сотня — в XVI—XVII вв. посадское население, которое платило налоги, подати и исполняло повинности. В 1905—1917 гг. черносотенцы — члены крайне правых организаций в России, выступавших с позиций русского национализма под лозунгами защиты монархии и православия. См.: Черносотенцы // Там же.

⁶⁰ Беломесцы — в Русском государстве в XVI—XVII вв. жители белых (обелённых, от древнерусского «обелить» — освободить от податей) частновладельческих земель, освобождённые

полностью или частично от государственных податей и повинностей. См.: Белые земли // Там же.

⁶¹ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 522.

⁶² Там же.

⁶³ См.: Комнатные столы // Российская государственность в терминах. IX — начало XX века. М.: Крафт+, 2001.

⁶⁴ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 523.

⁶⁵ «Великое посольство» 1697—98 // БРЭ ЭВ.

⁶⁶ См.: Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 540—554; Стрелецкое восстание 1698 // БРЭ ЭВ.

⁶⁷ Ответом на восстание 1698 г. и волнения стрельцов в Азове стал приказ Петра I расформировать стрелецкое войско. Но с началом Северной войны 1700—1721 гг. выполнение приказа было приостановлено. Часть стрелецких полков была расформирована и поглощена регулярной армией. Ликвидация стрелецкого войска в основном завершилась в 1720-х гг., но в ряде мест часть городских стрельцов в качестве служилых людей сохранялась почти до конца XVIII в. См.: Стрелецкое войско // Там же.

⁶⁸ Пётр I // Там же.

⁶⁹ Азовский флот // Там же.

⁷⁰ Галиот — парусное двухмачтовое грузовое судно. См.: Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 96.

⁷¹ Бригантина — бригантина. См.: Бригантина // Словарь русского языка XVIII века в 22 вып. Вып. 2. Л.: Наука, 1985. С. 140.

⁷² Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 7. С. 587.

⁷³ Русско-турецкая война 1686—1700 // Интернет-портал Минобороны РФ (encyclopedia.mil.ru).

⁷⁴ Пётр I // БРЭ ЭВ; Российская императорская лейб-гвардия // Там же.

A.V. Losik, A.N. Shcherba

«IN RUSSIA THERE WAS A TSAR, NOT RESTED AFTER THE FEET»

S.M. Solovyov on the military problems of the Russian state in the last quarter of the 17th century

Information about authors. Alexander Losik — Deputy Chief Editor of the journal for scientists «KLIO», D. Sc. (Hist.), Professor (St. Petersburg. E-mail: victoriay@inbox.ru);

Alexander Shcherba — Senior Researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Professor (St. Petersburg. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).

Summary. The article presents the results of the analysis of information about the defense problems of the Russian state in the last quarter of the 17th century, the Russian-Turkish wars of 1676—1681 and 1686—1700, the Crimean and Azov campaigns contained in the fundamental work of S.M. Solovyov «History of Russia since ancient times». The shortcomings of the Russian military organization and the objective need for its transformation, the use of archery regiments by groups of the boyar-princely aristocracy in the struggle for supreme power are reflected. Attention is drawn to the description of the innovative activities in the military sphere of the future first emperor of Russia, the creation and combat use of a new part of the military organization of the Russian state — the regular Navy, which ensured victory in the second Azov campaign. The analysis led the authors to the conclusion: S.M. Solovyov in his work highlighted the state and changes in the military organization of our state in the last quarter of the 17th century, which created the necessary prerequisites for a qualitatively new stage in its development — the reform of the armed forces by Peter the Great at the beginning of the 18th century.

Keywords: Russian state; military organization; Streltsy uprisings of 1682, 1698; Russian-Turkish wars of 1676—1681 and 1686—1700; Crimean and Azov campaigns; Peter I; Navy.

С.В. Федулов,
Н.Н. Мизиркина,
В.В. Соколов

ЛЕТНЯЯ ДОРОГА ЖИЗНИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (1942 г.)

Сведения об авторах. Федулов Сергей Валентинович — профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, член-корреспондент Академии военных наук, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: serg.val.fed.661000@yandex.ru);

Мизиркина Наталья Николаевна — преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург. E-mail: nmizirkina@mail.ru);

Соколов Владимир Владимирович — начальник курса факультета среднего профессионального образования Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург. E-mail: sapere_aude@internet.ru).

Аннотация. С 12 по 30 января 1943 года была проведена совместная операция Ленинградского и Волховского фронтов «Искра», в результате которой была прорвана блокада Ленинграда. Прежде чем приступить к её реализации, Ленинградскому фронту предстояло накопить достаточное количество сил и средств. В статье представлены способы и средства доставки жизненно важных грузов для блокадного Ленинграда, а также ресурсов для Ленинградского фронта и Краснознамённого Балтийского флота. Отмечено, что организацией обороны Ленинграда, в т.ч. и вопросами снабжения, руководил военный совет Ленинградского фронта. Перевозки осуществляла Ладожская военная флотилия, которой были переданы все транспортные средства и портовые сооружения Северо-западного речного пароходства. Государственный комитет обороны СССР и военный совет Ленинградского фронта определяли план и графики перевозок, принимали меры по увеличению транспортного состава, по созданию портовых сооружений и организации путей подъездов к ним. Благодаря принятым мерам планы перевозок грузов были выполнены в полном объёме, что создало предпосылки к успешному проведению операции «Искра».

Ключевые слова: Ленинградский фронт; Краснознамённый Балтийский флот; военный совет; блокадный Ленинград; Ладожская военная флотилия; Северо-западное речное пароходство; летняя Дорога жизни; эвакуация; тендер; баржа-паром; буксир; канонерская лодка; продовольствие; боеприпасы.

Тема блокады Ленинграда вот уже более 80 лет не сходит с газетных и журнальных страниц, ей посвящены многочисленные книги, научные исследования. 20 октября 2022 года Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда геноцидом и преступлением против человечности, установив число погибших жителей Ленинграда — 1,093 млн человек. В числе значимых направ-

лений истории блокады Ленинграда изучаются вопросы обеспечения блокадного города всем необходимым¹. И если о зимней Дороге жизни по льду Ладожского озера знает практически каждый житель нашей страны, то о том, как осуществлялась доставка необходимых грузов в тёплое время года, широкой публике известно не очень много. В данной статье постараемся восполнить этот пробел.

В сентябре 1941 года, с выходом немецко-фашистских захватчиков к Ладожскому озеру, Ленинград оказался в блокаде. Оборону и снабжение города организовывал военный совет (ВС) Ленинградского фронта, который возглавлял командующий Ленинградским фронтом. В разное вре-

мя эту должность занимали М.М. Попов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, И.И. Федюнинский, М.С. Хозин, Л.А. Говоров. В состав военного совета входили партийные и хозяйственные руководители Ленинграда, а именно: А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, Т.Ф. Штыков, Н.В. Соловьёв, Я.Ф. Капустин.

В осенний период 1941 года по Ладожскому озеру как по единственному пути снабжения транспортными средствами Ладожской военной флотилии (ЛВФ) и Северо-западного речного пароходства (СЗРП) началась эвакуация оборудования промышленных предприятий и жителей Ленинграда, а также осуществлялось

снабжение блокадного города и фронта. В ходе транспортировки грузов и пассажиров в 1941 году выявились серьёзные недостатки. Во-первых, отсутствовала чёткая координация перевозок как в Ленинград, так и из Ленинграда. Во-вторых, ярко проявилась нехватка плавсредств для транспортировки по Ладожскому озеру необходимого объёма грузов. В-третьих, вновь создававшиеся порты не справлялись с перевозками в связи со слабым обеспечением погрузочно-разгрузочного оборудования. В-четвёртых, отсутствовали подъездные пути, в т.ч. железнодорожные, к портам погрузки и выгрузки грузов.

К весне 1942 года единственной коммуникацией, связывавшей Ленинград и Ленинградский фронт с остальной территорией СССР, по-прежнему оставался водный путь через Ладожское озеро. Перед ЛВФ снова встал вопрос налаживания навигации и осуществления перевозок.

Окончательно эта задача была определена директивой Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 9 апреля 1942 года. Для её реализации ВС Ленинградского фронта обязал Ладожскую военную флотилию организовать перевозки для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро, а также осуществлять эвакуацию населения и вывоз грузов из города. В свою очередь нарком ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов приказом от 11 апреля 1942 года обязал ЛВФ подготовить все имеющиеся средства с таким расчётом, чтобы обеспечить ежедневную отpravку грузов на Ленинград в количестве 4000 т, вывоз из Ленинграда 3000 пассажиров и 1000 т груза. В дальнейшем эти цифры росли, доходя до 10 тыс. чело-

век эвакуированных и 7000 т груза. ВС Краснознамённого Балтийского флота в своём решении от 23 апреля 1942 года поставил перед ЛВФ главную задачу на кампанию 1942 года — перевозку грузов для Ленинграда и Ленинградского фронта через Ладожское озеро и в обратном направлении — эвакуируемого населения и оборудования заводов Ленинграда².

В целях выполнения задачи по перевозкам, поставленной решением ВС Ленинградского фронта от 19 апреля 1942 года, самоходные и несамоходные, озёрные и речные суда СЗРП и других организаций были подчинены ЛВФ со всеми портами, пристанями, береговым оборудованием и вспомогательными предприятиями. Были определены две трассы перевозок — большая и малая. Таким образом, перевозки грузов в блокадный Ленинград и эвакуационные мероприятия в отличие от навигации осени 1941 года получали чёткий централизованный характер.

Руководство перевозками было возложено на командующего ЛВФ капитана 1 ранга В.С. Черокова. Приказом наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова была введена должность помощника командующего ЛВФ по перевозкам, местом дислокации которого был определён порт Кобона. При штабе ЛВФ было создано отделение по перевозкам. Вопросами подачи грузов занималось управление подвоза (начальник — заместитель начальника тыла Ленинградского фронта генерал-майор А.М. Шилов), который в осеннюю навигацию 1941 года был уполномоченным Ленинградского фронта по перевозкам для снабжения Ленинграда всеми видами довольствия. Для обслуживания флота и обес-

печения перевозок грузов были организованы Осиновецкий и малокаботажный порты на западном берегу, Кобоно-Кареджский порт на южном берегу Ладожского озера. Для производства погрузочно-разгрузочных работ в зимне-весенний период 1942 года на западном берегу озера, в бухтах Морье, Гольцмана, Осиновец, и на южном берегу, на песчаной косе в районе Кобона — Кареджи, были построены и оборудованы специальные причалы с подъездными железнодорожными путями³.

Следует отметить, что весна 1942 года была холодной и ледовая дорога в блокадный Ленинград прекратила свою деятельность только 25—27 апреля. К этому времени ремонт на кораблях ЛВФ был закончен, они были готовы при первой возможности начать перевозки. Однако ледовые условия не позволили начать навигацию. Несмотря на то что к весеннему ледоходу флотилия готовилась основательно, в мае создавалась угроза кораблям от передвижек льда, так как осенью 1941 года они зазимовали в пункте вынужденной дислокации. В Новой Ладоге с помощью подрывов льда корабли ЛВФ были выведены в устье реки Волхов. Сложной осталась обстановка на рейде Морье. Ледовый припой с вмёрзшими в него кораблями начал дрейфовать на камни, и суда с большим трудом вырвались из ледового плена, причём канонерскую лодку «Бурея» стащило на камни, где она получила небольшие повреждения корпуса; гидрографическое судно «Сатурн» село на мель, откуда было благополучно снято; на транспорте «Вилсанди» был поломан баллер руля. Данные повреждения в столь сложных условиях считались незначи-

тельными. Таким образом, зимовка для кораблей ЛВФ прошла относительно благополучно.

Несмотря на то что ледовая обстановка не позволяла производить перевозки, в Новой Ладоге и Гостинополе продолжалась предварительная загрузка пригодных для транспортировки барж. К этому времени ЛВФ были приняты в эксплуатацию принадлежавшие СЗРП следующие суда:

1. Паровые: 5 озёрных буксирных пароходов; 9 речных буксирных пароходов (для плавания озером на участке Кобона — Осинец); 28 буксирных пароходов (для выполнения рейдовых работ и буксировки по р. Волхов); 7 пассажирских пароходов; 5 служебно-вспомогательных судов. Всего 54 единицы.

2. Непаровые: 11 озёрных барж; 18 речных барж (для работы в озере на участке

Кобона — Осинец); 20 речных барж (для обслуживания местных перевозок только на реках и каналах). Всего 49 единиц⁴.

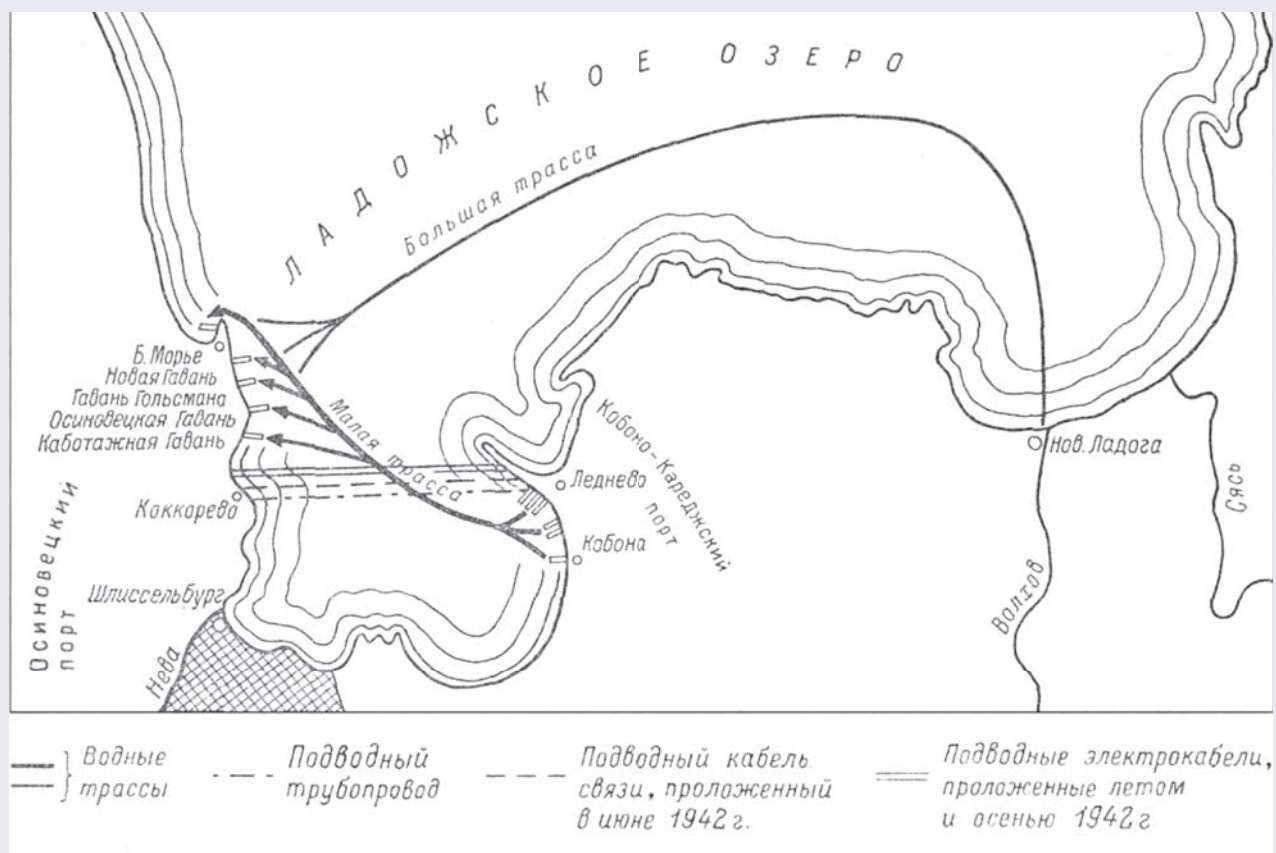
Быстрый и заблаговременный ввод в работу затопленных доков позволил продолжать несамостоятельные суда и дополнительно загрузить значительную их часть ещё до открытия навигации на Ладожском озере.

Из корабельного состава ЛВФ для непосредственного участия в перевозках, а именно в буксировке, были выделены четыре тральщика. Канонерские лодки, осуществлявшие конвой, принимали грузы непосредственно на борт, а при необходимости использовались в качестве буксиров. Вопросу обеспечения флотилии вооружением Главный морской штаб уделял особое внимание. Для вооружения барж и буксиров были выделены 129 пу-

лемётов ДШК и девять 45-мм пушек. Суда, предназначенные для перевозки грузов Ладожским озером, а также озёрные буксирные пароходы («Морской лев», «Орёл», «Никулясы», «Гидротехник» и «Буй») были вооружены пулемётными установками и 45-мм пушками. На 20 мая 1942 года вооружение было установлено на 25 непаровых судах (баржах) и пяти буксирных пароходах. Суда, которые вооружались пулемётными установками и артиллерийскими орудиями, были укомплектованы расчётами. По мере ввода в строй новых барж они обеспечивались пулемётными установками ДШК.

С 20 апреля 1942 года Ленинград не имел подвоза грузов, поэтому военные советы Ленинградского фронта и Краснознамённого Балтийского флота настоятельно требовали начала перевозок.

Схема перевозок и навигации по Ладожскому озеру в 1942 г.

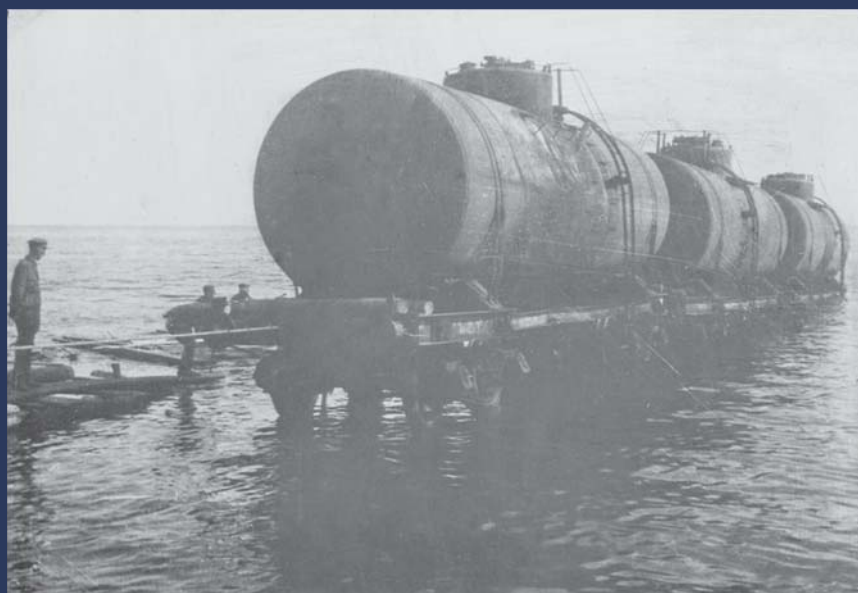

Ладужской военной флотилии военный совет Ленинградского фронта направил график, который конкретно определял, сколько и каких грузов надлежало перевезти к 12 мая 1942 года. Однако, несмотря на все попытки выйти в Ладужское озеро, даже с помощью подрыва льда, перевозки задерживались. И только 22 мая из Осиновца в Кобону был совершён первый пробный рейс буксирного парохода «Гидротехник», за проходом которого напряжённо следили военные советы Ленинградского фронта и Краснознамённого Балтийского флота⁵.

Вследствие тяжёлой ледовой обстановки этот рейс имел более опытное, чем практическое значение. В тот же день руководство ЛВФ получило от члена ВС Ленинградского фронта А.А. Жданова поздравление с благополучным рейсом буксирного парохода «Гидротехник». Это свидетельствовало о том значении, которое придавало руководство Ленинградского фронта и Ленинграда открытию летней Дороги жизни в блокадный город.

С 22 мая 1942 года началась регулярная работа тральщиков, озёрных буксирных пароходов, транспортов и канонерских лодок, зимовавших у западного берега Ладужского озера, по вывозу из Осиновца в небольших количествах разного груза и пассажиров (главным образом эвакуируемых) и по доставке из Кобоны в Осинец продовольствия, вооружения, боеприпасов, горючего и пополнения личного состава Ленинградского фронта.

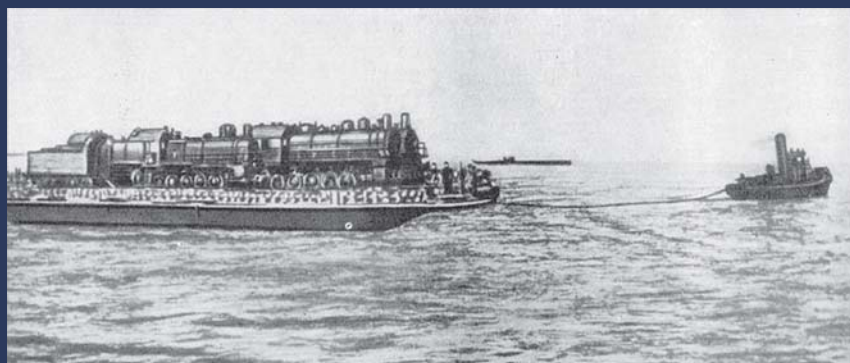
В Волховской губе лёд держался дольше. Только 28 мая удалось выйти из Новой Ладуги в Осинец первому каравану в составе канонер-

Спуск пустых железнодорожных цистерн в Ладужское озеро для буксировки

Транспортировка железнодорожных вагонов на барже по Ладужскому озеру в блокадный Ленинград

Транспортировка паровозов на барже по Ладужскому озеру на Большую землю

Погрузка паровозов на железнодорожный паром
Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 3. Л. 7.

ских лодок «Лахта» и «Шексна», транспортов «Ханси» и «Стенсо», парохода «Лигово», буксирного парохода «Никулясы» с двумя баржами. Этот день считается началом буксирного грузового движения. К тому времени в Новой Ладоге были предварительно загружены 35 барж, два транспорта и паровая шаланда с общим весом груза 14 840 т. Таким образом, был создан резерв грузового тоннажа, что обеспечивало возможность устранения задержек с отправкой грузов из Новой Ладоги. В дальнейшем, как показала действительность, основной причиной, отрицательно влиявшей на ход перевозок, была задержка судов в ходе погрузочно-разгрузочных работ вследствие неподготовленности причальных объектов и плохой организации работ, что было особенно характерным для Осиновца в первую половину навигации⁶.

Первый осенний лёд у западных берегов Ладожского озера и в районе Кобона Коса (южный берег) появился 7 ноября 1942 года. Буксирно-грузовое движение на Ладожском озере было прекращено 25 ноября, после чего до первых чисел декабря продолжали работать во льдах транспорты и канонерские лодки Ладожской военной флотилии. И всё-таки датой закрытия навигации 1942 года принято считать 25 ноября, т.к. после этого дня ВС Ленинградского фронта прекратил давать флотилии планы перевозок грузов и пассажиров. Таким образом, общая продолжительность навигации 1942 года составила 185 суток⁷.

Следует отметить, что метеорологические условия плавания по Ладожскому озеру в навигацию 1942 года были крайне неблагоприятными, что неминуемо ска-

залось на перевозке грузов и пассажиров. Частые продолжительные штормовые ветры создавали значительные трудности в движении судов и в ходе погрузочно-разгрузочных работ в портах. Например, юго-западные и северо-западные ветры, не мешая работать в районе бухт Морье, Гольцмана и Осиновца, создавали тяжёлые условия для отстоя судов в районе Кобона и, наоборот, благоприятные для Кобоно-Кареджского порта юго-восточные и северо-восточные ветры значительно затрудняли работы в районе западного берега.

Однако крайне тяжёлые метеорологические условия Ладожского озера были не единственной угрозой транспортным конвоям блокадного Ленинграда. Немецко-фашистские захватчики всеми силами стремились уничтожить жизненно важную арте-

Самоходный тендер

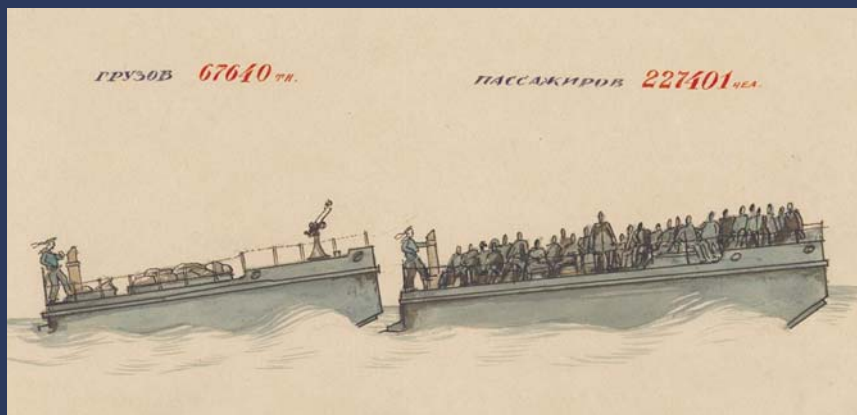

рию, используя для этой цели свою авиацию.

Первый массовый авиационный налёт противника на корабли и порты Осиновец и Кобона был произведён 28 мая 1942 года. 65 бомбардировщиков типа «Ю-87», «Ю-88», «Фокке-Вульф “Курьер”», «Хе-111» и 24 истребителя бомбили пирсы, корабли и порты. В результате налёта тяжёлые повреждения получили канонерская лодка «Бира», пирсы Леднёво, были убиты 32 человека, тяжело ранены 44, легко ранены 38 человек, разбиты 2 пассажирских и 6 товарных вагонов, повреждена материальная часть на некоторых батареях. Наша зенитная артиллерия сбила три «Ю-88», два «Ю-87» и «Хе-111».

29 мая 1942 года налёт был повторён, в нём участвовали 22 «Ю-88», 11 «Ю-87», 3 «Хе-111», 12 «Ме-109». При этом налёте были убиты 2 человека и повреждён один из пирсов Леднёво. В Осиновце были повреждены пассажирская шхуна «Знаменка» и землесос «Эзель». Зенитной артиллерией Ладожской военной флотилии были сбиты четыре «Ю-88», по одному «Ю-87» и «Хе-111». При налётах весь личный состав как кораблей, так и батарей и пирсов проявлял исключительное мужество и героизм. Поэтому в последующем противник наносил бомбовые удары небольшими группами и одиночными самолётами по пирсам и кораблям⁸.

Очередной крупный налёт был произведён в ночь на 10 июня 1942 года. 18 бомбардировщиков в сопровождении истребителей совершили внезапную атаку, в результате которой были серьёзно повреждены два пирса в Леднёво, затоплены пять гружёных барж, боль-

Результаты перевозки на тендерах с начала навигации по 1 сентября 1942 г.

Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 3. Л. 6.

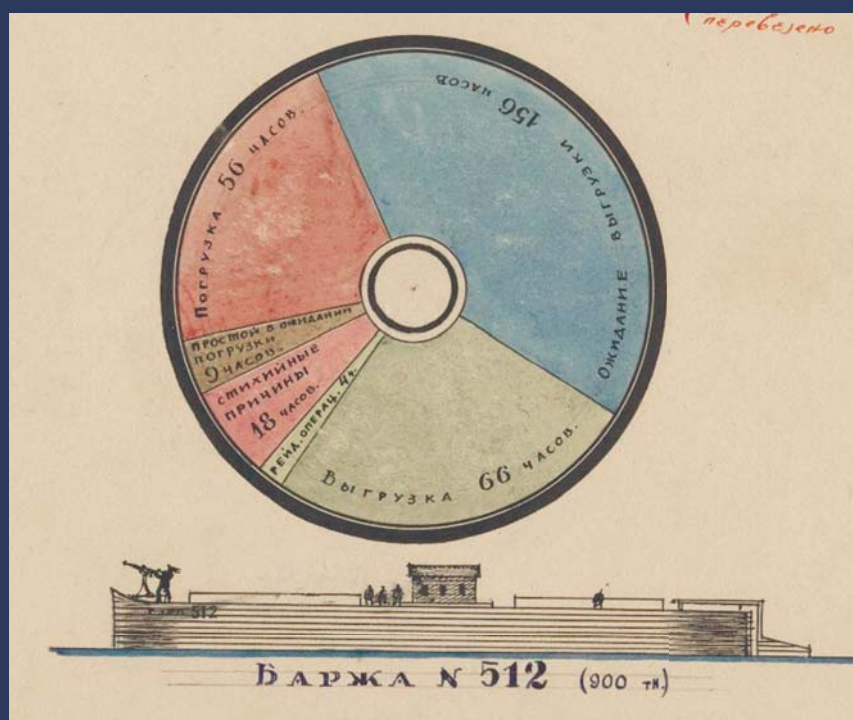

Результаты использования тендеров и мотоботов в 1942 г.

Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 3. Л. 4.

Пример использования баржи (№ 512) из общего учётного периода 338 часов за первую половину августа 1942 г.

Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 3. Л. 5.

шое количество осколочных пробоин получил транспорт «Совет»; на транспорте «Вилсанди» были разрушены все верхние надстройки; морской охотник «МО-261» получил повреждение одного мотора. В ходе налёта были убиты 70 и ранены 50 человек. Этот налёт обошёлся противнику безнаказанно, т.к. зенитная артиллерия Ладужской военной флотилии открыла огонь с опозданием, истребительная авиация также не успела своевременно вылететь на прикрытие.

После этого активность фашистской авиации снизилась, сведясь к разведывательным полётам и систематическим бомбовым ударам по кораблям на малой трассе и в базах, что и привело к определённым затруднениям в перевозках. За период июль—

сентябрь 1942 года от налётов вражеской авиации получили повреждения канонерские лодки «Нора», «Буря», транспорты «Ханси», «Совет» и буксирный пароход «Никулясы». Были потоплены буксирный пароход «Узбекистан» и мотобот № 109. Но наиболее тяжёлой потерей стало потопление бомбардировщиками «Ю-88» 1 сентября сторожевого корабля «Пурга» между Кареджи и Осиновцом.

В дальнейшем массированные налёты вражеской авиации производились в конце октября. А именно 30 и 31 октября 1942 года, когда группы самолётов противника в течение светлого времени суток систематически бомбили корабли на малой трассе. Были повреждены тральщики «ТЩ-81» и «ТЩ-82», буксирные пароходы «Гидротехник»

и «Никулясы», сторожевой катер и морской охотник «МО-227», повреждены и потоплены несколько барж. Наиболее ощутимые удары по малой трассе авиация противника нанесла с 5 по 10 ноября. Бомбардировщики «Ю-88», «Ю-87» группами под прикрытием истребителей систематически наносили бомбоштурмовые удары по кораблям. В те дни были повреждены ряд буксирных пароходов, сторожевые катера, морские охотники «МО-199» и «МО-112», потоплен паром № 4529 с 8 вагонами. В Леднёво было повреждено железнодорожное полотно, сгорели несколько вагонов с имуществом.

Последний серьёзный авиационный налёт противника на малую трассу был осуществлён 23 ноября 1942

Перевозка грузов (по видам продукции) в навигацию 1942 г. по Ладужскому озеру

Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 2. Л. 2.

года, когда было произведено около 20 самолёто-налётов и сброшено 50 авиабомб. В результате этого в Леднёво были повреждены один пирс и железнодорожное полотно. При налётах имелись потери личного состава.

Не ограничиваясь налётами непосредственно на корабли и порты, противник, пытаясь помешать перевозкам, бомбил и пункты подвоза. Так, неоднократно бомбардировкам подвергалась станция Волхов, где фашисты причинили существенные разрушения. Но это, однако, не возымело какого-либо значительного влияния на перевозки⁹.

Помимо налётов авиации немецко-фашистские захватчики применяли против летней Дороги жизни и военные суда. Впервые катера против-

ника были замечены на трассе Новая Ладога — Осиновец в ночь на 28 августа 1942 года. Два катера были обнаружены и обстреляны канонерской лодкой «Шексна». 1 октября в районе Северная Головешка корабли конвоя и дозорный катер Ладожской военной флотилии вели бой с 17 катерами противника. После артиллерийской перестрелки они скрылись, советские корабли потерь не имели.

9 октября морские охотники «МО», проводившие операцию в Ладожском озере, вступили во встречный бой с 16 десантными судами и семью сторожевыми катерами противника, шедшими с южной части озера, предположительно из района большой трассы участка Северная Головешка — остров Сухо¹⁰. В результате неравного боя сто-

рожевой катер «МО-175» со всем личным составом погиб, противник ушёл по направлению острова Коневец.

22 октября крупный отряд фашистских кораблей, состоявший из 23 десантных судов и около 30 катеров, предпринял попытку высадить десант на остров Сухо, расположенный на большой трассе летней Дороги жизни¹¹. Совместными действиями гарнизона острова, кораблей Ладожской военной флотилии и авиации эта попытка была сорвана.

Учитывая вышеуказанные угрозы, военный совет Ленинградского фронта для создания оперативного режима, благоприятствовавшего перевозкам, провёл следующие мероприятия:

1. Дополнительно были созданы военно-морской порт Кобона, речной порт Гостино-

Эксплуатация несамоходного флота (распределение по времени) в навигацию 1942 г. по Ладожскому озеру
Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 2. Л. 5.

полье. Кроме того, имевшиеся порты Морье, Осиновец, Новая Ладога были дооборудованы. Однако их техническая оснащённость погрузочно-разгрузочными средствами была недостаточной.

Условия базирования флота характеризовались отсутствием мест стоянок кораблей, закрытых от воздействия штормов, особенно от северо-восточных и юго-западных ветров, при силе 7—9 баллов. Наиболее остро это обстоятельство сказалось в период осенних штормов: ряд транспортов получили повреждения, несколько барж затонули. Так, 20 октября в Осиновце были выброшены на мель две гружёные баржи и три тендера. 4 ноября в Осиновце были выброшены на берег 14 барж, один паром, с другого парома сорвались и

затонули пять железнодорожных вагонов. В тот же день на рейде Морье затонула баржа с боезапасом, повреждённая штормом.

2. Существенным недостатком организации воздушного прикрытия явилось тройное подчинение оперативной группы 61-й авиационной базы: прямое — командующему ВВС Краснознамённого Балтийского флота, оперативное — командующему 8-й армией ВВС и командующему Ладожской военной флотилией, ставившим перед авиацией дополнительные задачи. В результате этого самолёты отвлекались от выполнения основной задачи, особенно часто для сопровождения транспортной авиации. Так, из общего числа 4097 самолёто-вылетов, сделанных оперативной группой, толь-

ко 1916 были осуществлены для прикрытия перевозок, а 2181 самолёто-вылет — на сопровождение и по другим заданиям (штурмовка позиций противника)¹². Поэтому 61-й авиационной базе была поставлена основная задача — прикрыть портов и транспортных путей ЛВФ.

3. Обеспечение караванов конвоированием боевыми кораблями. В соответствии с принятой системой движение судов по большой трассе шло караванами, формировавшимися в базах. Типовой состав каравана был следующий: 2—3 буксирных парохода, имевших на буксире по 1—2 баржи. При угрозе со стороны катеров противника для усиления конвою придавались морские охотники «МО» и иногда конвой обеспечивался тральщиками.

Всего перевезено по Ладожскому озеру в навигацию 1942 года
 Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 27402. Д. 2. Л. 3.

В ряде случаев конвойные корабли выполняли роль буксиров, ведя за собой баржи непосредственно с места отправления, или брали на буксир получившие повреждения буксирующие суда. Конвой караванов оправдал себя: за всю кампанию не было случаев потерь судов от действий кораблей противника. Все попытки фашистов напасть на караваны неизменно отражались конвоями. Например, 29 сентября канонерская лодка «Лахта» вела бой с двумя катерами противника в районе Северная Головешка и не подпустила их к каравану. Таким образом, во всех случаях, когда в районе наших коммуникаций обнаруживались немецкие катера, они подвергались обстрелу со стороны конвоя и не допускались к каравану.

Охрана кораблей на малой трассе осуществлялась дозорными кораблями, находившимися к северу от трассы. В угрожаемые моменты высылались катера охраны, имевшие главной задачей усиление противовоздушной обороны¹³.

Возраставший объём перевозок по Ладожскому озеру и потери судов требовали значительного увеличения их количества. Решением ВС Ленинградского фронта на Ладожское озеро были переведены пассажирские и буксирные пароходы с Невы. В начале навигации по железной дороге были переброшены 8 паротеплоходов бывшего Ленинградского пригородного пароходства, а в конце навигации — 5 буксирных пароходов Ленинградского речного порта Северо-западного речного пароходства.

Для перевозки эвакуированного населения, багажа и грузов широко использовались тендера¹⁴, постро-

енные зимой 1941/42 года в Ленинграде в количестве 102 единиц и перевезённые на Ладожское озеро по железной дороге. Так, тендерами и мотоботами было совершено 13 117 рейсов и перевезены 246,8 тыс. человек. Остальные 548,6 тыс. человек были перевезены на пассажирских судах Северо-западного речного пароходства и портах Ладожской военной флотилии.

В отличие от перевозок 1941 года в навигацию 1942 года активное участие в них принимали боевые корабли: канонерские лодки, тральщики, транспорты и, как уже отмечалось, малотоннажный флот. Если в навигацию 1941 года канонерские лодки почти не перевозили грузы, за исключением последнего рейса в ледовых условиях, то с первых же дней навигации 1942 года они были включены в перевозки пополнения РККА на участке Кобона — Осиновец. Следует отметить, что нормы погрузки на суда были значительно увеличены. Так, если в навигацию 1941 года канонерские лодки («Буря», «Нора», «Селемджа») брали максимум 300 пассажиров, то в навигацию 1942 года они принимали на борт до 1000—1200 человек. Аналогичная ситуация была и по тральщикам, которые выделялись для перевозок. Тральщики в навигацию 1941 года брали на борт максимум 80—100 пассажиров, в навигацию 1942 года они принимали уже по 150—200 человек. Транспорт «Вилсанди», бравший на борт в 1941 году максимум 275 пассажиров, в 1942-м брал уже 500—550 человек на переходе короткой трассы¹⁵.

Основным же видом транспортировки грузов являлись несамоходные баржи. Вместе с тем следует отметить, что

каждая из барж простаивала в ожидании и проведении погрузочно-разгрузочных работ в 6—7 раз дольше, чем требовалось на её транспортировку по Ладожскому озеру. Самым прагматичным решением в сложившейся ситуации было заменить баржи железнодорожными паромы, однако ни на Ладожском озере, ни в Ленинграде таковых не было. Поэтому было принято решение переделать в паромы имевшиеся большегрузные баржи. Это было связано с громадными техническими трудностями и риском¹⁶. Во-первых, следовало укрепить палубы барж, т.к. они не были рассчитаны на большой груз. Во-вторых, необходимо было повысить остойчивость барж с целью предотвращения их опрокидывания при погрузке-выгрузке и транспортировке нестандартного груза. В-третьих, надо было создать такое причальное устройство, благодаря которому изменявшаяся осадка парома не вызывала бы перемещения концов рельс на нём относительно рельсового пути на берегу, что привело бы к сходу с рельс и падению вагонов. Решение данных проблем заместитель наркома судостроительной промышленности А.В. Самарин поручил начальнику конструкторского бюро Балтийского судостроительного завода С.А. Базилевскому, который подготовил проекты парома, переделанного из баржи, и причального устройства для погрузки и выгрузки вагонов¹⁷.

Военный совет Ленинградского фронта утвердил эти проекты, но с условием вывезти из Ленинграда помимо гружёных вагонов более 100 магистральных паровозов, очень необходимых стране и не нужных в блокадном Ленинграде. Под руководством

С.А. Базилевского эти задачи были успешно выполнены.

Применение барж в качестве паромов, приступивших к работе 12 августа 1942 года, позволило не только произвести переброску железнодорожного подвижного состава, в т.ч. паровозов, за пределы Ленинградского железнодорожного узла вглубь страны, но вместе с тем и вывезти в вагонах-платформах до 40 841 т оборудования без производства весьма сложных и трудоёмких работ по погрузке оборудования из вагонов в суда и обратно¹⁸.

Очень интересное решение было найдено для транспортировки из блокадного Ленинграда по Ладожскому озеру вплавь пустых железнодорожных цистерн, что высвобождало значительный тоннаж плавсредств. Только колёсные пары вместе со своими буксами могли при этом выйти из направляющих и утонуть. Чтобы этого не случилось, их привязывали тросами к вагонной раме, после чего весь поезд просто сталкивался паровозом на воду по специально проложенному рельсовому пути.

Затем к другому его концу прицеплялся буксирный пароход, который и отводил его к противоположному берегу озера. Вытаскивание из воды вновь осуществлялось паровозом¹⁹. Опыт оказался удачным, и за сентябрь—октябрь 1942 года из Осиновца в Кобону были отбуксированы 96 цистерн²⁰. Аналогичным образом в 1943 году спускались на воду Ладожского озера подводные лодки «М-77» и «М-79», предназначенные для усиления ЛВФ.

Следует отметить, что ещё одним из видов транспортировки по Ладожскому озеру была перевозка скота для блокадного Ленинграда. Постановлением военного совета Ленинградского фронта Ладожской военной флотилии в октябре—ноябре 1942 года предписывалось перевезти 7800 голов лошадей и скота. Фактически же были перевезены 15 634 головы, из них: лошадей — 3311; крупного скота — 3488; овец — 6612; молодняка — 2223²¹.

Кроме всего вышеперечисленного, важный вклад Ладожская военная флотилия внесла в прокладку подвод-

ных силового электрического кабеля и трубопровода в блокадный Ленинград. Так, в соответствии с решением Военного совета Ленинградского фронта от 10 мая 1942 года Ладожская военная флотилия направила в распоряжение Ленэнерго две баржи водоизмещением 1200 т и один буксирный пароход. Для прокладки подводного трубопровода — баржу, буксир, четыре мотобота, три катера²².

Таким образом, подводя итоги деятельности летней Дороги жизни блокадного Ленинграда в навигацию 1942 года, следует отметить, что, во-первых, основная задача, поставленная перед Ладожской военной флотилией Государственным комитетом обороны СССР и военным советом Ленинградского фронта на 1942 год, была выполнена. Через Ладожское озеро были перевезены 1008 тыс. т грузов, из них: в Ленинград — 775 тыс. т (продовольствие, боеприпасы и вооружение, уголь и жидкое топливо, прочие грузы); из Ленинграда — 233 тыс. т (железнодорожные составы, заводское оборудование, ма-

Таблица

Перевозки на железнодорожных баржах-паромах в навигацию 1942 года

Наименование грузов	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Итого
Из Осиновца на Кобону					
Паровозы	36	32	69	—	137
Тендеры	40	30	64	—	134
Вагоны	219	667	618	123	1627
Из Кобоны на Осинец					
Вагоны	68	134	448	159	809
Автомашины	—	—	127	1	128
Цистерны	—	—	22	3	25
Повозки	—	—	94	—	94

Составлена по: Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 20.

териалы промышленности, прочие грузы). Пассажиров — 789,3 тыс. человек, из них: из Ленинграда — 503 тыс. человек; в Ленинград — 286,3 тыс. человек. Во-вторых, при помощи Ладожской военной флотилии в Ленинград были проложены подводные сило-

вой электрический кабель и трубопровод, что в значительной мере улучшило положение блокадного города, Ленинградского фронта и Краснознамённого Балтийского флота.

Но самое главное — накопленные военным советом Ле-

нинградского фронта силы и средства, полученные благодаря деятельности летней Дороги жизни, позволили с 12 по 30 января 1943 года успешно провести наступательную операцию «Искра», в результате которой блокада Ленинграда была прорвана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: 900 героических дней: сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. / Сост. Х.Х. Камалов, Р.В. Серднак, Ю.С. Токарев. М.; Л., 1966; Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 / Отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 1995; Страна — Ленинграду, 1941—1945: сборник документов / Сост. Л.И. Ильина, В.М. Ковальчук, А.П. Купайгородская, Р.В. Серднак. СПб.; Кишинёв, 2002; Сульдин А.В. Блокада Ленинграда: полная хроника — 900 дней и ночей. М.: АСТ, 2013; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013; Петров Г. «125 блокадных грамм...» // Загадки истории. 2017. № 1/2. С. 10, 11; Фролов М.И. «Уничтожение окружённого Петербурга необходимо для нашей безопасности...». Финские войска в блокаде Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2015. № 1.

С. 18—24; Ясман З.Д. Спасти детей блокадного Ленинграда // Там же. 2014. № 6. С. 61—65; Мосунов В.А. Срыв немецких планов под Ленинградом // Там же. № 1. С. 13—18; Новосёлов И. Легендарная дорога жизни // Родина. 2013. № 2. С. 68, 69; Коршунов Э.Л., Рупасов А.И. «В ноябре 1942 г. всё было готово для открытия троллейбусной линии по Ладоге» // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 37—40; и др.

² Филиал Центрального архива МО РФ (архив Военно-морского флота, г. Гатчина) (Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина)). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Там же.

¹⁴ Тендер — самоходная стальная баржа. Длина — 10,5 м, ширина — 3,6 м, высота борта — 1,5 м. Объём трюма — 30 м³ (12—15 т грузов). Автомобильный мотор ЗИС-5 мощностью 75 л.с. Скорость хода — 5 узлов (9 км/ч). Вооружение — 12,7-мм пулемёт. Из-за отсутствия реверсивных муфт двигателя тендер имел только передний ход.

¹⁵ Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 17.

¹⁶ Базилевский С.А. Из моих воспоминаний. Рукопись. ФГУП «Крыловский государственный научный центр». С. 63.

¹⁷ Там же. С. 63, 64.

¹⁸ Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 20.

¹⁹ Базилевский С.А. Указ соч. С. 62.

²⁰ Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 20.

²¹ Там же. Л. 20—21.

²² Там же. Оп. 27402. Д. 1. Л. 9.

S.V. Fedulov, N.N. Mizirkina, V.V. Sokolov

THE ROAD OF LIFE IN BESIEGED LENINGRAD IN THE SUMMER OF 1942

Information about authors. *Sergey Fedulov* — professor at the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of the A.F. Mozhaysky Military Space Academy, corresponding member of the Academy of Military Sciences, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: serg.val.fed.661000@yandex.ru);

Natalia Mizirkina — lecturer at the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of the A.F. Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg. E-mail: nmizirkina@mail.ru);

Vladimir Sokolov — course leader of the Vocational Secondary Education Department at the A.F. Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg. E-mail: sapere_aude@internet.ru);

Summary. On January 12—30, 1943, the joint operation *Iskra* (Spark) of Leningrad and Volkhov Fronts was carried out, as a result of which the blockade of Leningrad was broken. Before proceeding with it, the Leningrad Front needed to accumulate a sufficient amount of assets. The paper presents ways and means of delivering vital supplies for the blockade of Leningrad, as well as resources for the Leningrad Front and the Red Banner Baltic Fleet. The paper notes that the organization of the defense of Leningrad, including logistics, was directed by the military council of the Leningrad Front. Transportation was carried out by the Ladoga Warship Flotilla, which was given all the transport capacities and port facilities of the Northwest River Shipping Lines. The USSR State Defense Committee and the Leningrad front military council determined the plan and schedules of transportations, took measures to increase the number of transport ships, to create port facilities and the construction of access roads to them. Thanks to the measures taken, the cargo transportation plans were fulfilled completely, which created the prerequisites for the success of Spark Operation.

Keywords: Leningrad Front; Red Banner Baltic Fleet; military council; besieged Leningrad; Ladoga Warship Flotilla; North-Western River Shipping Lines; summer Road of Life; evacuation; tender; barge-ferry; tug; gunboat; food; ammunition.

А.Н. Колобов,
А.А. Ефимов,
И.А. Анохина

«...ОТРЫВАТЬ НЕДОВОЛЬНЫХ ОТ ГИТЛЕРА»

Методы информационно-психологического воздействия на противника
в первом периоде Великой Отечественной войны
в воспоминаниях её участников

Сведения об авторах. Колобов Андрей Николаевич — заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат педагогических наук (г. Пенза. E-mail: andrei-kolobov1977@mail.ru);

Ефимов Алексей Александрович — старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук, доцент (г. Пенза. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Анохина Ирина Анатольевна — преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук (г. Пенза. E-mail: anohina_iren@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе обзорного анализа воспоминаний участников Великой Отечественной войны рассматривается восприятие ими деятельности военно-политических органов Красной армии по разложению войск гитлеровской Германии на советско-германском фронте в 1941—1942 гг. Описывается воздействие советской пропаганды на немецкие армейские части как наиболее устойчивые к информационно-психологическому давлению; показывается идейно-политическая и морально-психологическая сущность противника; сопоставляются методы подрыва боевого духа военнослужащих вермахта с их мировоззренческими установками; выявляются ошибки и достижения в работе по деморализации личного состава германских войск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; военно-политические органы; вермахт; работа по разложению немецких войск; идейно-политическая и морально-психологическая сущность противника; нацизм; культ Гитлера; пруссачество; «имперские немцы»; советская «революционная» пропаганда; советская пропаганда «с позиции силы».

В годы Великой Отечественной войны военно-политические органы Красной армии с успехом проводили работу с личным составом советских войск, нейтрализуя вражескую пропаганду и нацеливая воинов на самоотверженное решение боевых задач. Одновременно с этим велась массивная информационно-психологическая обработка военнослужащих вермахта с целью морального разложения войск противника. Анализ опубли-

кованных воспоминаний советских военачальников, политработников, военных журналистов и других участников войны позволяет проследить основные приёмы и методы обращённой на немецких военнослужащих пропаганды. Наиболее интересным для исследования представляется первый период войны (1941—1942 гг.), когда большинство немецких военнослужащих были твёрдо убеждены в неминуемой победе Германии.

В советской мемуаристике наряду с подробным описанием видов информационного воздействия на противника даётся развёрнутая характеристика идейно-политического и морально-психологического состояния военнослужащих

вермахта. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян считал природу гитлеровской армии «бандитской», а её солдат «морально убогими». При этом, как отметил военачальник, в начале Великой Отечественной войны они были твёрдо убеждены в своём

военном превосходстве над Красной армией¹. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков обратил внимание на тот факт, что немецким молодым людям в возрасте от 20 до 27 лет, составлявшим ядро лучших соединений вермахта в первый период войны,

было до степени фанатизма внушено, что они — «чистокровные арийцы», представители «высшей расы», якобы самой природой призванные господствовать над народами СССР. Этот расистский фанатизм гитлеровской военной молодёжи, помноженный на достигнутые ранее боевые успехи, был своего рода барьером, мешавшим советским пропагандистам достучаться до элементов здравого смысла в сознании немецких захватчиков². Маршал Советского Союза К.С. Москаленко в своих мемуарах поведал о случае, когда немецкие солдаты, побуждаемые вбитыми в их сознание поистине людоедскими стереотипами поведения, решили уподобиться своим «арийским» предкам — «древним германцам» и пили кровь убиваемых ими пленных русских воинов³.

По мнению генерала армии П.И. Батова, в первый период Великой Отечественной войны немецкие войска были весьма устойчивы к информационному воздействию со стороны военно-политических органов Красной армии, поскольку сознание гитлеровских вояк было прочно заблокировано ложно направленным чувством немецкого патриотизма и фанатизмом захватчиков-расистов⁴. Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян характеризовал немцев «образца» 1941 года как «наглых» и «самоуверенных» завоевателей, которые мнили себя «высшей расой господ» и шли по советской земле, полные презрения к «аборигенам»⁵. Генерал армии Е.Е. Мальцев считал немецких солдат фанатиками, одурманенными нацистской демагогией⁶. Генерал-лейтенант И.С. Лыков, в первые месяцы войны являвшийся комиссаром тан-

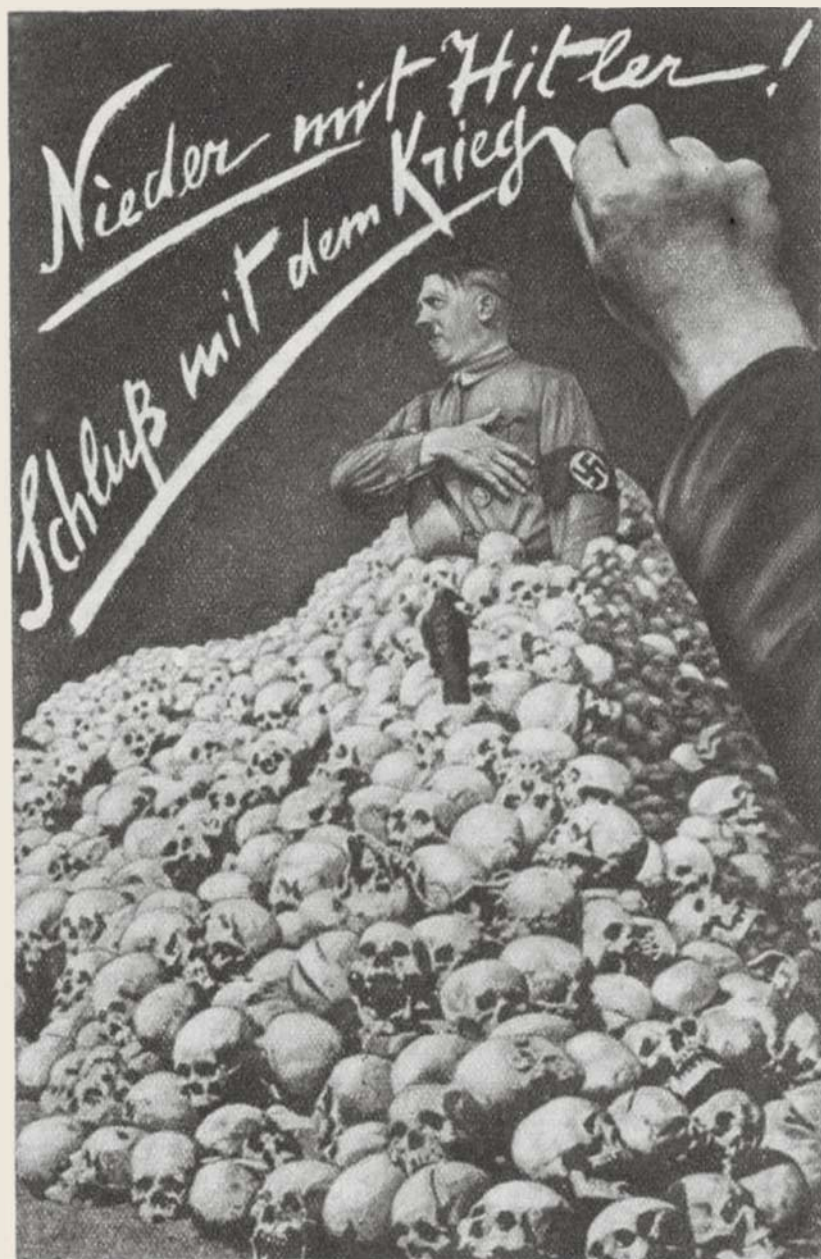

Обложка советского журнала, предназначенного для немецких солдат
Январь 1942 г.

кового батальона, отметил, что до декабря 1941 года немецкие захватчики в массе своей отличались наглостью, самоуверенностью и наличием «арийской спеси». С первых же шагов по советской земле гитлеровцы продемонстрировали, что в них нет ничего человеческого, они вели себя «хуже скотов»⁷. Гвардии полковник Л.И. Курист, встретивший Победу в должности командира 52-й танковой бригады, в своих мемуарах пояснил, что в начале войны немецкие захватчики были для него «горделивыми двуногими скотами», которые с весёлыми песнями жгли советские

сёла вместе с жителями⁸. Политрук батареи артиллерийского полка Н.И. Москвин считал, что у немецких солдат и офицеров жестокость к русским почиталась за высшую доблесть⁹.

Военный переводчик И.И. Левин, прошедший дорогами войны в рядах 2-й Ударной армии, подчёркивал, что, исповедуя расистские и шовинистические убеждения, гитлеровцы проводили чёткую грань между собой — «надчеловеками» — и русскими — «недочеловеками». Немцы просто не считали русских за людей. И это проявлялось не только в массовых убийствах военнопленных и мирного населения. Речь шла о

So führt er euch ins Paradies!
Das ist sein Krieg und Friede!
Das ist der Sieg, den er verließ:
Die Schädelpyramide!

Wann hört der Berg zu wachsen auf
Ihr braucht es nur zu wollen!
Legt SEINEN Schädel oben drauf,
Dann wird kein Kopf mehr rollen!

Советская антигитлеровская листовка на немецком языке
1941 г.

каком-то нутряном, глубинном отторжении. На оккупированных территориях вражеские солдаты, не обращая внимания ни на женщин, ни на детей, раздевались догола и мылись прямо в избах; для них ничего не стоило оправиться на глазах у всех¹⁰.

Британский журналист А. Верт в 1943 году побывал в освобождённом от немецких

оккупантов г. Котельниково и разговаривал с местными жителями, пережившими оккупацию. По его словам, то, что ему рассказали, «не было повестью о каких-нибудь страшных немецких зверствах. Это был рассказ о презрении немцев к русским, о горечи и унижении, которые русским пришлось испытать»¹¹. Журналист так-

же отметил, что немцы старательно внушали жителям Котельниково: русские больше не люди; гитлеровцы «никого не уважали — они могли даже раздеваться при женщинах», русские для захватчиков были «просто рабы»¹².

Военный корреспондент Союзрадио П.В. Кованов отмечал, что в начале войны многие немецкие солдаты и офицеры твёрдо рассчитывали, что в покорённой России они, став помещиками, получат по 40 га земли, и прикидывали, сколько надо даровой рабочей силы, рабов из представителей «чужой расы». Иными словами, немецкие солдаты на завоёванной советской территории мечтали достигнуть того социального статуса, который в объединённой прусскими юнкерами «железом и кровью» Германии почитался за вершину социального успеха и материального благополучия. Кроме того, у военнослужащих немецкой армии целенаправленно и настойчиво воспитывалось чувство личной заинтересованности в грабежах и разбоях¹³.

Генерал-лейтенант С.М. Кривошеин, командовавший механизированным корпусом, подчёркивал, что расизм и жестокость многих немецких солдат и офицеров, желавших стать в России плантаторами-рабовладельцами, доходили до маниакальности, немыслимого изуверства, не укладывающейся в представления нормального человека садистско-извращенческой патологии сознания и поведения. В этой связи военачальник представил следующий сложившийся в его сознании образ захватчика: «...он мечтал о большом куске русского чернозёма с добротным домиком комнаток на десять, с полусотней русских рабов,

которые трудятся и на полях, и в саду, и в доме под строгим его доглядом. В случае победы он ведь был бы единственным повелителем и строгим судьёй “этого скота, который называется русским народом”. Не раз, заливаясь пьяным хохотом, рассказывал бы он о своих весёлых “шуточках” с двенадцатилетней полькой Ядвигой или с десятилетними девочками-белорусками из Кобрин, которые сначала голые танцевали перед ним, потом он их насиловал, а под конец своим ножичком вырезал у них груди и уши, выкалывал им глаза, а они, дурочки, от этого умирали...»¹⁴.

Легендарный снайпер Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Л.М. Павличенко так характеризовала врага: «Они ничем не гнушаются, немецкие солдаты и офицеры. Всё человеческое им чуждо. Нет слова в нашем языке, которое бы определило их подлую сущность»¹⁵.

Писатель и публицист И.Г. Эренбург, воочию видевший преступления гитлеровцев задолго до Великой Отечественной войны, не питал после её начала каких-либо иллюзий по поводу перспектив позитивного информационно-пропагандистского воздействия на немецких солдат и офицеров. Он считал, что на тот исторический момент резервы антифашизма в немецком народе были незначительны, большинство германцев оказались развращены Гитлером¹⁶. По впечатлениям фронтового разведчика А. Карасёва, немецкие вояки «образца» 1941—1942 гг. были «пропитаны рейховской пропагандой»¹⁷. А.А. Маринов, окончивший войну в должности помощника начальника Главного полити-

ческого управления Красной армии по комсомольской работе, подчёркивал, что Гитлеру удалось воспитать страшных исполнителей своих разбойных замыслов. Всё, что было дорого и близко сердцу советского человека, являлось ненавистным для немецких фашистов, и они стремились уничтожить это¹⁸. Летом 1942 года А.А. Маринову попало в руки письмо немецкого ефрейтора своей матери в Гамбург, в котором были такие строки: «Дорогая мама, посылаю тебе посылку и сообщаю — потрошим и бьём мы советских до последнего. Всех их надо истребить, только тогда можно будет жить спокойно. Я горд своим предназначением...»¹⁹.

тариата», взывать к «совести» военнослужащих вермахта, в т.ч. к «совести рабочего человека», искать их симпатии к СССР как «государству рабочих и крестьян»²⁰. Генерал-полковник К.В. Крайнюков в своих мемуарах признал, что в первый год борьбы с немецко-фашистскими захватчиками советская пропаганда среди войск противника была малоэффективной, в т.ч. потому, что она не учитывала подлинный морально-политический облик немецкого солдата, отравленного ядом нацистской идеологии. Преобладали уговаривание и чуждые солдатам гитлеровской армии различные моральные доводы (совести, гуманности, справедливости

«...Он мечтал о большом куске русского чернозёма с добротным домиком комнаток на десять, с полусотней русских рабов, которые трудятся и на полях, и в саду, и в доме под строгим его доглядом. В случае победы он ведь был бы единственным повелителем и строгим судьёй “этого скота, который называется русским народом”»

В информационном воздействии на такого лютого, до маниакальности развращённого нацизмом врага политическое руководство Красной армии, по признанию ветерана военно-политической работы генерал-майора М.И. Бурцева, сочло возможным сделать ставку на «возрождение революционных традиций немецкого проле-

и т.д.)²¹. Вместе с тем крайний национализм и человеконенавистничество, отрицавшие право народов СССР на саму жизнь, в сознании немецких солдат и офицеров органически сочетались с культом Адольфа Гитлера. По наблюдениям Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, в начале войны для немецких солдат и офицеров была ха-

рактерна «безграничная вера в своего фюрера»²². Генерал армии И.М. Третяк был поражен тем иррациональным чувством к нацистскому лидеру, которому были подвержены германские войска даже в 1945 году. Когда, казалось бы, уже не было места иллюзиям, многие немец-

кие солдаты твёрдо верили Гитлеру и, даже оказавшись в советском плену, злобно реагировали на насмешки советских воинов над их кумиром²³. Генерал-лейтенант И.С. Лыков утверждал, что в начале Великой Отечественной войны те немецкие военнопленные, которые осмели-

вались публично оскорблять нацистского фюрера, отрезаться от него, рисковали быть придушенными при удобном случае своими же товарищами по плену²⁴.

Как считал корреспондент газеты «Красная звезда» Н.Н. Денисов, характерной чертой сознания многих немецких солдат и офицеров были предрасположенность к мистицизму и какая-то языческая привязанность ко всякого рода «идолам» и «фетишам»²⁵. Военный политработник И.А. Хизенко в своих мемуарах отметил бросавшуюся в глаза дикарскую по сво-

Советская газета для немецких военнослужащих
Февраль 1942 г.

Советская листовка
«В этом виноват Гитлер!»,
апеллирующая к потерям
вермахта на советско-
германском фронте
1941 г.

ich gefangen! Rufe laut: „Proschá Moskwa, dalój Gittera!“,
das heißt: „Leb wohl Moskau, nieder mit Hitler!“
r 1942. Nr. 110

FRONTnachrichten

Deutsche Soldaten! Die deutsche Armee weicht an der ganzen Front unter großen Verlusten zurück. Euch verheimlicht man das. Erst die Wahrheit über die Lage an der Front.

DIE RUSSEN VERNICHTEN DIE DEUTSCHEN WIDERSTANDSZENTREN

Am 20. Februar setzten die Sowjettruppen ihre Offensive längs der ganzen Front fort und umzingelten und vernichteten deutsche Widerstandszentren.
An der Nordostfront schnitten große russische Skiabteilungen vorrückenden russischen Truppen drei deutsche Divisionen aufgerieben.
Am mittleren Frontabschnitt durchbrachen russische Gardetruppen an mehreren Stellen die deutschen Verteidigungslinien und vernichteten an einem Tag mehr als 900 deutsche Soldaten und Offiziere.
Insgesamt wurden in der Woche vom 13. bis zum 20. Februar von den Truppenteilen der Roten Armee mehr als 1000 deutsche Soldaten und Offiziere vernichtet und an 780 Orten genommen. 780 Ortschaften wurden von den Russen zerstört.

Der Weg des Rückzugs der Hitlerarmee ist durch die zerstörten Kraftfahrzeuge und Leichen deutscher Soldaten gekennzeichnet.

Ich klage Hitler an!

ей сути суеверность немецких военнослужащих²⁶. Видимо, не случайно советские военно-политические работники в своих аналитических выкладках подчёркивали тот факт, что во вражеских войсках после поражения немцев под Москвой наиболее твёрдую верность Гитлеру хранили «старые фронтовики», которые, как отмечалось, крепко уверовали в «сверхъестественную силу» нацистского вождя²⁷.

На тот момент пропагандисты Красной армии понимали проблему дискредитации нацистского фюрера

несколько упрощённо: в плоскости «гневного разоблачения Гитлера и его клики» и подрыва веры немцев в то, что он действительно «лицетворяет добродетели германской расы»²⁸. По оценке И.И. Левина, в начале войны советская пропаганда в адрес противника выдерживалась, как правило, в жанре сатиры. При этом акцент делался на слишком прямолинейном высмеивании Гитлера, что, как свидетельствовал ветеран, воспринималось немецкими военнослужащими на передовых позициях фронта крайне негативно и не дости-

гало своей цели²⁹. Генерал-полковник Ю.А. Науменко полагал, что практика военно-политических органов Красной армии по выставлению карикатурных портретов Гитлера перед немецким передним краем была постоянным элементом советской специальной пропаганды в течение всей войны. Но непосредственную пользу от таких акций Ю.А. Науменко усматривал лишь в том, что немцы, как одержимые, растрачивали живую силу и материальные ресурсы на уничтожение подобных карикатур³⁰. Стандартное мероприятие с выставлением такого карикатурного баннера описал в своих мемуарах фронтовой политработник полковник Д.И. Кочетков. События имели место в августе 1941 года в районе Ярцева, на боевых позициях 127-й танковой бригады, входившей в состав 16-й армии Западного фронта. И в этом случае после безуспешных попыток снять карикатуру гитлеровцы, понёсшие потери, уничтожили её³¹.

Вместе с тем, как указывал генерал-майор М.И. Бурцев, советские военно-политические органы применяли для воздействия на врага и более гибкие инструменты, например, старались «вклиниваться во все старые и новые конфликты и противоречия, отрывать недовольных от Гитлера»³². В этой связи переводчик 924-го полка 252-й стрелковой дивизии М.М. Туган, вспоминая о «вводных», которыми оперировали сотрудники политотделов и переводчики при работе с гитлеровцами в первый период Великой Отечественной войны, подметил намерение советской стороны расколоть германский вермахт по линии «монархи-

Листовка-карикатура с изображением Гимmlера для немецких солдат 1942 г.

Советская листовка с
карикатурой на Гитлера
1941 г.

DEUTSCHE SOLDATEN!
Der blutgierige Hitler stürzt euch in den Abgrund!
Nieder mit dem Henker Hitler!

**Фактором, затруднявшим
успешную работу советских
военных пропагандистов, явились
чрезвычайная вымуштрованность
немецких солдат, их абсолютно
бездумное повиновение приказу,
безусловное признание власти**

солдат, их абсолютно бездумное повиновение приказу, безусловное признание власти любого имевшегося в данный момент начальства³⁵.

Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян характеризовал солдата вермахта как серьёзного и сильного противника, который был опьянён угаром лёгких побед в Европе и ядом нацистской пропаганды, вколотившей ему расистские бредни о его превосходстве над покорёнными народами. При этом немецкий солдат был, по выражению военачальника, «на диво исполнитель и дисциплинирован», дисциплинирован до абсурда — чтобы быть слепой управляемой деталью военной машины, «железной куклой в серо-зелёном мундире»³⁶. По наблюдениям советского офицера А.И. Перегудина, «средний» военнослужащий-гитлеровец был до такой степени исполнительным и дисциплинированным солдатом, что никогда не задумывался о последствиях своих действий, был готов совершить любое преступление, чтобы выполнить приказ командира. Стремление во что бы то ни стало выполнить приказ вытесняло в нём всяческие колебания и сомнения³⁷. Фронтвик О. Нестеренко считал, что служебный педантизм и исполнительность немецких военнослужащих доходили до абсурда, до крайности. Они были такого рода, что немец был готов родную мать убить, лишь бы выполнить приказ³⁸.

Генерал армии Н.Г. Лященко вспоминал, что в апреле 1942 года на участке находившейся под его командованием 106-й стрелковой дивизии

сты — нацисты»³³. Генерал-майор М.И. Бурцев в своих мемуарах также дал понять, что в определённый момент имела надежда на подъём монархическо-антигитлеровских настроений среди немецких военнослужащих в связи с обращением советской пропаганды к таким именам истории Германии, в своё время предостерегавшим своих соотечественников от войны с Россией, как

Фридрих Великий, Бисмарк и ряд других выдающихся деятелей³⁴. Вместе с тем, по мнению М.И. Бурцева, наряду с сильнейшей засорённостью сознания немецких солдат и офицеров нацистскими догмами и иррациональными посылами немаловажным фактором, затруднявшим успешную работу советских военных пропагандистов, явились чрезвычайная вымуштрованность немецких

Южного фронта был взят в плен немецкий унтер-офицер, назвавшийся рабочим, трудившимся до войны на фабрике. На вопрос, почему он воюет против «братьев по классу», немец заявил, что он воюет не против русских рабочих и крестьян, а против «комиссаров и евреев», и высказал твёрдое «убеждение», что после их истребления Германия завершит войну³⁹.

Генерал-майор В.Г. Гуляев летом 1942 года был комиссаром 17-го танкового корпуса, действовавшего в составе войск Брянского фронта. В тот период ему довелось обстоятельно поговорить с пленным немецким солдатом, ранее являвшимся рабочим одного из промышленных предприятий г. Дрездена. Когда пленному был задан вопрос, почему он воюет против русских рабочих и крестьян, последовал спокойный ответ: «Во-первых, потому, что служу в армии по призыву, по закону. Во-вторых, в Германии воюют все, следовательно, воюет Германия, и я воюю за Германию, а не за Гитлера». Как резюмировал мемуарист, «так действовал яд фашистской пропаганды даже на рабочий класс Германии»⁴⁰.

Военный переводчик И.И. Левин считал показательным для периода 1941—1942 гг. образ мыслей одного из гитлеровцев — 40-летнего немецкого унтер-офицера, взятого в плен в начале 1942 года. На допросе он иронично заявил: «Вы, конечно, надеетесь, что в Германии не сегодня-завтра вспыхнет революция, как в 1918 году, а на место Гитлера придёт Тельман. Так вот знайте: это-

го не произойдёт никогда. Во всяком случае, в Германии. Немцы — народ порядка, и свой порядок мы установим повсюду. Кто может отрицать, что мы — самая целеустремлённая и самая организованная нация на земле? Поэтому в нашей победе ни у кого не может быть сомнения. У вас нет даже одного-единственного шанса из ста...»⁴¹.

Деятельность пропагандистских органов Красной армии по разложению рядов немецких захватчиков затрудняло помимо прочих факторов подмеченное советскими мемуаристами характерное обстоятельство, что интеллектуально-культурный уровень «среднего» немецкого солдата был невероятно низок. Поэтому «достучаться» до рассудка таких людей было совсем непросто,

учитывая бытовавший в СССР стереотип о высокообразованной и высококультурной немецкой нации. Как вспоминал И.И. Левин, он был поражён обилием малограмотных и просто дремуче невежественных немцев. В захваченной воинами 2-й Ударной армии полевой библиотеке он не нашёл ни одного тома стихов и вообще ничего из классического немецкого наследия. Зато в изобилии присутствовали походные издания «Майн кампф» Гитлера, брошюры Геббельса, Розенберга и иные пропагандистские материалы. Больше половины «библиотеки» составляли красочные иллюстрированные издания вроде «Искусство состоять в браке и тем не менее оставаться счастливым», фривольные журнальчики с

Parole zum Übergang
auf die Seite der Roten Armee

„Leb wohl, Moskau; nieder mit Hitler!“
„Proschtschái Moskwá; dolói Gitteral!“

Deutscher Soldat! Hitler hat
Dich in den sicheren Tod geschickt. Du bist ohne Kleidung und ohne Fußzeug, Du bist verlaust, Du hungerst, Du gehst unbedingt zugrunde, wenn nicht von der Kugel des Rotarmisten, so von der Kälte des russischen Winters, aber Du kannst Dich retten: geh auf die Seite der Roten Armee über mit der Parole: „Leb wohl, Moskau; nieder mit Hitler!“

Советская листовка из серии
«Прощай, Москва,
долей Гитлера!»
Декабрь 1941 — апрель 1942 г.

обнажёнными красотками на обложках и текстами песенок типа «Лили Марлен»⁴².

Советский офицер-разведчик В.Е. Ленчевский отмечал, что «мозги солдат рейха, этих полуграмотных людей, одетых в зелёные шинели, до из-

неможения забывали гнусной дребеденью. Им внушили, что они выполняют какую-то историческую миссию»⁴³.

Писатель, поэт и публицист К.М. Симонов поведал, как в начале Великой Отечественной войны впервые увидел

пленного немца — сбитоого лётчика, фельдфебеля с железным крестом. С точки зрения литературного классика, бравый вояка был воспитан в полном пренебрежении к советским людям и слепой вере в молниеносную победу. В остальном, по оценке писателя, это был довольно убогий, малокультурный парень из Баварии, приученный только

und an die Kameraden weitergeben!
Gib Dich gefangen mit der Parole:
„PROSCHAJ MOSKWA, DALOJ GITLERA!“
d. h. „Auf Nimmerwiedersehen Moskau,
nieder mit Hitler!“

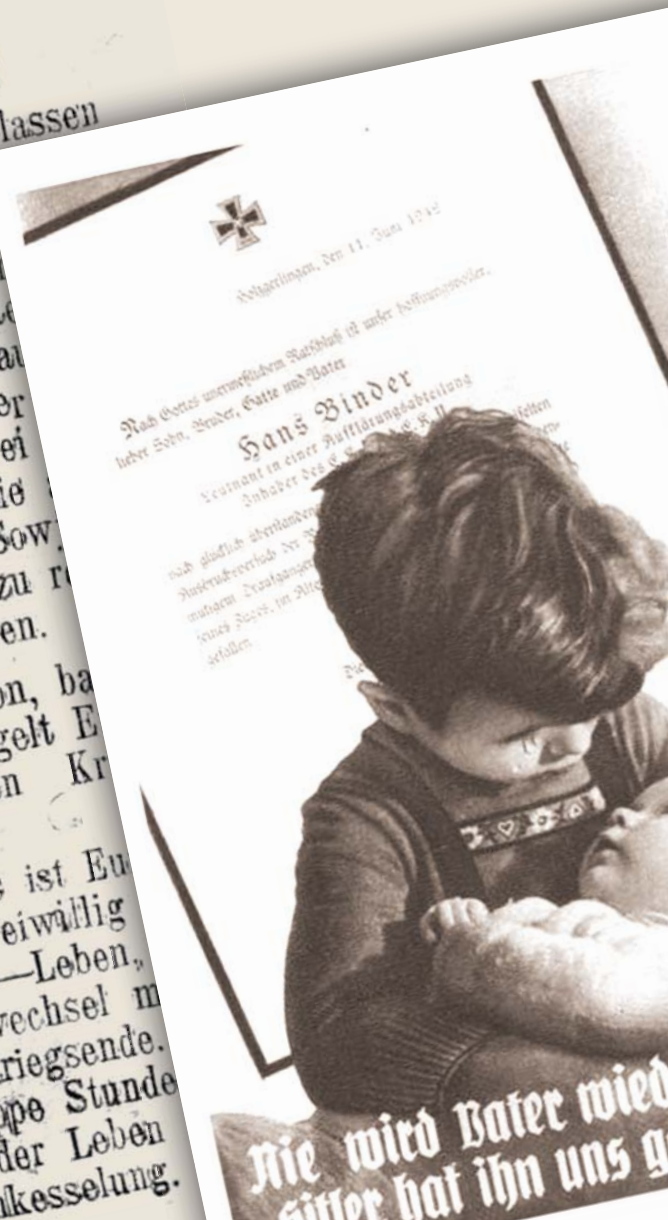
AN DIE SOLDATEN
DER 168. INF.-DIV.

Soldaten! Ihr seid eingekreist! Ergibt Euch!
Eure Division ist vom Kommando zurückgelassen
worden und ist dem Untergang geweiht. Nicht
den Angriff der Roten Armee aufhalten können
Dorf Leski, wo ein Regiment Eurer Division
ist bereits eingekreist. Jetzt wird dieses Re-
giment von Sowjetpanzern, Fliegern und Infanterie an-
gegriffen. In Walabujewka fanden hunderte Eurer
Soldaten aus der 168. Division ihr Grab. Zwei
Kompanien des 528. Reg. der 229. Division, die
Stelle eintrafen, wurden auch von den Sow-
jeten vernichtet. Auf Hilfe habt ihr nicht zu rechnen.
Die Wege zum Rückzug sind abgeschnitten.
Soldaten! Es mangelt Euch an Munition, an
Ihr nicht, womit zu schießen. Es mangelt E
Nahrungsmitteln, bald kriegt Ihr keinen Kr
Brot mehr.

44 Ergibt Euch in Gefangenschaft! Das ist Eu-
rige Rettung. Denjenigen, die sich freiwillig
geben, garantiert das Sowjetkommando—Leben,
Unterkunft, reichliche Kost, Briefwechsel mit
Angehörigen und Heimkehr nach Kriegsende.
Überlegen gibt es keine Zeit. Knappe Stunde
Wählt also, entweder Leben
oder der Einkesselung.

Советская листовка —
обращение к немецким солдатам
168-й пехотной дивизии вермахта
(из серии «Прощай Москва, долой Гитлера!»)
1942 г.

Советская листовка,
апеллирующая к
сентиментальности немецких
военнослужащих
и побуждающая их к сдаче в плен
1941 г.

к войне и больше ни к чему. Ландскнехт и по воспитанию, и по образованию⁴⁴.

Между тем генерал Д.И. Ортенберг, в 1941—1943 гг. являвшийся главным редактором газеты «Красная звезда», в своих воспоминаниях счёл нужным отметить, что в сентябре 1941 года советские листовки, обращённые к германской армии и немецкому населению, взывали именно к «интеллигентности», «цивилизованности» немцев. В них говорилось примерно следующее: «Погляди, чем ты был и чем стал. Ты был народом Канта и Гёте, Маркса и Гейне. Ты стал солдатом шулера Геббельса, бандита Геринга, сутенёра Хорста Весселя. Ты был усидчивым тружеником и философом. Ты стал кочевником и убийцей. До Гитлера ты строил больницы и школы, заводы и музеи. С Гитлером ты разрушил Роттердам и Варшаву,

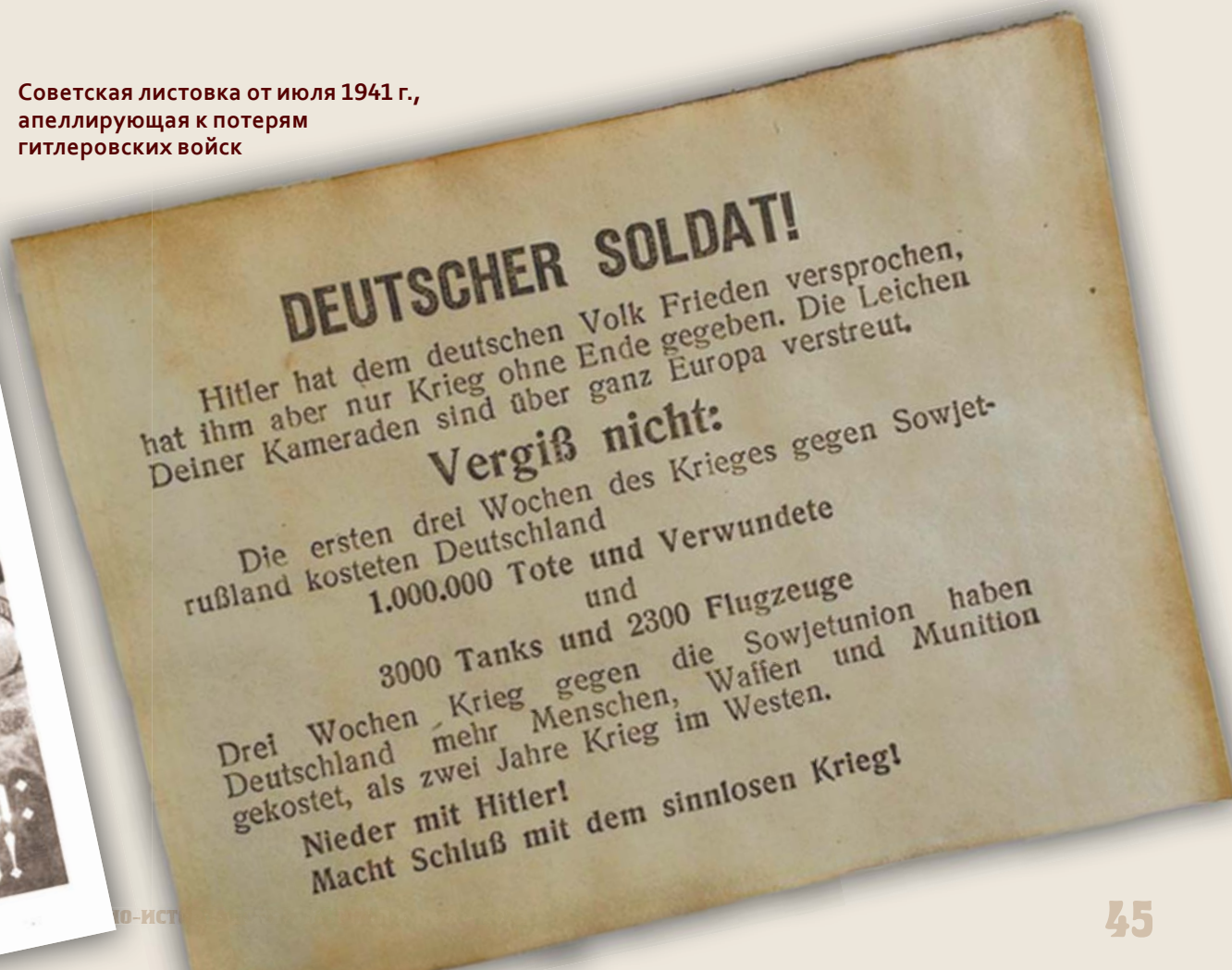
Орлеан и Белград... Сосчитай, сколько твоих знакомых уже убиты в России. Пока ещё ты можешь их сосчитать. Потом тебе придётся считать уцелевших...»⁴⁵.

Впоследствии наряду с культурно-интеллектуальной неразвитостью стала учитываться склонность немецких военнослужащих к беспрекословному подчинению приказам начальства. Генерал-майор М.И. Бур-

цев вспоминал, как зимой 1941/42 года возникло и получило мощное развитие такое действенное направление работы по разложению германских войск, как пропаганда «с позиций силы», тон которой был «официально-повелительным». Так появилась «листовка-приказ», которая, по мнению автора мемуаров, обязана своим рождением Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. Командующий

«До Гитлера ты строил больницы и школы, заводы и музеи. С Гитлером ты разрушил Роттердам и Варшаву, Орлеан и Белград... Сосчитай, сколько твоих знакомых уже убиты в России. Пока ещё ты можешь их сосчитать»

Советская листовка от июля 1941 г.,
апеллирующая к потерям
гитлеровских войск

kommen
kommen!

Западным фронтом в период контрнаступления под Москвой подверг критике слишком «гладкие» и «литературные» советские листовки, направленные на то, чтобы побудить вражеских солдат сдаться в плен. Маршал высказал убеждение, что немецкий солдат привык к

коротким чеканным фразам, к официальному языку. Командующий сам взялся за перо. В итоге появился приказ войскам Западного фронта, в котором говорилось:

«1. Всех немецких солдат, ефрейторов и унтер-офицеров, сложивших оружие и добровольно отказавшихся

драться против частей Красной Армии, немедленно принимать на свою сторону, хорошо накормить, раздетых одеть и, не задерживая, направлять в глубь страны.

2. Настоящий приказ является пропуском через линию фронта русских для неограниченного количества пленных.

Главное командование Западного фронта»⁴⁶.

«Листовка-приказ» была напечатана большим тиражом и оперативно распространена среди отступавших войск противника. Немцы боялись плена — верили нацистской пропаганде, будто

Советская листовка — пропуск в плен с выдержкой из приказа И.В. Сталина № 55

Kriegsbeute der Russen bei ihrem Vormarsch

Советская листовка — пропуск в плен «Выбирай!» 1941 г.

und kesseln uns ein. So war es während der Kämpfe südlich vom Ilmensee, wo sibirische Schützen — die Blüte der Sowjettruppen — angriffen. Es gab Tage, wo wir buchstäblich nicht wußten, was vor uns und was hinter uns lag. Der Feind brach plötzlich irgendwo durch, und es entstand ein wüstes Durcheinander.“

RICHTIGE HANDLUNGSWEISE EINES DEUTSCHEN

Der Gefreite der 9. Kompanie des 113. Regiments, Johann Franck, der sich den Russen gegenüber erzählte: „Während des Rückzugs unserer Truppen nach Kalinin liefen wir alle unsere Kraftfahrzeuge im Nachhinein nach. Während des Rückzugs liefen wir auf den Panzern blieben in der Division nur 16 übrig. Die Panzer wurden als Infanterie eingesetzt. Unsere Verluste waren ungeheuer groß. Ich habe für den Krieg weder Lust. Ich gab mich freiwillig den Russen gefangen. Ich es nicht schon früher gefangen habe. Die Russen haben Kriegsgefangenen sehr gut um.“

DEUTSCHE SOLDATEN! Hilfer — das ist Krieg ohne Blut nicht. Er ist bereit, bis zum letzten deutschen Soldaten zu kämpfen. VERLASST DIE ARMEE HITLERS. DIE DEM UNTEREN RETTET EUER LEBEN! KOMMT RÜBER ZU DEN RUSSEN. GEBT ICH ALLES FÜR DIE VERTEIDIGUNG DER SOVIETEN. BEFELH Nr. 55 vom 23. Februar 1942 ALLEN DEUTSCHEN SOLDATEN, DIE SICH GEFANGEN GEBEN, DAS LEBEN OBER.

DIESES FLUGBLATT GILT ALS PASSIERSCHEIN BEI DER ÜBERGABE AN DIE RUSSEN. DIESE LISTEN SIND ZU BEWAHREN.

Abtropfen und aufbewahren

PASSIERSCHEIN

Deutsche Soldaten! Allen, die sich der Roten Armee ergeben, wird garantiert: das Leben, gute Behandlung und die Rückkehr nach Kriegsende.

Никто не должен думать, что сдача оружия — это позор. Это — единственный способ выжить и вернуться домой.

Wähle

их сразу там расстреляют. Официальный же приказ за подписью советского командования в значительной степени ослаблял этот страх и в отличие от обычных листовок воспринимался с большим доверием. Как отметил генерал-майор М.И. Бурцев, немецкие солдаты и унтер-офицеры привыкли с почтением относиться к приказам, даже в том случае, если они исходили от командования противной стороны⁴⁷.

Ещё одной важной составляющей идейно-психологического состояния немецких солдат и офицеров, прочно цементирующей их ряды

и выставлявшей мощный заслон против воздействия советской пропаганды, была верность духу и традициям своей воинской части. К тому же кадровые дивизии вермахта комплектовались по региональному принципу, что чрезвычайно усиливало развитое в германских войсках чувство земляческой общности. В этой связи генерал-майор М.А. Волошин, занимавший пост начальника разведки 39-й армии, в своих воспоминаниях обратил внимание на агрессивно-милитаристский культ пруссачества и некое чувство прусской земляческой «элитарности»,

которыми было проникнуто сознание немалого числа немецких военнослужащих⁴⁸. Генерал-майор М.И. Бурцев также считал, что милитаристские традиции пруссачества оказались тем бастионом в сознании немецких военнослужащих, который был эффективно противопоставлен советским усилиям по подрыву боеспособности гитлеровцев и ослаблению морально-политического потенциала вражеских войск⁴⁹.

Для выработки пропагандистских контрмер советским военно-политическим органам было крайне важно знать, что представляет собой та или иная дивизия вермахта. Большую роль в накоплении информации о противнике сыграли заведённые в войсках формуляры на каждое противостоявшее вражеское соединение. В формуляры заносились сведения о командном составе, о потерях и пополнениях, о настроениях солдат — всё, что было необходимо для подготовки листовок и агитационных передач. В случае если вражеское соединение меняло дислокацию, формуляр пересылался соответствующему политическому органу советских войск. К июлю 1942 года такие формуляры были заведены на 75 вражеских дивизий, а к концу войны — на 406⁵⁰.

Военная переводчица О.В. Кузнецова вспоминала, что уже в первый год Великой Отечественной войны советские военно-политические органы начали уделять большое внимание изучению врага — его политико-морального состояния, образа

Советская листовка — пропуск в плен с текстом письма немки к мужу-фронтовику
Июль 1941 г.

DEUTSCHER SOLDAT!
Lies den Brief der Frau Bergmann an ihren Mann.
den Gefreiten Wilhelm Bergmann, Feldpostnummer
25546. Denke darüber nach!

«Heidenleben, 12.VII.41.

In der ganzen Woche ist tüchtig geschossen worden. So auch heute Abend. Die Luft ist so klar und still, dass ich die schweren Flakgeschosse richtig verfolgen kann. Weit, weit zerplatzen sie dann, die kleinen Wölkchen gehen immer ganz regelmässig in ihrem Abstand wie Fallschirme auf...
Ach, und wie unendlich viel Schreck und Leid bringen diese Geschosse. Es ist furchtbar, dass man so etwas auf Menschen jagt.

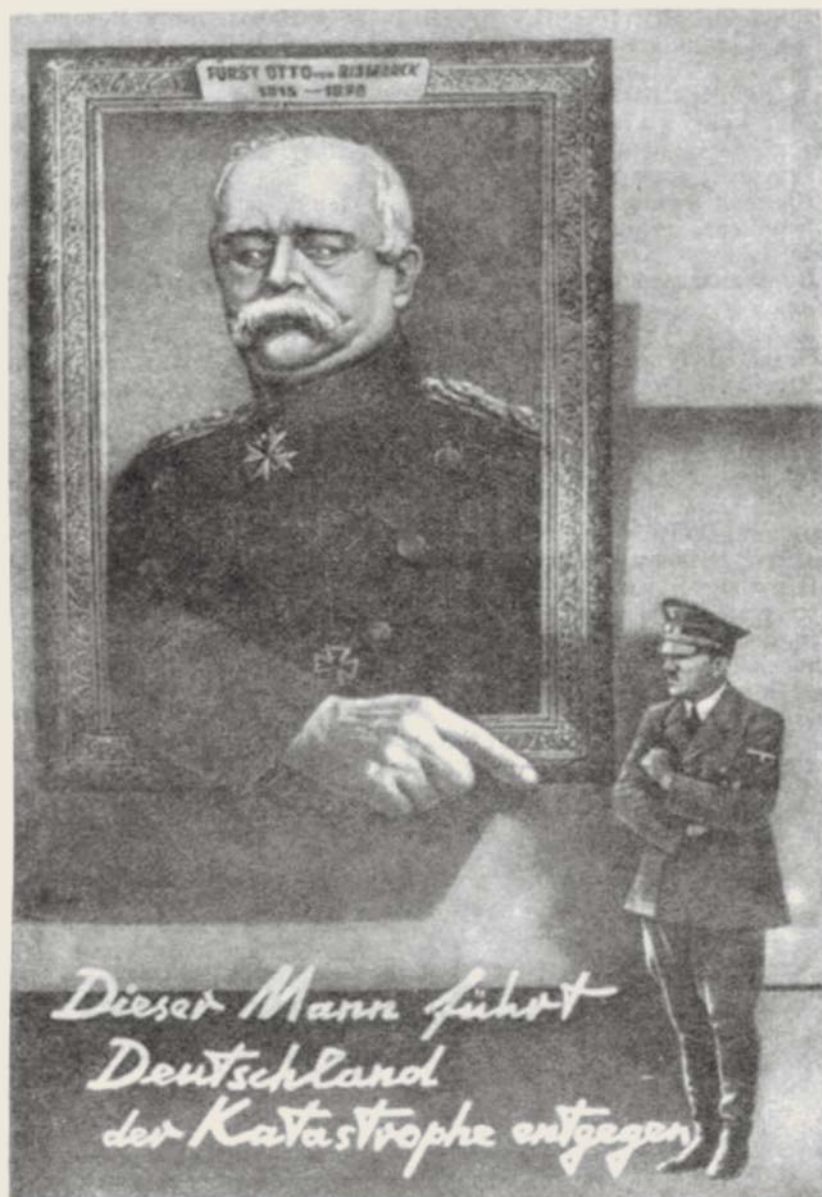
Wie mag es dich manchmal packen, wenn so furchtbar geschossen wird. Ich möchte lieber nicht daran denken. Heute habe ich mit einigen Bekannten gesprochen. Sie hatten auch Post aus Russland. Aber so verzweifelte Briefe haben sie bekommen, dass sich die Leuten mehr Sorgen machen wie vorher, als sie keine Nachricht hatten. Ich habe ja auch Angst, dass du doch schon wieder ganz voru bist...
Nun, gute Nacht, mein Lieber. Schlafst du auch diese Nacht? Dein Urselchen».

Wir teilen Frau Bergmann mit, daß ihr Mann an der Ostfront gefallen ist.
Deutscher Soldat! Willst du das Schicksal Wilhelm Bergmanns nicht teilen, so mache mit dem Kriege Schluss und gehe mit diesem Passierschein auf die Seite der Roten Armee über.

ПРОПУСК ЧЕРЕЗ ФРОНТ
GEHT MIT DIESEM
PASSIERSCHEIN
DURCH DIE FRONT

Deutsche Soldaten! Allen, die auf die Seite der Roten Armee übergehen, wird garantiert: das Leben, gute Behandlung und die Heimkehr nach Kriegsende.

KOMMT ZU UNS!

Советская листовка-фотомонтаж А. Житомирского с изображением Отто фон Бисмарка, указывающего на Гитлера, и надписью: «Этот человек ведёт Германию к катастрофе». На обороте листовки приведены слова Бисмарка о недопустимости войны с Россией
1941 г.

мыслей, содержания, форм и методов идеологической обработки, которой подвергались гитлеровские вояки, а также состояния экономики Германии, её политического строя, культуры и многого другого⁵¹. Она отметила, что соответствующая работа в Главном политическом управлении Красной армии была поставлена солидно: имелись «кабинет прессы» в двух больших залах, бога-

тая справочная библиотека, образцы трофейных документов, фототека, велись подробные досье на видных нацистских деятелей⁵². Как вспоминал И.И. Левин, советских военно-политических работников интересовала любая информация о противнике: подробности быта гитлеровских солдат и офицеров, сведения о потерях и пополнениях, детали взаимоотношений между солдатами и

офицерами, рацион питания, боевой дух части, последние анекдоты, характер писем с фронта и на фронт и т.д.⁵³

О поиске слабых точек в рядах противника рассказывал писатель и публицист И.Г. Эренбург. По его наблюдениям, весьма податливыми к воздействию советской пропаганды оказались крестьяне — отцы семейств и приверженцы католической веры из глухих деревень Баварии⁵⁴. И.И. Левин также отметил факт предрасположенности некоторых немцев-католиков, служивших в гитлеровской армии, к восприятию советских материалов⁵⁵. Кроме того, по свидетельству генерал-майора М.А. Волошина, командование Красной армии придавало определённое значение тому обстоятельству, что так называемые имперские немцы (выходцы из собственно германских земель) пользовались полным доверием нацистов. Ими укомплектовывались части, которым поручались наиболее ответственные задания. Немцев же из присоединённых к рейху территорий гитлеровское командование старалось задействовать на второстепенных участках советско-германского фронта, их реже брали в танковые или авиационные подразделения. Эту принятую в гитлеровской Германии «иерархию» военно-политические органы Красной армии активно использовали в своей работе⁵⁶. К примеру, по информации фронтового политработника полковника Н.И. Волостнова, весьма восприимчивыми к таким приёмам оказались австрийцы⁵⁷.

Однако в первый период Великой Отечественной войны самым действенным мотивом советской пропаганды, вносившим определённое смяте-

ние в души многих гитлеровских вояк, было обращение к потерям в рядах вермахта, а также обещание сохранения жизни и хорошего обращения с перспективой возвращения домой после войны для сдавшихся в советский плен. Полковник Д.И. Кочетков, в августе 1941 года являвшийся начальником политотдела 127-й танковой бригады 16-й армии, вспоминал, как в ходе рейдов в немецкий тыл советские танкисты разбрасывали на занятой противником территории оформленные в виде листовок, изготовленных политуправлением Западного фронта, письма пленных гитлеровцев своим сослуживцам. Мемуарист отметил простое и доходчивое содержание этих материалов, в которых пленные сообщали, что они живы, относятся к ним хорошо, никто их убивать не собирается и что после войны они рассчитывают вернуться на родину⁵⁸.

Уполномоченный Главного политического управления Красной армии подполковник К.Л. Селезнёв летом и осенью 1942 года работал в войсках Кавказского фронта, помогая военно-политическим органам в налаживании пропаганды среди немецких солдат. Согласно воспоминаниям ветерана первое ознакомление с данными о противнике показало, что личный состав действовавших на этом участке фронта дивизий врага был проникнут наступательным духом и фанатически верил в победу. Однако советские политработники путём многочасовых бесед с военнопленными, анализа содержания солдатских газет и писем, добытых разведкой, выяснили, что среди гитлеровцев всё заметнее становилось беспокойство в связи с растущими

потерями. Тогда советской стороной была разработана убедительная аргументация для ряда листовок. «Вы захватываете километры, — говорилось в одной из них, — но теряете дивизии. Эти километры к нам вернуться, а погибшие дивизии не воскреснут никогда!» Как потом выяснилось, подобная логика заметно поколебала боевой дух гитлеровских войск⁵⁹. Генерал-лейтенант А.Д. Окороков, возглавлявший политуправление Северо-Западного фронта, отмечал, что его подчинённые в пропаганде на вражеские войска оперировали точными цифрами и фактами, настойчиво разъясняли немцам обречённость гитлеровской армии⁶⁰.

Несмотря на некоторые успехи в информационно-пропагандистской обработке противника, нельзя говорить о каких-либо масштабных достижениях во-

эффективность советской пропаганды в отношении военнослужащих противника в тех войнах и локальных конфликтах, которые имели место до июня 1941 года. Характерный в то время акцент на «классовой солидарности» уже тогда продемонстрировал свою полную несостоятельность. Как отметил мемуарист, очень многие советские политические работники остались при мнении, что в предстоявшей войне с Германией «великая правда» советской пропаганды и агитации «сама по себе обеспечит быстрое разложение войск противника»⁶¹.

А.А. Маринов, встречавшийся с И.Г. Эренбургом летом 1942 года, вспоминал, что писатель на тот момент категорично отверг возможность «пролетарской революции» в нацистской Германии, равно как и перспективу «братания» гитлеровских солдат

«Молодые гитлеровцы и не почешутся, прочитав наше воззвание к ним. Их надо заставить поползть на брюхе под губительным огнём, почувствовать страх перед неотвратимым возмездием»

енно-политических органов Красной армии на попрание деморализации врага в первый период Великой Отечественной войны. Активный организатор комсомольской работы А.А. Маринов вспоминал, что ещё незадолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз некоторые политработники обратили внимание на низкую

с советскими воинами на фронте. И.Г. Эренбург заявил молодому комсомольскому организатору, что фашисты будут по-прежнему безжалостно уничтожать всё советское, всё русское и что остановить их может только сила! При этом писатель добавил: «Молодые гитлеровцы и не почешутся, прочитав наше воззвание к ним. Их надо за-

ставить поползать на брюхе под губительным огнём, почувствовать страх перед неотвратимым возмездием. Вот тогда они начнут думать над нашими воззваниями и листовками»⁶².

Генерал-майор М.И. Бурцев пришёл к выводу, что в начале Великой Отечественной войны доминировавшие в советской пропаганде на войска противника мотивы «не выражали настроений и взглядов, преобладавших в то время среди немецких солдат». Более того, мемуарист признал тот факт, что «германские солдаты смеялись над советскими листовками»⁶³. Генерал А.Д. О कोरोков писал, что, несмотря на настойчивые усилия советских пропагандистов, «за долгие месяцы боевых действий на Северо-Западном фронте не так уж много вражеских солдат добровольно сдалось в плен»⁶⁴. Политорганы Брянского фронта, распространив за ноябрь—декабрь 1942 года 3 млн листовок и проведя 3000 агитационных передач, получили в результате всего лишь 8 перебежчиков⁶⁵.

Таким образом, факты, приведённые советскими мемуаристами, свидетельствуют, что немецкие солдаты и офицеры, вторгшиеся 22 июня 1941 года на советскую землю, пребывали в такой мировоззренческой, идейно-политической, морально-психологической и этической «системе координат», о которой работники военно-политических органов Красной армии знали недостаточно. Иными словами, в захватчиках было слишком мало того человеческого, к которому в основном и апеллировали в начале Великой Отечественной войны советские пропагандисты. К тому же содержание советской пропаганды было

по ряду аспектов значительно выше интеллектуального и общекультурного уровней развития военнослужащих вермахта. В пропаганде явно доминировала линия, нацеленная на революционизацию гитлеровских солдат, их ориентирование как минимум на саботаж военных усилий Германии, включая сдачу в плен, на дезертирство, на какой-то новый вариант фронтового «братания» по примеру Первой мировой войны, а как максимум — на антифашистское восстание, «пролетарскую революцию» и свержение нацистского режима. Выдерживая эту нереалистичную установку, политработники Красной армии в обращениях к гитлеровцам оперировали совершенно чуждыми огромному большинству немецких военнослужащих гуманистическими ценностями и категориями «классовой борьбы», «пролетарского интернационализма», «солидарности с советским народом» и т.п.

Однако со временем акценты стали меняться — военно-политические органы Красной армии постепенно обращались к более адекватным реалиям и гибкой политике, подкреплённой поражением гитлеровцев под Москвой. Новая политика в советской информационной работе в 1941—1942 гг. характеризовалась, во-первых, намерением отколоть от оголтелых нацистов тех немецких военнослужащих, которые не симпатизировали коммунистам и Советскому государству, но при этом были недовольны и гитлеровским режимом. Поэтому советские пропагандисты апеллировали к религиозно-пацифистским чувствам немецких солдат и офицеров, к монархическим традициям германской армии, взывали

к тем немецким военнослужащим, которые чувствовали себя принижёнными порядками Третьего рейха.

Во-вторых, стали учитываться своеобразный психологический склад и образ мышления среднестатистического немецкого солдата, его приверженность к точному исполнению поступивших приказов. Пропагандисты старались воздействовать на гитлеровцев с позиции силы, «приказывая» им от лица высшего командования Красной армии и официального руководства Советского государства. Однако такого рода тактика оказалась более или менее действенной лишь в период контрнаступления Красной армии в декабре 1941 — апреле 1942 года.

В-третьих, уже в 1941 году советские политработники взяли на вооружение практику деморализации немецких войск посредством доведения до них фактов и цифр, отражавших потери германской армии на советско-германском фронте, её неудачи и поражения, вызванные войной лишения немецких военнослужащих и германского народа. Подобная информация неизменно увязывалась с дискредитацией лично Гитлера и нацистской диктатуры в целом, а также с доказательствами в пользу растущей мощи Советского Союза и неминуемого разгрома Германии.

Конечно, нельзя сказать, что эта пропагандистская линия советских военно-политических органов привела в 1941—1942 гг. к «стратегическому прорыву» на информационно-психологическом фронте. Однако были накоплены знания и опыт, умения и навыки, которые эффективно применялись на более поздних этапах Великой Отечественной войны.

- ¹ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1988. С. 409, 410, 544.
- ² Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Советская Россия, 1985. С. 325, 332.
- ³ Москаленко К.С. На юго-западном направлении: Воспоминания командарма. Кн. 2. М.: Воениздат, 1979. С. 99.
- ⁴ Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 231, 232.
- ⁵ Бабаджанян А.Х. Дороги Победы. М.: Воениздат, 1981. С. 241.
- ⁶ Мальцев Е.Е. В годы испытаний. М.: Воениздат, 1979. С. 151.
- ⁷ Лыков И.С. В грозный час. М.: Воениздат, 1979. С. 119, 147.
- ⁸ Курист Л.И. Атакуют танкисты. Киев: Политиздат Украины, 1976. С. 163.
- ⁹ Москвин Н.И. Партизанскими тропами. М.: ДОСААФ, 1971. С. 133.
- ¹⁰ Левин И.И. Записки военного переводчика. М.: Московский рабочий, 1986. С. 64.
- ¹¹ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1967. С. 374.
- ¹² Там же. С. 376.
- ¹³ Кованов П.В. И слово — оружие. М.: Советская Россия, 1975. С. 155.
- ¹⁴ Кривошеин С.М. Ратная быль: записки командира механизированного корпуса. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 74.
- ¹⁵ Михайлов Н.А. Покой нам только снится. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 205.
- ¹⁶ Воспоминания об Илье Эренбурге. М.: Советский писатель, 1975. С. 56.
- ¹⁷ Карасёв А. ...Пока не зажглись ракеты. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1975. С. 64.
- ¹⁸ Маринов А.А. Комсомол в солдатской шинели. М.: Воениздат, 1988. С. 14.
- ¹⁹ Там же. С. 71.
- ²⁰ Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 36, 37.
- ²¹ Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М.: Воениздат, 1977. С. 134.
- ²² Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 544.
- ²³ Третьяк И.М. Храбрые сердца однопольчан. М.: Воениздат, 1977. С. 215.
- ²⁴ Лыков И.С. Указ. соч. С. 245.
- ²⁵ Денисов Н.Н. 1418 дней фронтового корреспондента. М.: Воениздат, 1969. С. 66.
- ²⁶ Хизенко И.А. Ожившие страницы. М.: Воениздат, 1963. С. 21.
- ²⁷ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 71, 106.
- ²⁸ Там же. С. 57, 87, 88.
- ²⁹ Левин И.И. Указ. соч. С. 169.
- ³⁰ Науменко Ю.А. Шагай, пехота! М.: Воениздат, 1989. С. 202, 203.
- ³¹ Кочетков Д.И. С открытыми люками. М.: Воениздат, 1962. С. 49.
- ³² Бурцев М.И. Указ. соч. С. 103.
- ³³ Дорогами войны. Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Кн. 4. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1976. С. 204.
- ³⁴ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 39, 40.
- ³⁵ Там же. С. 56, 79.
- ³⁶ Бабаджанян А.Х. Указ. соч. С. 243.
- ³⁷ Перегудин А.И. Разведчики идут в поиск. М.: Воениздат, 1986. С. 14.
- ³⁸ Гремела война... Уфа: Баш. книжное изд-во, 1991. С. 247.
- ³⁹ Лященко Н.Г. Время выбрало нас. М.: Воениздат, 1990. С. 195, 196.
- ⁴⁰ Гуляев В.Г. Человек в броне. М.: Воениздат, 1964. С. 98.
- ⁴¹ Левин И.И. Указ. соч. С. 69.
- ⁴² Там же. С. 64, 69, 70.
- ⁴³ Ленчевский В.Е. Огнём проведено. Волгоград: Нижне-Волжское изд-во, 1964. С. 86.
- ⁴⁴ Симонов К.М. 100 суток войны. М.: Вече, 2015. С. 29, 30.
- ⁴⁵ Ортенберг Д.И. Июнь—декабрь сорок первого: рассказ-хроника. М.: Советский писатель, 1986. С. 160.
- ⁴⁶ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁷ Там же. С. 79.
- ⁴⁸ Волошин М.А. Разведчики всегда впереди. М.: Воениздат, 1977. С. 156, 204, 205.
- ⁴⁹ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 56.
- ⁵⁰ Там же. С. 88.
- ⁵¹ Политработники на фронте. М.: Воениздат, 1982. С. 171, 172.
- ⁵² Там же. С. 174.
- ⁵³ Левин И.И. Указ. соч. С. 181.
- ⁵⁴ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 247.
- ⁵⁵ Левин И.И. Указ. соч. С. 194.
- ⁵⁶ Волошин М.А. Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁷ Волостнов Н.И. На огненных рубежах. М.: Воениздат, 1983. С. 62.
- ⁵⁸ Кочетков Д.И. Указ. соч. С. 49, 50.
- ⁵⁹ Политработники на фронте. С. 177.
- ⁶⁰ Окороков А.Д. Слово, ведущее в бой. М.: Воениздат, 1980. С. 177, 178.
- ⁶¹ Маринов А.А. Указ. соч. С. 14.
- ⁶² Там же. С. 70, 71.
- ⁶³ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 37, 84.
- ⁶⁴ Окороков А.Д. Указ. соч. С. 174, 175.
- ⁶⁵ Бурцев М.И. Указ. соч. С. 168.

A.N. Kolobov, A.A. Yefimov, I.A. Anokhina

«...TO TEAR THE DISCONTENTED AWAY FROM HITLER»

Methods of information-psychological influence on the enemy in the first period of the Great Patriotic War in the memoirs of its participants

Information about authors. Andrey Kolobov — head of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces) at the branch of the Military Academy of Logistics named after army general A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Educ.) (city of Penza. e-mail: andrei-kolobov1977@mail.ru);

Alexey Yefimov — senior lecturer at the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces), a branch of the Military Academy of Logistics named after army general A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Penza. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Irina Anokhina — lecturer at the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces) at the branch of the Military Academy of Logistics named after army general A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.) (city of Penza. E-mail: anokhina_iren@mail.ru).

Summary. The paper bases on the review analysis of memoirs of participants in the Great Patriotic War (Veterans of World War II) and deals with their perception of the activity of military-political organs of the Red Army on the demoralization of Hitler's troops at the Soviet-German front in 1941—1942. The influence of Soviet propaganda on the German army units, which are the most resistant to information and psychological pressure, is described; the ideological and political, moral and psychological essence of the enemy is shown; the methods of undermining the military spirit of Wehrmacht soldiers and their world outlook installations are juxtaposed; mistakes and achievements in the work of psychological dislocation of the German army personnel are revealed.

Keywords: The Great Patriotic War; Red Army; military and political organs; Wehrmacht; work to demoralize German troops; enemy ideological, political and moral-psychological essence; Nazism; Hitler cult; Prussianism; imperial Germans; Soviet revolutionary propaganda; Soviet propaganda from a position of strength.

«МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ДОПУСТИТЬ В КОМПЛЕКТАХ НИ ОДНОГО ГРАММА ЛИШНЕГО ИМУЩЕСТВА...»

Снабжение Красной армии медицинским имуществом в Сталинградской битве 1942—1943 гг.

Сведения об авторе. Воронков Олег Валентинович — преподаватель кафедры организации и тактики медицинской службы филиала Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор фармацевтических наук, профессор, заслуженный работник здравоохранения РФ (Москва. E-mail: o.voronkov@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируется деятельность военно-медицинских, санитарных и других частей, подразделений и служб в начале Великой Отечественной войны, а также обстоятельства, приведшие к утрате запасов медицинского имущества на военное время и большей части фармацевтических предприятий. Приводятся данные по решению командованием фронтов и армий многочисленных проблем военно-медицинского снабжения в период, предшествовавший Сталинградской битве. Рассматриваются мероприятия по повышению боеготовности военно-медицинской службы и совершенствованию обеспечения войск медицинским имуществом. Освещается деятельность медицинских складов и органов управления медицинским снабжением, а также организация снабжения медицинским имуществом войск и госпиталей во время оборонительной операции и контрнаступления Красной армии. Несмотря на трудности восстановления промышленного производства и обеспечения потребности войск в лекарственных средствах, органы военно-медицинского снабжения армий и фронтов бесперебойно снабжали части всем необходимым для оказания медицинской помощи и лечения раненых и больных.

Ключевые слова: Сталинград; Сталинградская битва; медицинское снабжение; фронт; санитарный склад; медицинское имущество; лекарственные средства.

К началу Сталинградской битвы (17 июля 1942 — 2 февраля 1943 г.) медицинская служба Красной армии и её органы медицинского снабжения приобрели определённый опыт медицинского обеспечения войск в крупных боевых операциях. На его основе в складывавшихся реальных условиях, предшествовавших битве, вносились изменения в состав медицинского оснащения этапов медицинской эвакуации, корректировались руководящие документы, обеспечивавшие управление снабжения войск медицинским имуществом. Организация медицинского довольствия стала осуществляться в соответствии с требованиями новой Инструкции о снабжении медико-санитарным имуществом действующей армии (введена приказом начальника ГВСУ РККА

от 21 июля 1942 г. № 262/1 вместо инструкции от 30 июля 1941 г.) с учётом конкретных боевых условий. Этим приказом перечень видов имущества, снабжение войск которым возлагалось на военно-медицинскую службу, дополнен санитарно-хозяйственным и банно-прачечным. В управлении медицинским снабжением руководствовались Схемой комплектования медико-санитарным имуществом частей и учреждений Красной армии военного времени (утверждена заместителем НКО 6 февраля 1941 г.), Сборником инструктивных материалов по работе эвакогоспиталей (1942 г.), включавшим приказ Наркомздрава СССР от 15 сентября 1941 года «О заменителях перевязочного материала», и другими документами. В зависимости от значимости отдельных видов медицинского

имущества устанавливался особый порядок истребования, отпуска и доставки в том числе перевязочных материалов, кислорода, имущества особого перечня (список по обстановке определялся начальником медицинской службы армии) и имущества текущего довольствия¹.

Неблагоприятная обстановка на фронте в начальном периоде войны оказала непосредственное влияние на возможности обеспечения войск действующей армии медицинским имуществом. В сложившихся условиях правительство страны в обращении к партийным и советским организациям прифронтовых областей в целях укрепления обороноспособности 29 июня 1941 года определило ряд задач:

«Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

<...>

2. Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий...

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии... всё ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»².

В первые дни военных действий вопросы эвакуации воинского имущества, промышленного оборудования и других народнохозяйственных ценностей в значительной мере приходилось решать военному командова-

нию, партийным и советским органам, а в дальнейшем — в соответствии с требованием Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б).

С декабря 1941 года падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 года перебазированная в тыл и сохранившаяся отечественная промышленность стала наращивать производство военной продукции³.

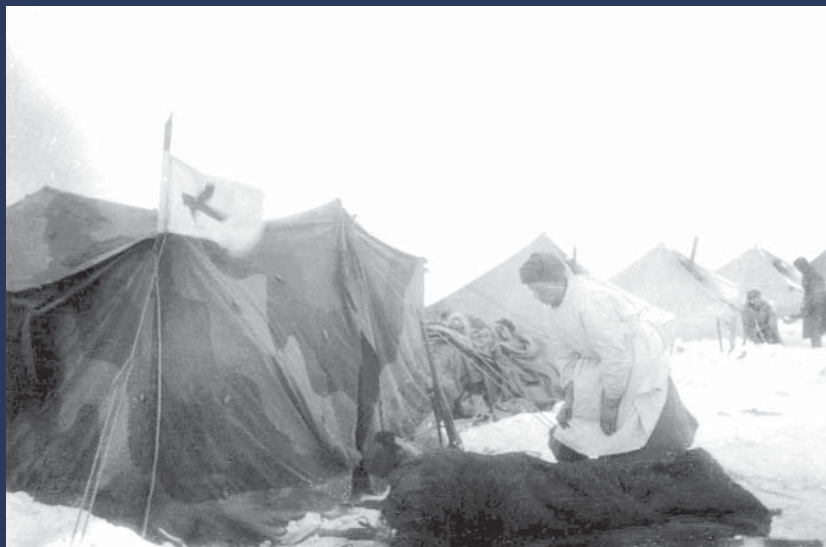
На территории пяти приграничных округов находились 5 окружных и 15 гарнизонных санитарных складов и значительные мобилизационные запасы медицинской службы. По схеме развёртывания в западных военных округах планировалось формирование 5 фронтовых санитарных складов, 12 армейских головных санитарных складов, 147 госпиталей и большое количество частей и подразделений военно-медицинской службы, а также 99 госпиталей Народного комиссариата здравоохранения СССР. Однако выполнение мобилизационных мероприятий было сорвано, а эвакуацию не везде удавалось провести полностью, и материальные ценности либо в последний момент приходилось уничтожать, либо, что ещё хуже, они доставались немецко-фашистским захватчикам. Так, в первые же дни войны Западный особый военный округ утратил 430 вагонов медицинского имущества окружного и гарнизонных санитарных складов, а также мобилизационные запасы для развёртывания окружных медицинских

учреждений. Формировавшиеся санитарные подразделения на территории Восточной Белоруссии остались без имущества. В то же время из уцелевших складов прифронтовой полосы было вывезено более 1200 вагонов медицинского имущества⁴.

Киевский особый военный округ утратил запасы медицинского имущества окружного санитарного склада во Львове и гарнизонного — в Кременчуге⁵.

Положение осложнялось и тем, что производство важнейших лекарственных препаратов было фактически прекращено или значительно снижено. На оккупированной противником территории, где размещались предприятия медицинской и химико-фармацевтической промышленности (Одесса, Киев, Харьков, Курск, Витебск и др.), были уничтожены более 40 из 59 предприятий медицинского направления, которые действовали к началу войны в стране. Сохранившиеся 2593 предприятия, прежде всего оборонной отрасли, в течение июля—декабря 1941 года были перебазированы в восточные районы — на Урал, Дальний Восток, в Сибирь и Среднюю Азию. Накануне войны был освоен выпуск целого ряда новых для того времени препаратов, в первую очередь — антибактериальных сульфаниламидов, которые в военное время спасли жизнь миллионам раненых⁶.

В период перемещения и в течение пускового периода на новом месте производство соответствующей про-

Полевой госпиталь в районе Сталинграда
1942 г.

Эвакуация раненого с поля боя
Сталинград, 1942 г.

Сталинградская битва. Санинструктор Гуля Королёва

дукции не осуществлялось. Так, с ноября 1941 по август 1942 года бездействовали почти все фабрики по производству стерильных перевязочных материалов, кроме Городищенской (Усад Московской обл.), нестерильные производили московская фабрика имени Свердлова, «Трёхгорная мануфактура» и в небольших размерах — казанское, свердловское, челябинское и хабаровское предприятия. По этой причине план поставок медицинского имущества для нужд армии на третий квартал 1941 года, утверждённый СНК СССР 27 июля 1941 года, не был выполнен. В апреле и сентябре 1942 года в соответствии со специальными постановлениями правительства были созданы условия для быстрого восстановления и дальнейшего развития медицинской промышленности, и к исходу 1942 года эвакуированные предприятия приступили к производству профильной продукции. Всего в 1942 году промышленные предприятия поставили перевязочных материалов (в пересчёте на марлю) 77,5 проц. к плану⁷.

В 1942 году фармацевтическая промышленность была переведена на производство сложных химиотерапевтических средств. Вся номенклатура галеновых препаратов должна была выпускаться галеновыми фабриками и лабораториями на базе местного сырья.

В связи с ухудшением военно-хозяйственного положения страны возникли значительные трудности с укомплектованием Красной армии материальными средствами. Организационная перестройка, осуществлённая в связи с этим в летне-осенний период 1941 и зим-

ний 1941/42 гг., существенно затронула военно-медицинскую службу. Некоторые медицинские учреждения, части, подразделения и органы управления были упразднены, другие — реорганизованы при значительном сокращении их штатной численности и табельных норм снабжения медицинским имуществом.

Из-за снижения возможностей по удовлетворению потребности фронтов в медицинском имуществе возникла необходимость внесения изменений в объёмы медицинской помощи на этапах медицинской эвакуации. Это обусловило проведение Главным военно-санитарным управлением РККА (ГВСУ КА) под руководством его начальника корпусного врача Е.И. Смирнова мероприятий по приведению оснащения войск, медицинских частей и учреждений медицинским имуществом в соответствии со складывавшимися условиями в стране и на фронтах. «Рассматривая нормы и содержание комплектов медицинского имущества военного времени, — писал Смирнов, — мы не должны допустить в комплектах ни одного грамма лишнего имущества, а тем более ненужного имущества. Вместе с тем мы должны предусмотреть всё необходимое. При решении этого вопроса мы обязаны исходить из правил, а не из исключений, вроде тех, которые задаются в вопросах, начинающихся со слов “а если”, “а вдруг”»⁸.

Установленный в начале войны порядок обеспечения медицинским имуществом боевого перечня (с 1940 г. включал 71 наименование: комплекты В-1, Б-2, Б-3, ПР-1, ПР-2, 18 наименований лекарственных средств, перевя-

зочные материалы, средства санхимзащиты, сыворотки и др.) и текущего довольствия, предусматривавший представление соответствующих заявок, оказался более приемлемым для военного времени. Были пересмотрены описи и количество комплектов групп ВБ, Л, Г и других, в результате номенклатура комплектов в 1941 году сократилась до 43. Отказались от применения созданных для «автоматического» (беззаявочного) снабжения лекарственными средствами комплектов ПР-1 («помощь раненым» — лекарственные средства для медицинских пунктов частей на 200 раненых) и ПР-2 (с тем же расчётом и основным перечнем лекарственных средств, дополненным всем необходимым для хирургических операций). Причина отказа заключалась в том, что их состав в разных условиях расходовался неравномерно по количеству и номенклатуре. При поступлении этих комплектов покрывался дефицит одних лекарственных препаратов и нарастал излишек других.

После проведённых мероприятий изменился объём запасов медицинского имущества этапов медицинской эвакуации. Так, вес медицинского оснащения полкового медицинского пункта до войны составлял одну тонну, а после пересмотра сократился до 650 кг, медико-санитарного батальона — соответственно с 4,9 до 2,6 т, хирургического полевого подвижного госпиталя — с 3 до 1,6 т. В результате состав комплектов был приведён в соответствие с потребностью для оказания определённого вида и объёма медицинской помощи, и манёвренность медицинских пунктов и уч-

реждений заметно повысилась. В то же время имущество, реально необходимое для оказания медицинской помощи раненым и больным, было сохранено⁹.

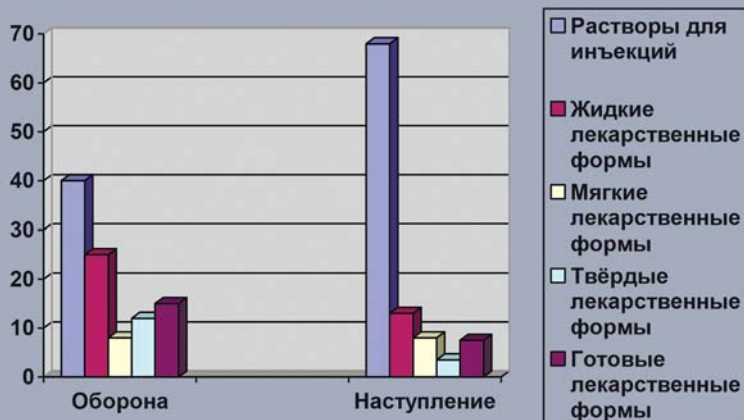
Упорядочению снабжения медицинским имуществом способствовала и директива начальника ГВСУ КА, изданная в декабре 1942 года, которой запрещалось главным хирургам «применять методы лечения раненых, которые не предусмотрены нашими указаниями. Предлагаю: 1) запретить отсебятину в военно-полевой хирургии; 2) всякое нововведение должно проводиться только с разрешения Главвоенсанупра»¹⁰.

Однако сложившиеся в стране условия производства лекарственных средств в первые два года войны, а также утрата запасов медицинского имущества на военное время не могли не отразиться на удовлетворении потребности в них армии и флота. В целом к началу Сталинградской битвы страна испытывала серьёзные трудности в обеспечении войск медицинским имуществом.

Важной особенностью организации обеспечения медицинским имуществом оборонявших Сталинград войск являлось наличие в их тылу водной преграды — Волги, которую необходимо было каждый раз преодолевать, чтобы доставить медикаменты находившимся на правом берегу воинским и медицинским частям, госпиталям или их оперативным группам. В то же время до наступления морозов для перевозки на правый берег грузов была возможность использовать пароходы и катера Волжской флотилии, а также все доступные плавсредства, но переправы постоянно бомбила авиация

Диаграмма 1

Структура рецептуры аптек МСБ и хирургических полевых подвижных госпиталей 1-й линии во время Великой Отечественной войны (в проц. к общему количеству)

Составлена по: Чирков А.И. Организационные и технические аспекты обеспечения медицинским имуществом фронта инъекционными растворами. Дисс. ... док. фарм. наук. Т. 1. М., 1983. 362 с.

противника, и медицинское имущество приходилось спасать. Однажды был затоплен пароход с медицинским имуществом подвижного отделения фронтового санитарного склада. Чтобы его спасти, работники медицинского снабжения ночью подплывали к пароходу на лодке и поочерёдно ныряли в трюм, цепляли крюк за комплекты перевязочных средств и тюки марли, а другие вытаскивали их в лодку.

Всего было спасено почти 1 млн метров марли. При этом Волга интенсивно обстреливалась фашистами¹¹.

Сталинградский фронт к началу оборонительного сражения располагал медицинской службой, имевшей в своём составе все необходимые силы и средства. Она насчитывала 152 медицинские части и подразделения, включая, кроме госпиталей, роты медицинского усиления, противоэпидемические

учреждения, банно-прачечные и обмывочно-дезинфекционные подразделения и др. Снабжение войск фронта медицинским имуществом осуществляли полевые армейские санитарные склады (ПАСС) и фронтовой № 290 (ФСС) (табл. 1).

Для оказания медицинской помощи и лечения раненых и больных все медицинские части и подразделения должны были своевременно и в необходимом объёме снабжаться медицинским имуществом. В оборонительном сражении санитарные потери войск под Сталинградом составили 414 163 человека, и им всем оказывалась соответствующая медицинская помощь на каждом этапе медицинской эвакуации. Военные медики самоотверженно трудились в крайне тяжёлых условиях, под непрерывными обстрелами и бомбёжками. Для оказания медицинской помощи такого объёма требовалось значительное количество лекарственных средств, перевязочных материалов и другого медицинского имущества, что обеспечивалось подразделениями медицинского снабжения.

В составе войсковой медицинской службы в каждом полку и медико-санитарном батальоне, а также в госпи-

Таблица 1

Органы медицинской службы Сталинградского фронта к началу оборонительного сражения

Органы медицинской службы	Количество в пяти армиях	Количество во фронте	Всего
Управления эвакуационных пунктов	5	2	7
Полевые госпитали	55	38	93
Военно-санитарные склады	5	1	6
Специальные части и учреждения	32	14	46

Составлена по: Миренков А.М. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М.: РИЦ МО РФ, 2005. 350 с.

талях функционировали аптеки, которые обеспечивали лечебные подразделения лекарственными препаратами, в т.ч. изготовленными на месте, и предметами медицинского назначения. Эту ответственную работу они выполняли развёртываясь в составе медицинских пунктов воинских частей, медико-санитарных батальонов (МСБ) и госпиталей.

Учитывая состояние фармацевтической промышленности в первые два года войны и количество санитарных потерь в ходе боевых действий, аптеки в боевой обстановке для лечения раненых и больных были вынуждены изготавливать большое количество необходимых лекарственных препаратов разных лекарственных форм (см. диаграмма 1).

Изготавливать лекарственные препараты надлежащего качества, особенно асептические, было очень сложно или даже невозможно из-за условий развёртывания аптек. Населённых пунктов и жилого фонда было недостаточно для размещения медицинских подразделений и лечебно-эвакуационных учреждений. Медицинские пункты полков и МСБ с аптеками часто перемещались, иногда вместе со своей частью оказывались в окружении, размещались в противотанковых рвах, блиндажах, землянках, оврагах. Это было единственным способом обезопасить раненых и медицинский персонал, приблизить места оказания медицинской помощи к боевым порядкам войск. Так, госпитальное отделение МСБ 13-й горнострелковой дивизии размещалось в канализационной трубе, операционная МСБ 39-й стрелковой дивизии — в штольне, а 689-й полевой подвижной госпиталь

(ППГ), предназначенный для эвакуации раненых за Волгу, — в подвале водоканала и т.д.

В тяжёлых условиях работал МСБ 64-й армии, прижатый к реке, а сводный МСБ, размещённый в землянках и палатках в районе переправы, принимал из всех частей и соединений раненых и больных, оказывал им квалифицированную помощь и переправлял на левый берег. Эти и другие медицинские подразделения и части обеспечивались в основном готовыми лекарственными препаратами.

Таким же образом снабжался лекарственными средствами 4169-й хирургический ППГ, личный состав которого 11 сентября 1942 года своими силами за сутки построил 18 землянок для раненых. Размещение аптек в землянках и палатках позволяло защитить и сохранить лекарственные средства в боевых условиях и при неблагоприятной погоде¹².

Отдельные МСБ за двое суток обрабатывали до 500 раненых. Коллектив 689 ППГ

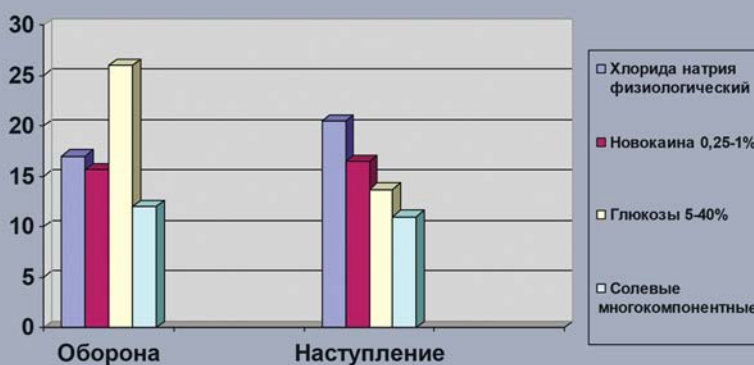
в период обороны Сталинграда ежедневно оказывал квалифицированную медицинскую помощь 600—800 и более раненым. Для таких объёмов работ требовалось иметь соответствующее количество лекарственных препаратов, в т.ч. изготовленных аптекой, и своевременно восполнять их расход.

Номенклатура растворов для инъекций и объёмы изготавливавшихся аптеками лекарственных препаратов во время войны зависели от количества санитарных потерь в разных видах боевых действий. Отличались и соотношения между лекарственными формами, подлежащими изготовлению (см. диаграмма 2).

Инъекционные лекарственные препараты — одни из самых сложных по технологии изготовления, так как должны соблюдаться специальные требования и условия, включая асептику. Все жидкие лекарственные препараты должны изготавливаться с использованием воды очищенной. Получали

Диаграмма 2

Характеристика соотношения между растворами для инъекций, изготовлявшимися аптеками, госпиталями ХППГ 1-й линии во время Великой Отечественной войны (в проц.)

Составлена по: Чирков А.И. Организационные и технические аспекты обеспечения медицинским имуществом фронта инъекционными растворами. Дисс. ... док. фарм. наук. Т. 1. М., 1983. 362 с.

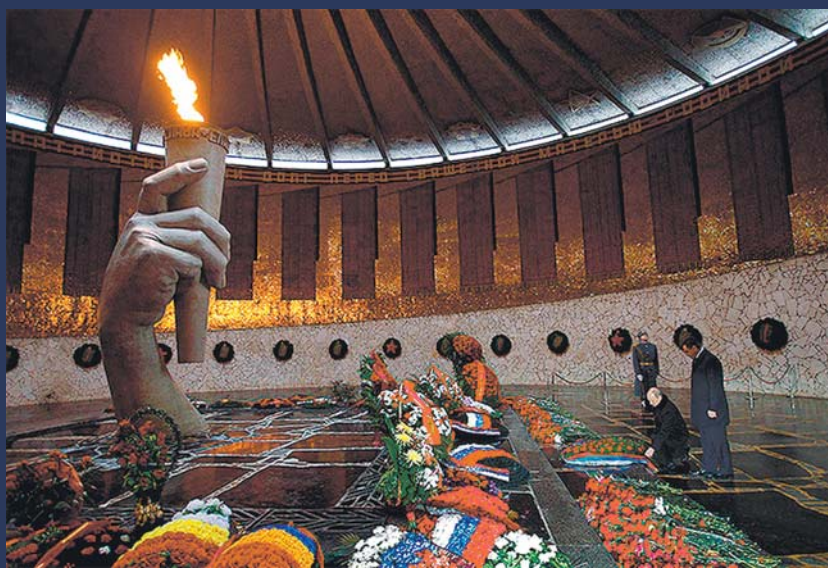

Прифронтовая операционная

Фронтальная медсестра

Вечная память защитникам Сталинграда

её во время войны с помощью табельных полевых аквадистилляторов (перегонных аппаратов) с огневым подогревом. Они были примитивной конструкции с низкой производительностью: при подогреве одnogорелочным примусом — 1,2—1,3 л/ч, трёхгорелочным — 3 л/ч. Чтобы получить нужный объём воды для инъекций, затрачивалось очень много времени. Исходной должна была быть вода питьевая. Водоснабжение в полосе боевых действий под Сталинградом было затруднено из-за глубокого залегания грунтовых вод и ограниченного количества колодцев. В районах с солончаковыми почвами вода колодцев имела горько-солёный вкус. Поэтому её нередко доставляли из удалённых источников за 10—15 км. При отсутствии воды питьевой использовалась вода дождевая, снеговая, речная из Волги. Процесс был трудоёмким и осуществлялся малочисленным штатным составом аптек¹³.

Руководил медицинским снабжением войск Сталинградского фронта отдел медицинского снабжения военно-санитарного управления фронта, начальниками которого были И.Я. Баренбаум (до 5 августа 1942 г.) и М.Г. Мальский. Базой снабжения медицинским имуществом армий и госпиталей были фронтальной санитарный склад (ФСС) № 290 и его подвижные отделения. Этот склад был сформирован в Ворошиловграде осенью 1941 года из остатков окружного санитарного склада Одесского военного округа и был включён в состав медицинской службы Сталинградского фронта. Он прибыл в Сталинград тогда, когда в городе начались

уличные бои, и его направили в г. Энгельс Саратовской области, а затем в Уральск (Казахская ССР), где он находился до декабря 1942 года на расстоянии свыше 650 км от района боевых действий. Затем был передислоцирован в Палласовку Сталинградской области (свыше 100 км восточнее р. Волги). В феврале—марте 1943 года ФСС передислоцировался в Красноармейск, затем в Сальск. Всего за 6 месяцев склад разгрузил и погрузил после соответствующей обработки около 1000 вагонов медицинского имущества¹⁴.

Подвижное отделение ФСС развернулось в районе станции Морозовской с запасом медицинского имущества около 70 вагонов. В июне 1942 года противник прорвал нашу оборону на юго-западном направлении и его воздушный десант перерезал единственную железную дорогу на Сталинград. В этих условиях было принято решение отступить в направлении станции Цимлянкой и далее в Сталинград. Из-за отсутствия возможности эвакуации железнодорож-

ным транспортом медицинское имущество в количестве около 45 вагонов было уничтожено, а наиболее ценные лекарственные средства и перевязочные материалы вывезены автомобилями в Сталинград.

Ввиду удалённости ФСС от войск фронта основная тяжесть снабжения медицинским имуществом легла на его подвижное отделение, которое дислоцировалось в Солодниках, затем в районе Красной Слободы, а после 2 сентября 1942 года в Ленинске. Его штат составляли провизор, фармацевт и 3 прикомандированных солдата. Ежедневно подвижное отделение выдавало медицинское имущество 30—40 приёмщикам. Медицинское имущество медицинским частям и госпиталям, оказавшимся в окружении в Сталинграде, доставлялось самолётами У-2 и сбрасывалось в районах их расположения. Для этого лекарственные препараты в мелкой расфасовке упаковывались в парашютно-десантные мешки, а при их отсутствии в ивовые корзины,

и каждую ночь доставлялись на аэродром.

Второе подвижное отделение ФСС прибыло в район Палласовки в октябре 1942 года. В ходе подготовки к контрнаступлению оба подвижных отделения выдали войскам более 22 вагонов медицинского имущества¹⁵.

При планировании медицинского обеспечения фронта и армий санитарные отделы в планы лечебно-эвакуационного обеспечения мероприятия по медицинскому снабжению не включали. На Сталинградском фронте впервые был разработан план снабжения медицинским имуществом войск в операции.

Состав медицинской службы не был постоянным и изменялся в зависимости от количества войск. К началу контрнаступления медицинская служба фронтов имела ограниченные возможности в связи с тем, что госпитальные базы армий и фронтов были заполнены ранеными и больными на 80—90 проц. в ходе предшествовавших боёв. Резервных медицинских учреждений фронты не

Таблица 2

Органы медицинской службы к началу контрнаступления в Сталинградской битве

Органы медицинской службы	Донской фронт			Сталинградский фронт			Юго-Западный фронт			Всего
	в трёх армиях	во фронте	итого	в пяти армиях	во фронте	итого	в трёх армиях	во фронте	итого	
Управления эвакуационных пунктов	3	1	4	5	2	7	3	1	4	15
Полевые и эвакуационные госпитали	37	46	83	68	51	119	24	29	53	255
Военно-санитарные склады	3	1	4	5	1	6	3	1	4	14
Специальные части и учреждения	22	23	45	26	19	45	14	2	16	106

Составлена по: Миренков А.М. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М.: РИЦ МО РФ, 2005. 350 с.

имели (табл. 2). В результате принятых мер по расширению вместимости госпиталей (они были развёрнуты на 150—200 проц.) было обеспечено достаточно полное лечение раненых и больных, а также своевременная эвакуация. В ряде случаев на Юго-Западном фронте ППГ (штатная ёмкость 200 коек)

вынуждены были принимать и оказывать медицинскую помощь до 2000—2500 раненым и больным. Для выполнения принимавшихся решений потребовалось дополнительное медицинское имущество.

ФСС Донского фронта был сформирован на базе окружного санитарного склада

Киевского особого военного округа в конце 1941 года и перебазировался из Киева в Актарск, а его подвижное отделение разместилось в Камышине. ФСС пополнял запасы медицинского имущества своего подвижного отделения и полевых армейских санитарных складов (ПАСС) из своих фондов или

Таблица 3

Наличие основных предметов медицинского имущества в армиях Донского фронта

Наименование предметов	Ед. измерения	На операцию 19—30 ноября 1942 г.*		На операцию 17—27 декабря 1942 г.**	
		Положено	Имелось	Положено	Имелось
Комплект Б-1	шт.	704	633	836	886
Комплект Б-3	шт.	352	237	418	267
Глюкоза в порошке	кг	265,9	160	292	160,8
Кофеин в ампулах	шт.	7940	7100	16 720	3985
Камфорное масло в ампулах	шт.	10 560	16 130	12 540	7235
Морфий в ампулах	шт.	4224	32 870	5012	59 415
Настойка йода	кг	1478	314	175,5	427,5
Новокаин	кг	9,85	9,05	11,5	8
Риванол	кг	1,4	1,6	1,67	3,14
Спирт денатурированный	кг	1583	47	1859	66
Спирт ректификат	кг	1445	681	1672	1351,8
Эфир для наркоза	кг	1478	260	175,5	421,1
Сыворотка противостолбнячная	доз	35 200	23 800	41 800	39 960
Сыворотка противогангренозная	доз	7040	4566	8400	10 540
Бинты разные	шт.	52 800	93 950	62 700	154 800
Вата гигроскопическая	кг	2649	2144	3465	4959
Вата компрессная	кг	704	1506	836	4349
Шёлк в ампулах	шт.	3520	1790	3762	7702
Марля	м	—	61 029	—	107 500
Шины разные	шт.	19 360	5612	20 900	4430
Иглы к шприцам	шт.	—	3634	—	13 950

Примечания.

Комплект Б-1 — Перевязочные средства стерильные.

Комплект Б-3 — Перевязочные средства нестерильные.

Составлена по: Миренков А.М. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М.: РИЦ МО РФ, 2005. 350 с.

* Данные приведены по 24-й и 65-й армиям.

** Данные приведены по 21, 65, 24 и 69-й армиям.

из подвижного отделения, а также снабжал фронтовые госпитальные базы. ПАСС снабжали армейские госпитальные базы и пополняли запасы медицинского имущества в своих подвижных отделениях, которые обеспечивали им войска армий. Данные о потребности и наличии отдельных предметов медицинского имущества армий Донского фронта в операции в разные периоды боевых действий приведены в таблице 3.

Задача по ликвидации окружённой группировки противника была возложена на Донской фронт. В ходе её выполнения потребовалось организовать оказание медицинской помощи раненым и больным военнопленным. Для их лечения в районе Сталинграда были выделены специально назначенные госпитали. Всего для их приёма были подготовлены около 20 тыс. коек, выделены медицинский персонал, лекарственные средства и перевязочные материалы, а также другое медицинское имущество¹⁶.

На Юго-Западном фронте ФСС дислоцировался на станции Балашов. Ежемесячно в подвижное отделение ПАСС доставлялось медицинское имущество объёмом около 30 автомобилей. Во время наступательной операции 5-й танковой армии были захвачены первые значительные трофеи медицинского имущества. По итогам боевых действий армии за период с 20 ноября 1942 по 20 января 1943 года были подведены и проанализированы итоги расхода медицинского имущества. По некоторым предметам на одного раненого он составил: марли, включая в изделиях, — 4 м, эфира для наркоза — 2 г, глю-

Бригада медиков в полевом лазарете

Перевязка раненого

Санструктор пришла на помощь

козы — 2 г, сыворотки противостолбнячной — 0,27 дозы, сыворотки противогриппозной — 0,11 дозы. Полученные данные позволяли более чётко планировать потребность фронта в медицинском имуществе¹⁷.

За время контрнаступательной операции санитарные потери войск фронтов составили 330 892 раненых и больных. Для оказания им медицинской помощи потребовался большой объём лекарственных средств, перевязочных материалов и другого медицинского имущества. Его подвоз, как и других материальных средств, от фронтовых и армейских баз снабжения в войска и эвакуация раненых осуществлялись с преодолением больших трудностей. В прифронтовой зоне сеть железных и шоссейных дорог была развита недостаточно. До армейских баз грузы под-

возились по единственной железной дороге Владимирова — Ленинск — Заплавное, а дальше автомобильным транспортом до Волги. В прибрежной зоне осуществлялась перегрузка на плавсредства. Грузы на правый берег реки доставлялись под непрерывными бомбёжками. В зимнее время использовались лыжно-носилочные установки и лодочки-волокуши, направлявшиеся за ранеными. Подвоз материальных средств в войска осуществлялся по принципу «на себя», т.е. получатель своими средствами доставлял полученное имущество. Начальник тыла Сталинградского фронта генерал-майор Н.П. Анисимов своим приказом возложил ответственность за доставку грузов на старшего начальника. Такой порядок подвоза материальных средств впоследствии

был принят во всей Красной армии¹⁸.

В ходе Сталинградской битвы из-за неполного удовлетворения потребности, а также нарушения доставки материальных средств войскам, включая медицинское имущество, возникал дефицит лекарственных препаратов, перевязочных средств, средств для дезинфекции. Не хватало препаратов крови, обезболивающих средств, оборудования для дезинфекции, транспортных шин и др. В 51-й армии по причине отсутствия лекарств на санитарном складе приходилось эвакуировать больных, которые не подлежали эвакуации¹⁹.

Работники медицинских подразделений и госпиталей искали и находили оптимальный выход из сложных положений. Недостающее количество транспортных шин восполняли путём орга-

Сталинград
1942 г.

низации их изготовления на месте из подручных средств, например из штакетника, как в санчасти 272-го полка 10-й дивизии НКВД. При эвакуации в Ленинске организовали изготовление универ-

сальных гипсовых шин для раненых в кисть и лучезапястный сустав, получивших название «сталинградских». За день их изготавливали 300—400 штук и отправляли в войска.

Однако, несмотря на предпринимавшиеся усилия, укомплектование медицинским имуществом медицинской службы было острой проблемой практически во всё время войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нагибович А.Р., Стасевич В.С., Бунин С.А., Гегелашвили В.И. Хронологический аннотированный указатель документов, регламентирующих медицинское снабжение Советских Вооружённых сил (1925—1991 гг.). Вып. I. СПб.: Форос Плюс, 2001. 151 с.; Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Накануне. 11 мая 1939 г. — 22 июня 1941 г. СПб.: Наука, 1995. С. 75, 78.

² Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в 5 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. С. 38, 39.

³ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в 12 т. Т. 3. М.: Кучково поле, 2012. С. 221.

⁴ Слесарчук А. Медицинская служба РККА: готовность и война. Интернет-ресурс: <https://proza.ru/2015/12/05/1247>.

⁵ Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны (Архив ВММ МО). Ф. 6575. Оп. 55236. Ед. хр. 6. Л. 124—125.

⁶ Миндич Д. Советские лекарства во время войны. Интернет-

ресурс: <http://gmpnews.ru/2010/05/sovetskie-lekarstva-vo-vremya-voynu>; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в 12 т. Т. 11. М.: Кучково поле, 2014. С. 26.

⁷ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в 12 т. Т. 11. С. 26; Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (История строительства). Вторжение 22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г. СПб.: Наука, 1995. С. 62, 63.

⁸ Смирнов Е.И. Корврач: вопросы организации и тактики медицинской службы. М.: Медгиз, 1942. С. 42.

⁹ Тиманьков К.Д. Медицинское снабжение в период войны // Военно-медицинский журнал. 1970. № 5. С. 29—33.

¹⁰ Тыл Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Под ред. С.К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. С. 315.

¹¹ Лапин В.П. Медицинское снабжение во время Сталинградской битвы // Военно-медицинский журнал. 1987. № 10. С. 16.

¹² Григорьев А.Н. Медицинская служба в Сталинградской битве //

Военно-медицинский журнал. 1968. № 1. С. 19—24.

¹³ Георгиевский А.С., Лобастов О.С., Иванович Ф.А. Организация медицинского обеспечения советских войск в Сталинградской наступательной операции // Военно-медицинский журнал. 1987. № 10. С. 10—15.

¹⁴ Архив ВММ МО. Ф. 1. Оп. 47185. Д. 284. Л. 10—32.

¹⁵ Желтова Л.В. Военное здравоохранение в Сталинградской битве (организация медицинского снабжения и деятельность медицинской службы Красной армии). Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. С. 48.

¹⁶ Георгиевский А.С., Лобастов О.С., Иванович Ф.А. Указ. соч. С. 23—25.

¹⁷ Лапин В.П. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ Соколов А.М., Золотарёв В.А., Миренков А.И., Параскевов В.С., Полянский М.С. Сталинградская битва. От обороны к наступлению. Интернет-ресурс: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/79997-stalingradskaya-bitva-ot-oborony-k-nastupleniyu-kollektiv-avtorov/read/page-15.html>.

¹⁹ Желтова Л.В. Указ. соч. С. 48.

O.V. Voronkov

«WE MUST NOT ALLOW A SINGLE GRAM OF EXTRA EQUIPMENT IN THE KITS...»

Supply of the Red Army with medical materiel in the Battle of Stalingrad, 1942—1943

Information about author. Oleg Voronkov — lecturer of the Department of Organization and Tactics of Medical Service at a branch of the S.M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Ministry of Defense, colonel of medical service (ret.), D. Sc. (Pharm.), professor, Honored Worker of Healthcare of the Russian Federation (Moscow. E-mail: o.voronkov@yandex.ru).

Summary. The paper analyzes the activities of military medical, sanitary and other units, divisions and services at the beginning of the Great Patriotic War and the circumstances that led to the loss of wartime medical supplies and most pharmaceutical enterprises. The paper provides data on the solution by the commanders of the fronts and armies of numerous problems of military and medical supplies in the period preceding the Battle of Stalingrad. The analysis of measures to increase the combat readiness of the military medical service and improve the medical support of the troops is given. The activities of military medical depots and the medical supply authorities, as well as the organization of supplying troops and hospitals with medical equipment during defensive operations and counteroffensives of the Red Army, are covered. Despite the difficulties in restoring industrial production and supplying troops with medicines, the military and medical supply agencies of the armies and fronts ensured an uninterrupted supply of everything necessary for providing medical care and treating the wounded and sick.

Keywords: Stalingrad; Battle of Stalingrad; medical supply; front; medical depot; medical equipment; medicines.

«...ПРОШУ ОТПРАВИТЬ НАС НА СВОЙ ФРОНТ»

«Региональный патриотизм» на Восточном фронте Красной армии
во второй половине 1918 — начале 1919 года

Сведения об авторе. Наумов Евгений Олегович — старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат исторических наук (г. Саранск. E-mail: naumoveo@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе широкого комплекса источников рассматривается недостаточно изученная проблема, связанная с проявлением среди красноармейцев одного из факторов, тормозивших процессы создания Красной армии и её участия в боевых действиях на Восточном фронте на начальном этапе Гражданской войны, — нежелание некоторых солдат воевать за пределами территории формирования воинской части или подразделения. По этой причине отдельные директивы и приказы высшего руководства не всегда встречали понимание в красноармейской массе. В результате бойцы отказывались выполнять распоряжения начальства. Это приводило к серьёзным конфликтам, которые зачастую заканчивались вооружённым подавлением вспыхивавших выступлений. Подобные столкновения происходили во всех воинских объединениях Восточного фронта на протяжении второй половины 1918 — начала 1919 года, что свидетельствует не только о значительных масштабах явления, получившего название «региональный патриотизм», но и о неспособности высшего руководства решить данную проблему, несмотря на предпринимаемые меры.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Восточный фронт; Чехословацкий корпус; Среднее Поволжье; Приуралье; Саратов; Самара; Уфа; «региональный патриотизм»; дисциплина; интернационалисты; А.Ф. Мясников; И.С. Кутяков; Л.Д. Троцкий; Г.К. Восканов.

Идеологическим базисом, на котором была основана пропагандистская работа комиссаров Красной армии среди солдат в годы Гражданской войны в России 1917—1922 гг., являлся тезис о необходимости защиты зарождавшегося социалистического государства, которое находилось под угрозой порабощения интервентами и внутренней контрреволюцией. Однако на начальном этапе создания Вооружённых сил Советского государства многие бойцы с трудом воспринимали такую агитацию, выступая с ответными, прямо противоположными требованиями и высказываниями. Суть их заключалась в стремлении солдат защищать исключительно родной регион (губернию, уезд), где создавалось то или иное воинское формирование. Это явление можно назвать «региональным патриотизмом». Подобные настроения широко стали проявляться с начала июня 1918

года, когда перед воинскими частями и подразделениями, находившимися на востоке страны, была поставлена задача подавления антибольшевистского мятежа солдат Чехословацкого корпуса.

В историографии данная проблема комплексно и целенаправленно не изучалась. Как правило, в литературе встречаются лишь отдельные упоминания о «региональном патриотизме». Советские исследователи считали подобное поведение солдат признаком «партизанщины», характерной для многих частей и подразделений Красной армии на начальном этапе её строительства¹. Самые яркие случаи проявления «регионального патриотизма», получившие отражение как в биографической², так и в мемуарной литературе³, имели место в 4-й армии Восточного фронта. Эта тема затрагивалась и в современной историографии, где стоит выделить

работы историка А.А. Симонова, посвящённые боевому пути частей и подразделений Николаевской и Самарской дивизий 4-й армии⁴. С учётом достижений советской и современной российской историографии, а также с опорой на обширную источниковую базу, включающую опу-

бликованные и неопубликованные материалы и воспоминания, в данной статье впервые даётся характеристика ключевых особенностей «регионального патриотизма» на примере Восточного фронта Красной армии во второй половине 1918 — начале 1919 года.

Формирование крупных воинских объединений на востоке страны началось 31 мая 1918 года, когда приказом народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого на территории Саратовской, Пензенской и Симбирской губерний был создан Чехословацкий фронт под командованием А.Ф. Мясникова⁵. Однако ему по целому ряду причин не удалось решить задачи по разоружению взбунтовавшегося Чехословацкого корпуса и предотвращению его продвижения на восток. Поэтому 13 июня 1918 года председатель СНК В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий подписали постановление о создании нового органа управления войсками, действовавшими в Поволжье и Приуралье, — Революционного военного совета в составе главнокомандующего М.А. Муравьева и комиссаров П.А. Кобозева и Г.И. Благоданова⁶. В период с середины июня по середину августа 1918 года на Восточном фронте были созданы 5 армий: 1-я (19 июня), 2-я (не позднее 22 июня), 3-я (с 14 июня по 20 июля именовалась как Северо-Урало-Сибирский фронт), 4-я (с 20 июня по 20 июля именовалась как Особая армия), 5-я (16 августа)⁷. Данные объединения пополнялись как за счёт воинских частей и подразделений, расположенных в прифронтовых губернских и уездных городах Поволжья

и Приуралья, так и путём использования формирований, прибывших на восток страны из других регионов республики⁸. Подавляющее большинство указанных частей и подразделений не выступали против участия в боевых действиях с Чехословацким корпусом, а затем Народной армией Комуча. Однако некоторые военнослужащие отказывались выполнять приказы по захвату или обороне территории, с которой они не были тесно связаны.

Несмотря на то что при анализе источников явно бросается в глаза шаблонность заявлений и действий красноармейцев, далеко не всегда совпадали обстоятельства, при которых они высказывались о необходимости защиты исключительно своего родного региона. Так, можно выделить группу воинских частей и подразделений, отказывавшихся под вышеуказанным предлогом покидать тот или иной населённый пункт, в котором солдаты находились на момент появления приказа о выступлении на фронт. Как правило, это было характерно для небольших отрядов, сформированных местными органами власти. Например, солдаты Казанского отряда перед командировкой в распоряжение временно исполнявшего должность командующего Чехословацким фронтом В.В. Кураева в начале июня 1918 года заявили, что «в Самару ехать не

следует, а лучше подождать, пока неприятель подойдёт к Казани, и тогда уже дать ему бой»⁹. Спустя несколько дней красноармейцев всё же удалось уговорить выполнить приказ об отправке на фронт. Однако после первого столкновения с противником отряд самовольно покинул боевой участок и вернулся в Казань¹⁰.

Похожий случай произошёл в начале июля 1918 года, когда работники Высшей военной инспекции¹¹ и командование 2-й армии занимались организацией обороны Уфы от наступавших частей Чехословацкого корпуса. Из-за «регионального патриотизма» жителей окрестных уездов военному командованию не удалось сосредоточить в своих руках достаточное количество красноармейских отрядов, что являлось одной из причин падения города: «Когда, например, неприятель подходил к Уфе и готовилась мобилизация, бирские крестьяне заявили, что мобилизоваться для защиты Уфы они не намерены, а будут защищать только Бирск. Даже некоторые уральские рабочие, самоотверженно шедшие в бой, желали защищать только свои участки»¹². В 3-й армии согласно политической сводке от 31 августа 1918 года добровольцы села Арамашевского, действовавшие в районе Алапаевска Пермской губернии, потребовали «оставить их на участке

фронта, наход[ящемся] близ их села»¹³.

Довольно много проблем у военного руководства возникло в конце июля — начале августа 1918 года, когда предпринимались попытки направить на Восточный фронт воинские части и подразделения, находившиеся на западном участке завесы, созданном весной 1918 года для обороны указанной территории от наступающих немцев. Неудивительно, что события, происходившие летом 1918 года на востоке страны, в сотнях километров от западных губерний, мало интересовали солдат данного региона. О тех настроениях, которые господствовали среди красноармейцев, лучше всего свидетельствует резолюция общего собрания 2-го пехотного пол-

солдат дивизии против Брестского мира, что в итоге привело к серьёзным волнениям в г. Орше, где располагались части соединения¹⁵.

Однако местным властям удалось переломить столь радикальное настроение солдат и организовать отправку на Восточный фронт большого количества частей. Например, по воспоминаниям комиссаров, первоначально многим красноармейцам Курского полка «эта перспектива не нравилась, ибо полк состоял в большинстве из уроженцев тех местностей, где был расположен. Мы опасались большого дезертирства и, желая предупредить его, развили своевременно агитацию. Можно сказать, что кампания увенчалась успехом, так как при переброске полка на

по прибытии их бригады часть, не желавшая идти на Чехословацкий фронт, была ещё обезоружена в Курске, и 60 человек отослано было обратно в Москву. Остальные согласились поехать вместе с бригадой. На пути следования [в] Инзу они хотели устраивать несколько раз митинги, предъявляли массу требований, которых нельзя было выполнить в дороге»¹⁷.

Стоит отметить, что иногда подобные настроения у солдат культивировались находившимися в прифронтовой полосе местными властями, которые также не были заинтересованы в отправке своих воинских частей и подразделений на фронт, в результате чего отказывались выполнять приказы военного командования. Например, в статье «Причины наших неудач», опубликованной в Известиях Народного комиссариата по военным делам от 13 августа 1918 года, где анализировались поражения Красной армии на Восточном фронте в конце июля, отмечалось следующее: «В основу боевых распоряжений совдепов, конечно, клался “местный патриотизм”. Их отряды защищали свои “Тетюши”, свои “Царёвококшайски” и совершенно не желали считаться с задачами защиты всей советской республики».

Неудивительно, что командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис запретил местным Советам вмешиваться в распоряжения военных¹⁸. Другая группа солдат, наоборот, оказавшись по тем или иным причинам на фронте, стремилась вернуться в родной регион для его защиты от более «актуального» противника. Как правило, эти воинские формирования соглашались участвовать в боевых действиях в случае

«В основу боевых распоряжений совдепов, конечно, клался “местный патриотизм”. Их отряды защищали свои “Тетюши”, свои “Царёвококшайски” и совершенно не желали считаться с задачами защиты всей советской республики»

ка Могилёвской дивизии от 31 июля 1918 года. В документе сообщалось, что солдаты, «не освободив своих семей от германского ига», и «впредь до оттеснения германцев на их территорию» выступать на Восточный фронт не будут. Кроме того, красноармейцы были уверены, что «чехословаки борются за власть народа и хотят всех нас привести к более дружной организации»¹⁴. Подобная риторика была вызвана активной левозэсеровской агитацией среди

Восточный фронт % дезертирства был сравнительно небольшой»¹⁶. Тем не менее иногда волнения среди солдат всё же происходили. 4 августа 1918 года политический комиссар Курской бригады Н.Д. Токмаков в разговоре с членом РВС Восточного фронта К.Х. Данишевским сообщал о красноармейцах 3-го Московского полка, сосредоточенных на передовых позициях: «Я не ручаюсь, что они принесут пользу для блага революции, так как

угрозы наступления неприятеля на «домашнюю» территорию. Так, в конце мая — начале июня 1918 года для разоружения Чехословацкого корпуса в район железнодорожной линии Пенза — Самара из Саратовской губернии были направлены несколько воинских подразделений, в т.ч. два отряда из Балашова. Каждый из них до поры до времени выполнял свои задачи. Однако в определённый момент солдаты стали требовать возвращения домой. 29 мая 1918 года, после того как арьергарды Чехословацкого корпуса покинули станцию Ртищево и начали пересекать границу другой губернии, отряд рабочих решил вернуться в Балашов ввиду того, что поставленная перед ними задача изгнания противника из своего региона была выполнена¹⁹.

Аналогичным образом в районе Сызрани действовал другой Балашовский отряд под командованием Г. Солонина. 8 июня 1918 года солдаты одного из батальонов созвали собрание с целью выдвинуть в адрес командующего Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова требование об отправке обратно в Балашов. Красноармейцы считали, что задача очистки «территории двух губерний, Саратовской и Пензенской, и восстановления жел[езной] дороги путей, испорченных чехословаками у Ртищево и Сердобска», выполнена «добросовестно и самоотверженно». Весьма примечательно, что у солдат имелся ещё один весомый аргумент, оправдывавший необходимость их срочного возвращения домой, — опасность захвата Балашова немецкими войсками, которые в конце мая — начале июня 1918 года совместно с донскими казаками проявляли

А.Ф. Мясников

активность на указанном направлении: «Ввиду надвигающейся катастрофы с юга Русско-Немецких банд, с которыми неоднократно нам приходилось сражаться и которых мы считаем более злейшим и опасным врагом, чем чехословаки, которые каждую взятую пядь земли закрепощают империализмом... просить Главнокомандующего тов[арища] Мясникова возвратить нас по нашим гарнизонам, где мы боролись с контрреволюционными бандами и откуда мы все как один направим свою военную силу против поработителей с юга, где нашим семьям уже угрожает опасность, и которые подготавливаются к эвакуации»²⁰. Естественно, А.Ф. Мясников отказался выполнять требования балашовцев, что, однако, не помешало им самовольно покинуть участок боевых действий и безнаказанно вернуться в Саратовскую губернию²¹. На тот момент подобная выходка была возможна по причине отсутствия в распоряжении Мясникова дисциплиниро-

ванных вооружённых сил, способных задержать дезертиров²².

Остановить беспрепятственное бегство войск в тыл, вызванное указанными причинами, было практически невозможно и в июле—августе 1918 года. Так, согласно информации из эсеровской газеты «Земля и Воля» от 5 июля 1918 года в прифронтовой Кузнецк Саратовской губернии прибыла группа красноармейцев для участия в наступлении 1-й армии на Сызрань. Однако вскоре «часть их сейчас же уехала обратно, заявив, что они обязывались защищать Пензу»²³. Похожие случаи внезапных отступлений с поля боя происходили и в других армейских объединениях Восточного фронта. Например, 15 августа 1918 года 2-й батальон Алапаевского полка 3-й армии, сформированный из рабочих Сусанского завода Верхотурского уезда Пермской губернии, вынес постановление об уходе с позиций домой. В газете «Красная армия» отмечалось: «Этот батальон, представлявший собою не что иное, как “Сусанское землячество” в полку, больше жил интересами своей деревни, чем фронта». На этот раз беглецы были пойманы и осуждены. Военно-революционный трибунал вынес следующие приговоры — от 3 месяцев общественных работ до 5 лет лишения свободы²⁴.

Некоторые солдаты использовали угрозы вернуться на родную территорию в случаях столкновений с начальством. Подобная ситуация возникла во 2-м Петроградском полку, который в середине июня 1918 года «без отказа» выдвинулся на Восточный фронт и вошёл в состав Пензенской дивизии 1-й армии²⁵. В конце июля

1918 года между армейским командованием и солдатами возник конфликт из-за отказа последних отправляться на участок боевых действий без обмундирования. В телеграмме, направленной командующему армией М.Н. Тухачевскому, командир полка М. Зеленков отмечал: «Сообщаю Вам до сведения о том, что 2 Петроградский полк не может воевать без обмундирования. Раз у вас есть, и вы издаёте приказы не выдавать,

— это есть расстройство армии, и прошу отправить нас на свой фронт, [так] как мы все из западного фронта... где мы можем получить обмундирование... Я вижу у вас порядков нет»²⁶. Однако инцидент в итоге был исчерпан, и воинская часть осталась на Восточном фронте.

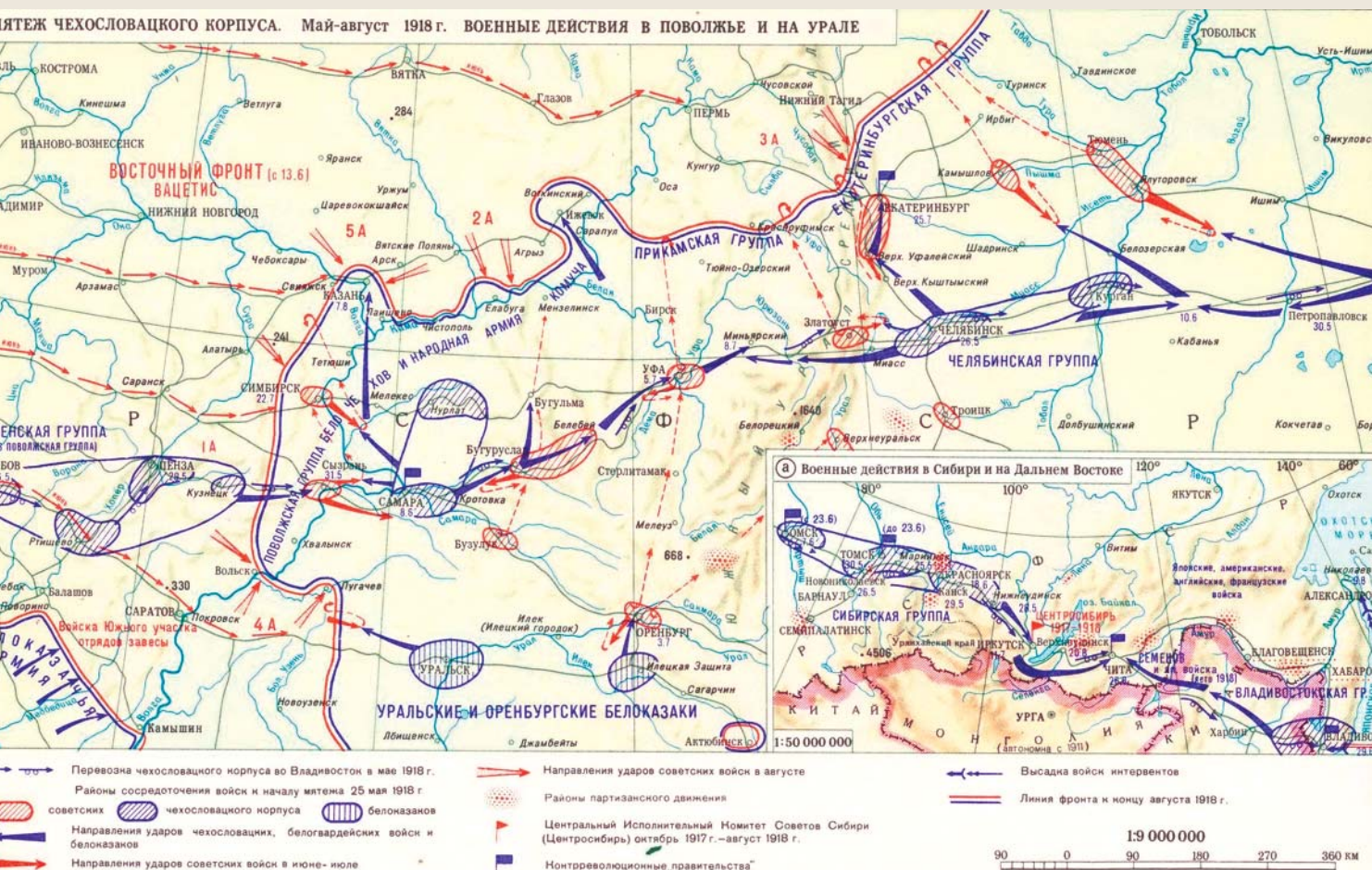
Похожая история произошла в конце августа 1918 года в 4-й батарее Орловской бригады Инзенской дивизии 1-й армии, где между солдатами и

представителями командного состава возник конфликт из-за разницы в жалованьи. 26 августа политком подразделения докладывал: «В результате чего ко мне стали приходить, заявляя, что, если такая неправда, то просим, тов[арищ] комиссар, вашего ходатайства перед высшим начальством об освобождении нас домой на Украину, где мы будем бороться с немцами. Но с большим трудом мне пришлось уладить возникающий конфликт и удержать их от всяких эксцессов»²⁷.

Довольно серьёзные столкновения между красноармейцами и вышестоящим командованием происходили в 4-й армии, подавляющее большинство полков которой начиная с весны 1918 года формировались на территории нескольких уез-

«Они пойдут защищать свои семьи от уральских казаков, а Уфу брать не желают: пусть, мол, крестьяне Уфимской губернии сами очищают свою губернию от чехословаков»

Карта мятежа Чехословацкого корпуса (май—август 1918 г.). Военные действия в Поволжье и на Урале

дов Саратовской и Самарской губерний в условиях постоянной вооружённой борьбы с уральским казачеством. Неудивительно, что предпринимавшиеся с осени 1918 года попытки военного руководства отправить части 4-й армии в другом направлении вызывали у солдат недовольство. Например, в середине октября 1918 года бойцы 2-й бригады Самарской дивизии в ответ на приказ командующего армией Т.С. Хвесина о наступлении соединения на Бузулук Самарской губернии и Уфу потребовали вернуть их обратно на Уральский фронт. Согласно информации, приведённой И.С. Кутяковым, аргументация прибывших в штаб соединения делегатов в количестве 7 человек была следующей: «Они пойдут защищать свои семьи от уральских казаков, а Уфу брать не желают: пусть, мол, крестьяне Уфимской губернии сами очищают свою губернию от чехословаков». Дивизионное командование возмутилось самовольством посланников, которые были арестованы. Однако столь жестокое отношение к солдатам не понравилось остальным бойцам 2-й бригады, которые довольно быстро убедили находившуюся по соседству 1-ю бригаду не выполнять приказ о выступлении на позиции до тех пор, пока делегатов не выпустят на свободу, а дивизию не отправят на Уральский фронт. Волнения достигли своего пика после того, как солдатами 1-й бригады были арестованы и избиты командир Пугачёвского полка И.М. Плясунков и комбриг И.С. Кутяков. Ситуация стала налаживаться только тогда, когда Кутякову удалось убедить бойцов в том, что «он вместе с бригадой, что под его руководством она разобьёт не только уральских казаков,

Г.К. Восканов

но и всех, кто противится её желаниям». В итоге солдаты вернулись в Самару, где были разоружены частями Симбирской дивизии 1-й армии. После выдачи и ареста зачинщиков выступлений полки отправились на фронт без какого-либо ропота. Аналогичные события спустя несколько дней имели место во 2-й бригаде, где тоже пришлось применить похожие меры²⁸.

В конце декабря 1918 года волнения произошли в Ново-Орлово-Куриловском полку Николаевской дивизии. Военное командование решило перебросить указанную часть на Южный фронт, т.к. его войска очень нуждались в пополнениях. Вскоре недовольство перекинулось на остальные части соединения, у солдат которых к начальству было много претензий, вызванных усталостью, нехваткой всего необходимого для ведения боевых действий, а также влиянием находившихся в войсках эсеров. Попытка подавить самовольство солдат агитационным и вооружённым путем закончилась неудачно — под-

разделения, подготовленные для карательных операций, стали проявлять сочувствие к мятежникам. Ситуация резко обострилась после якобы случайного убийства недовольными красноармейцами нескольких представителей командного состава, в числе которых были член РВС 4-й армии Г.Д. Линдов, заведующий крестьянской секцией политотдела объединения П.В. Майоров и комиссар по снабжению В.П. Мяги. В конфликт вынужден был вмешаться председатель Революционного военного совета республики Л.Д. Троцкий, который 26 января 1919 года прибыл в Саратов для организации очередной экспедиции карательных сил. Его приказ с требованием подчиниться армейскому командованию и мирно сдать сыграл ключевую роль в подавлении выступления, так как мятежные полки хорошо знали Л.Д. Троцкого по сентябрьскому приезду в 4-ю армию. Кстати, недовольные воинские части в итоге остались воевать на уральском направлении²⁹.

В конце 1918 — начале 1919 года несколько вспышек «регионального патриотизма» наблюдались среди служивших в Красной армии интернационалистов — венгров, чехов, словаков, немцев, австрийцев и др. Волнения были вызваны произошедшими в Европе ноябрьскими событиями 1918 года — революцией в Германии и Австро-Венгрии, окончанием Первой мировой войны и аннулированием Брестского мира. В результате военное командование стало готовиться к наступательным действиям на западном стратегическом направлении, в частности в Прибалтике и на Украине, территория которых была

Отправка Курской бригады на Восточный фронт
Июль 1918 г.

Штаб 4-й армии. Сидят за столом: С.П. Захаров, Т.С. Хвесин,
П.А. Кобозев, Г.Д. Лейтейзен (Линдов)
Самара, октябрь 1918 г.

Железная дивизия Гая

Художник В.Ф. Макаров, 1979 г.

Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей имени
И.Д. Воронина

занята немецкими войсками. Для проведения операций планировалось использовать нерусские воинские части и подразделения, которые на тот момент находились на Восточном фронте. К концу 1918 года часть из них по инициативе центрального военного командования была направлена в Западный район обороны, где шло создание более крупных национальных соединений, например, финских и латышских³⁰. В результате в адрес руководства стали поступать просьбы и требования об отправке в западные регионы от других воинских формирований, в частности от польского кавалерийского дивизиона П.М. Боревица, который на тот момент входил в состав 1-й армии³¹. Однако некоторые части и подразделения решали данный вопрос кардинальным способом. Например, 8 декабря 1918 года начальник Самарской дивизии 4-й армии Г.К. Восканов сообщил командиру 1-й бригады И.С. Кутякову, что «Интернациональный стрелковый полк отказался выполнять приказы дивизии, самовольно снялся из Гаршино и пошёл в Грачёвку с тем, чтобы уйти в Самару и оттуда уехать в Венгрию и Австрию для защиты своей собственной революции». После неудачных попыток переубедить бойцов было принято решение разоружить полк, на что венгерские солдаты ответили выстрелами. Тем не менее волнение в итоге удалось подавить³². Согласно политической сводке по Восточному фронту от 28 декабря 1918 года изданное воззвание австрийских интернационалистов «о призыве всех военнопленных на родину» создало в 5-й армии «неприятное положение», т.к. многие солдаты потребовали «немед-

ленной отправки. Это воззвание внесло много хаоса»³³. В сводке от 1 января 1919 года отмечалось, что в 251-м полку 28-й стрелковой дивизии 2-й армии латыши выступили с требованием отправить их в Латвию³⁴. Солдаты 1-го Либавского латышского полка 3-й армии в середине января 1919 года также просились на Западный фронт³⁵.

Большой резонанс вызвало поведение солдат Интернационального полка Симбирской дивизии 1-й армии, который зимой 1918/19 года принимал участие в Оренбургской наступательной операции. В начале декабря 1918 года политический комиссар соединения М.А. Алексеев сообщал в политотдел армии,

что в части началось брожение: солдаты стали требовать возвращения на родину и спрашивали у командиров, когда полк отправится на Украину. Хотя наиболее сознательная часть красноармейцев, которая была не так велика, считала, что перво-

начально нужно освободить Оренбург и Урал, а затем выступать на запад. Немалую роль в «брожении умов» играли присылавшиеся из Москвы газеты на иностранных языках, где публиковались сенсации типа «сейчас место каждого на своём революци-

«Интернациональный стрелковый полк отказался выполнять приказы дивизии, самовольно снялся из Гаршино и пошёл в Грачёвку с тем, чтобы уйти в Самару и оттуда уехать в Венгрию и Австрию для защиты своей собственной революции»

В.И. Ленин с латышскими стрелками в Кремле 1 мая 1918 г.
Художник О. Скулме, 1957 г.

онном фронте». Разъяснения комиссаров, что решения о переброске воинских частей принимаются исключительно центральным руководством, а их реализация занимает не один месяц, во внимание не принимались³⁶. Впоследствии выяснилось, что одной из причин столь резкого изменения настроения солдат стало включение во 2-й и 3-й батальоны полка осенью 1918 года большого количества добровольцев из среды бывших военнопленных, которые негативным образом повлияли на остальных бойцов³⁷.

Спустя месяц, в начале января 1919 года, положение в части ухудшилось настолько, что четверть солдат, требовавших возвращения на родину, пришлось изолировать от остальных. 15 наиболее активных агитаторов были арестованы. Однако позже они были освобождены и вернулись в полк³⁸. 24 января Симбирская дивизия захватила Оренбург, что дало интернационалистам повод вновь выступить с предложением о переброске полка на Украину. Но армейское командование по-прежнему не реагировало на данные просьбы, что стало причиной очередного отказа солдат выступать на фронт. 1 февраля в политсводке обращалось внимание на недовольство в части: «Не желают идти дальше, а требуют, чтобы их отправили на Юж-фронт»³⁹. В ответ руководство потребовало, чтобы солдаты сдали оружие или согласились ехать на передовые по-

зиции. В результате «3 батальон целиком выступил на фронт, оружие сдали всего 7 человек. Из 2 батальона сведений не поступало. 1 батальон передал винтовки 3 батальону и разоружения не желает». Только 4-я рота 2-го батальона «определённо заявила, что дальше не пойдёт, и изъявила даже готовность сдать оружие и лишиться звания красноармейцев»⁴⁰. Дивизионное командование вынуждено было применить силу по отношению к мятежникам. Тем не менее разоружение интернационалистов солдатами Витебского полка произошло без единого выстрела. Комиссар части сообщал: «При оцеплении батальонами здания, где помещалась названная рота интернационалистов, — рота была в боевом вооружении, были выставлены пулемёты у ворот главного подъезда — по всей вероятности, желали дать отпор, но, видя свою малочисленность, сдались, но и только тогда, когда были захвачены пулемёты. Избиений никаких не было, за исключением единичных ударов интернационалистам, которые, находясь у пулемётов, не желали сдать винтовки». Действия Витебского полка были настолько быстрыми и решительными, что политком дивизии объявил солдатам благодарность⁴¹. К середине февраля 1919 года обстановка в части стабилизировалась, о чём свидетельствует текст очередной политсводки: «Украинский фронт снят с очереди. Приказ об отбытии

на фронт 2 батальон исполнен беспрекословно». Виновиком выступления Интернационального полка был объявлен его политический комиссар, который вовремя не принял соответствующих мер воздействия против затевавшихся в часть преступных элементов⁴².

Таким образом, «региональный патриотизм» играл важную роль в формировании поведенческих стереотипов солдатской массы воинских объединений Восточного фронта во второй половине 1918 — начале 1919 года. Проявления подобных настроений среди красноармейцев в виде намерений и реальных действий в разной степени возникали в каждой армии фронта на протяжении всего этого периода без какого-либо намёка на спад⁴³. Наоборот, самые серьёзные случаи происходили в период с осени 1918 по начало 1919 года. Чаще всего солдаты бунтовали в 1-й и 4-й армиях. Первая из них отличалась пестротой воинских формирований, прибывших с разных территорий. Вторая в этом плане была довольно однородной, в результате чего малейшее отклонение от привычной территории оперирования вызывало волнения. Несмотря на то что подавляющее большинство случаев проявления «регионального патриотизма», кроме самых ранних, удавалось пресекать, необходимость применения вооружённой силы свидетельствует о серьёзности проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Ладухин В.Н.* Азин. М.: Политиздат, 1967. С. 24, 25.

² Василий Иванович Чапаев: очерк жизни и боевой деятельности. Че-

боксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 202.

³ *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии. М.: Огиз-Гос.

воен. изд-во, 1931. С. 35—37; *Левин Г.А.* С верой в партию // *Реввоенсовет нас в бой зовёт.* М.: Воениздат, 1967. С. 176, 177; *Шамшин П.И.*

Против белоказаков // Боевое прошлое. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1958. С. 263—265.

⁴ *Симонов А.А.* Василий Иванович Чапаев: штрихи к портрету // Крестьянский фронт, 1918—1922 гг. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 557; он же. Мятёж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 4(22). С. 15—27.

⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М.: Воениздат, 1969. С. 95. До прибытия А.Ф. Мясникова на Чехословацкий фронт 4 июня 1918 г. из Смоленска, где в тот момент находился будущий главком, его заменял председатель Пензенского губернского совета В.В. Кураев // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 6; Д. 76. Л. 43.

⁶ Декреты Советской власти в 18 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. С. 429, 430.

⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922) в 4 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1971. С. 380, 381, 386, 387, 389, 398, 428.

⁸ *Наумов Е.О.* Создание объединенной Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье: на примере 1-й армии Восточного фронта. Дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. С. 282—287.

⁹ *Межлаук И.* 1918 год // Первый год пролетарской диктатуры в Татари. Казань: Татгосиздат, 1933. С. 61.

¹⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 8. Л. 167—168.

¹¹ Высшая военная инспекция (ВВИ) — орган военного управления, предназначенный для инспектирования строительства частей и учреждений Красной армии в годы Гражданской войны.

¹² Известия ВЦИК. 1918. № 204. 20 сентября.

¹³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: сборник документов. Екатеринбург: Премиум Пресс, 2008. С. 55.

¹⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 7. Л. 17—19.

¹⁵ *Леонтьев Я.В.* Роковое 6 июля (документально-исторический очерк) // Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917—1925 гг. в 3 т. Т. 2. Ч. 2: Июль—октябрь 1918 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 65—67.

¹⁶ 15-я Сивашская дивизия: сборник в память пятилетия дивизии 1918 — 29 июня 1923 г. Николаев: Издание подива 15, 1923. С. 182.

¹⁷ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

¹⁸ Известия Народного Комиссариата по военным делам. 1918. № 88. 13 августа.

¹⁹ Чехословацкий корпус в Поволжье, 1918—1920 годы: документы и материалы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический институт ФГБОУ ВПО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», 2014. С. 51.

²⁰ РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы её не знаем в 2 кн. Кн. 2. Саратов: Волга, 2016. С. 124, 125.

²¹ РГВА. Ф. 151. Оп. 2. Д. 2. Л. 35.

²² *Наумов Е.О.* «С дезертирами, уклоняющимися от исполнения своего святого долга, поступать самым суровым образом». Заградотряды на Восточном фронте Красной армии во второй половине 1918 года // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 60—66.

²³ Земля и Воля. 1918. № 11. 5(22) июля.

²⁴ Красная армия. 1918. № 82. 26 сентября.

²⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 577. Л. 65.

²⁶ Там же. Д. 50. Л. 55—57.

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 557. Л. 19 об.

²⁸ *Кутяков И.С.* Указ. соч. С. 35—37. Необходимо добавить, что отказ солдат Самарской дивизии от выступления на фронт помимо приведённых выше причин был обусловлен усталостью красноармейцев и невыполненным обещанием командования об организации отдыха в Самаре после захвата города 7 октября 1918 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 19. Л. 171.

²⁹ *Симонов А.А.* Мятёж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.). С. 15—27.

³⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М.: Воениздат, 1969. С. 175; *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М.: Политиздат, 1975. С. 267.

³¹ Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917—1920 гг. М.: Наука, 1987. С. 158.

³² *Кутяков И.С.* Указ. соч. С. 71.

³³ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 24. Л. 84—85.

³⁴ Там же. Д. 4. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 111.

³⁶ Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 162. Л. 35.

³⁷ Там же. Д. 562. Л. 13 об.

³⁸ Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 4. Л. 5; Ф. 157. Оп. 2. Д. 562. Л. 13 об.; Д. 571. Л. 200.

³⁹ Там же. Д. 562. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 13 об.

⁴¹ Там же. Л. 12 об.

⁴² Там же. Л. 13 об.

⁴³ Подобные волнения происходили и в тыловых воинских частях перед отправкой их на тот или иной фронт. См., напр.: *Поляков Р.Ю.* Война и общество: очерки истории военной повседневности 1918—1920 гг. (по материалам Пензенской губернии). Пенза: ПАИИ, 2013. С. 178, 179.

Ye.O. Naumov

«...PLEASE SEND US TO OUR FRONT»

Regional Patriotism on the Eastern Front of the Red Army in the second half of 1918 — early 1919

Information about author. *Yevgeny Naumov* — senior researcher at the history department of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Cand. Sc. (Hist.) (city of Saransk. E-mail: naumoveo@mail.ru).

Summary. On the basis of a wide range of sources, the paper deals with the insufficiently studied problem connected with the manifestation of one of the internal factors which hindered the processes of the Red Army formation and its participation in the military actions on the Eastern front at the initial stage of the Civil war: unwillingness of some soldiers to fight outside their military unit or subdivision territory. For this reason, individual directives and orders of the higher command did not always meet with understanding in the Red Army masses. As a result, soldiers refused to carry out the orders of their superiors. This led to serious conflicts, which often ended in armed suppression of outbreaks. Similar clashes occurred in all military units of the Eastern Front in the second half of 1918 and early 1919, indicating not only the significant scale of the phenomenon called «regional patriotism», but also the inability of the superior leadership to solve the problem, despite the measures taken.

Keywords: Russian Civil War; Eastern Front; Czechoslovak Corps; Middle Volga Region; Cisurals; Saratov; Samara; Ufa; regional patriotism; discipline; internationalists; A.F. Myasnikov; I.S. Kutyakov; L.D. Trotsky; G.K. Voskanov.

«НЕСМОТЯ НА ВСТРЕЧЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ЗАВОД НАЧАЛ ВАЛОВОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ МОРСКИХ СНАРЯДНЫХ ВЗРЫВАТЕЛЕЙ»

Постройка и оборудование Трубочного и электромеханического завода
Морского министерства в Николаеве в 1915—1917 гг.

Сведения об авторе. Виноградов Сергей Евгеньевич — старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: sergei101000@mail.ru).

Аннотация. Впервые в историографии отечественного оборонного комплекса предметно исследуется вопрос о постройке в 1915—1917 гг. русским Морским министерством в г. Николаеве завода взрывателей и электромеханических приборов и устройств для морской и береговой артиллерии. На основе ранее не опубликованных документов Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург) прослежены возникновение идеи создания нового крупного предприятия, ход его постройки и переход к выпуску важнейшей продукции оборонного назначения. Поскольку строительство завода было завершено накануне событий Октябрьской революции и Гражданской войны, судьба предприятия оказалась незавидной. Оно так и не вышло на проектную мощность, растеряло кадровый состав и оборудование, а вскоре прекратило профильное производство. С этим связано почти полное отсутствие публикаций о строительстве уникального предприятия.

Ключевые слова: Трубочный и электромеханический завод морского ведомства; Морское министерство; оборонная промышленность; производство взрывателей для флота; Первая мировая война; адмирал И.К. Григорович.

Первые же месяцы мировой войны, начиная с лета 1914 года, выявили огромный расход снарядов полевой артиллерии, очень быстро расстрелявшей их наличные запасы, созданные в соответствии с довоенными нормами. Имевшиеся оборонные заводы, день и ночь работая на пределе возможностей на пополнение быстро таявших боекомплектов, не справлялись с миллионными потребностями фронта в боеприпасах. В этих условиях правительства всех воевавших держав приступили к мобилизации промышленности, важнейшим направлением которой

было создание новых артиллерийских производств.

Составной частью проблемы многократного увеличения выпуска предметов оружейного снабжения помимо самих снарядов были также взрыватели для них. На исходе первого года Великой войны русское Морское министерство ввиду значительного расхода снарядов в морских операциях было вынуждено для покрытия возрастающих потребностей флота в боеприпасах приступить к созданию собственного завода взрывателей. Постройка нового предприятия началась летом 1915 года в городе Николаеве Херсонской губернии.

Какому решению руководство Морского министерства привёл ход войны на суше, потребовавшей гигантского увеличения производства взрывателей и трубок (взрывателей с замедлением) для сухопутной артиллерии.

Дело в том, что взрыватели для флота прежде поставлялись почти исключительно казённым Петроградским трубочным заводом, в тот момент практически полностью переключившимся на работу для армии. Морской министр

адмирал И.К. Григорович потребовал в новом предприятии расценивал как ключевую, отмечая, что «мы (т.е. флот. — Прим. авт.) зависим в этом от Военного министерства, а оно не в состоянии удовлетворить нас в полной мере»¹.

Не менее важным аспектом была необходимость создания усовершенствованных типов взрывателей для новых видов морских артиллерийских боеприпасов (для стрельбы на дальние дистанции, по береговым целям, по подводным лодкам, аэропланам). Существенным фактором являлась и ведомственная ориентация нового завода, позиционированного как казённое производство военно-морского назначения. Эта его принадлежность должна была обеспечить прямое влияние моряков на военно-техническую и технологическую политику будущего предприятия, минимизировать сроки разработки и внедрения новых типов и образцов взрывателей, гибко реагировать на изменение конъюнктуры производства.

Помимо взрывателей и трубок для морских артиллерийских снарядов, торпед и мин заграждения на заводе как предприятию высокотехнологического профиля предполагалось организовать отдел разработки и производства изделий особой важности —

приборов и систем управления артиллерийской и торпедной стрельбой кораблей и береговых батарей, являвшихся электромеханическими изделиями высокоточного характера. Таким образом, основная идея нового завода определялась Морским министерством как предприятия, «имеющего своим назначением изготавливать для морского ведомства взрыватели, снарядные и зарядные трубки, приборы для управления артиллерийским огнем, лабораторный инструмент и прицелы»².

Выбор месторасположения будущего завода именно в Николаеве был обусловлен соображениями присоединения его к кластеру крупных военно-морских производств (огромная судостроительная община, судосборочные, башенные и турбинные производства Николаевского общества заводов и верфей), сформировавшихся и активно развивавшихся в этом крупнейшем центре военного кораблестроения Юга России. Это должно было способствовать как кооперации с

уже существовавшими предприятиями морского профиля, так и упрощению администрирования и снабжения. Немаловажно, что новый завод было решено разместить на территории старого казённого Адмиралтейства на правом берегу р. Ингул, где имелось несколько зданий, подходивших для их приспособления под цеха будущих производств, и прибавить к ним несколько новых объектов вспомогательного назначения.

Уже существовавшие строения были возведены в качестве мастерских для потребностей флота в ходе реконструкции Адмиралтейства ещё в 1838—1843 гг. Основным из них было необычайно протяжённое (длина 470 м — без малого полверсты) капитальное двухэтажное здание шириной 25,5 м, выполненное из тёсаных блоков местного камня-ракушечника³. В нём первоначально размещалось производство канатов всевозможных типов-размеров для Черноморского флота («канатный завод»). Однако с течением времени, по мере ухода в небытие боевых

**Здание бывшего канатного завода морского ведомства
(справа в глубине)**

Из собрания автора

парусных кораблей, здание всё больше оказывалось занятым разными складами. Сохранялась небольшая парусная мастерская. С 1880-х годов часть помещений была передана «физической мастер-

чтобы с начала 1916 года начать выпуск основной продукции — морских взрывателей мгновенного и дистанционного действия (трубок). Однако поскольку практически всё оборудование «ввиду отсутствия в

Начальником завода с возложением на него функций руководителя строительством и оборудованием предприятия был назначен подполковник Артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения (ГУК) П.П. Левицкий. Для регулярного обсуждения и решения текущих вопросов при строительстве была образована «Особая комиссия по постройке и оборудованию Трубочного и электромеханического завода в Николаеве» из представителей ГУК и руководства завода⁸.

Несмотря на оперативно проведённые мероприятия по началу сооружения нового производства (выделение средств, составление рабочего проекта, заказ материалов, сырья и оборудования, начало строительных работ), ход военных действий и изменение экономической обстановки постоянно возводили на пути строительства всё новые препоны. Важнейшим препятствием являлось неуклонное повышение цен. Для преодоления этой проблемы морскому министру адмиралу И.К. Григоровичу пришлось ещё дважды обращаться с ходатайствами в Совет министров о дофинансировании — 26 января и 6 декабря 1916 года. В обоснование увеличения затрат им приводились доводы о быстром вздорожании в ходе войны цветных металлов и промышленного оборудования, фрахтов на их доставку морским путём от союзников по Антанте и из США, увеличении стоимости рабочей силы и т.п. Все эти обстоятельства были приняты в расчёт, и соответствующими постановлениями ОЖСМ на постройку и оборудование завода дополнительно отпустили ещё 1 046 567 и 612 074 рубля (во втором случае чрезвычайным сверхсметным кредитом)⁹. 27

Поскольку практически всё оборудование «ввиду отсутствия в России производства требующихся станков» было заказано за границей, задержки в доставке не могли не замедлить пуска завода

ской», которая выпускала для флота морские барометры, термометры, штурманские готвальни и прочую несложную инструментальную технику и устройства⁴. «Приборная» специализация нового предприятия получала, таким образом, некоторую преемственность с ранее существовавшими производствами.

С учётом наличия основных зданий для размещения будущих производств смета на постройку и оборудование Трубочного и электромеханического завода (ТЭМЗ)⁵ была исчислена в 1 564 830 рублей. 4 июля 1915 года представление Морского министерства о выделении средств на постройку поступило в Совет министров. Оно было оперативно рассмотрено и одобрено на заседании правительства его Особым журналом (ОЖСМ) 10 июля 1915 года⁶. Утверждение Николаем II этого решения последовало 25 июля⁷.

Работы по постройке и оборудованию Трубочного и электромеханического завода развернулись немедленно, уже в августе 1915 года. Предполагалось ввести предприятие в строй в сжатые сроки с тем,

России производства требующихся станков» было заказано за границей, задержки в доставке не могли не замедлить пуска завода. В начале 1916 года Морское министерство предполагало начать производство взрывателей с 1 июня, а изделий электромеханического назначения — с 1 августа 1916 года. Соответственно была распланирована очередность поставки станков и оборудования — сначала для изготовления взрывателей для морских артиллерийских снарядов и мин заграждения, затем — для приборов и прицелов. Срочность всего дела во многом обусловила тип энергообеспечения станочного оборудования: механообрабатывающие станки (токарные, фрезерные, шлифовальные и пр.) в их подавляющей части не оснащались индивидуальными электромоторами, а получали движение от единого в пределах своего участка распределительного вала, с которым соединялись посредством ремней через систему шкивов. Это упрощало конструкцию, сэкономило средства и должно было способствовать существенному сокращению сроков поставки.

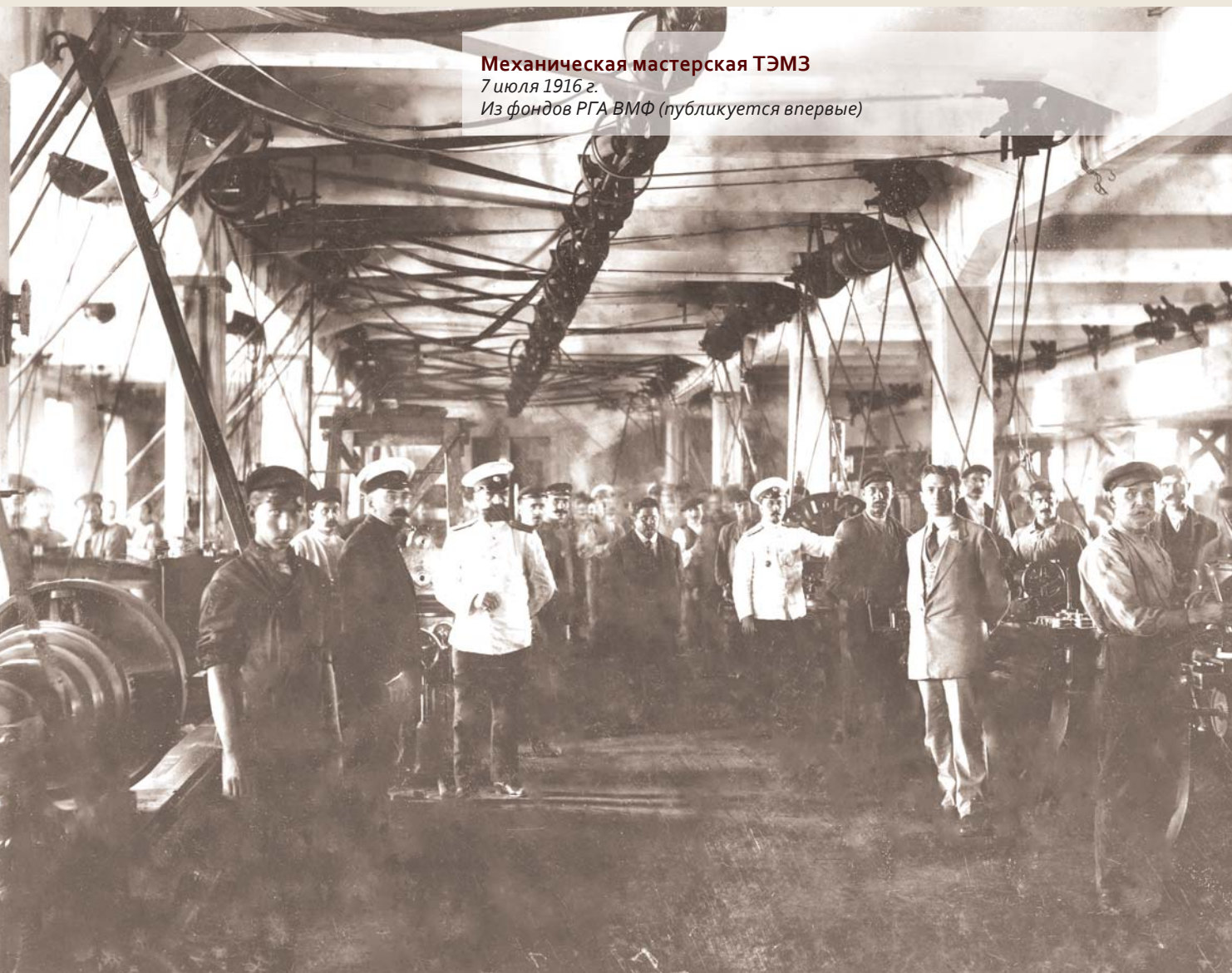
декабря 1916 года Николай II рассмотрел и полностью утвердил эти решения¹⁰.

Несмотря на все сложности, постройка и оборудование нового предприятия продолжались в целом успешно. К 1 января 1916 года было выполнено большинство необходимых переделок в существовавших зданиях бывшего канатного завода, возведены новые дополнительные строения производственного и вспомогательного назначения (мастерские, электростанция, складские постройки и т.п.). Поставки станочного оборудования в значительной части шли из США, а также Великобритании, Швеции, Дании.

Немалую долю поставляли и отечественные производители. Так, 25 сентября 1915 года был заключён договор с петроградской фирмой Л.Ф. Пло на поставку 100 фасонно-токарных, 50 малых фрезерных и 50 шарошечных станков¹¹. Всю поставку, осуществлявшуюся достаточно благополучно (не считая небольших задержек по общим причинам, связанным с войной), контрагент был обязан произвести к 30 марта 1916 года. Срок растянулся, а 30 сентября 1916 года на заводе Л.Ф. Пло произошёл пожар, которым были испорчены 30 последних оставшихся за поставщиком «почти готовых» фасонно-токарных станков.

Из них удалось быстро ввести в строй лишь четыре. До февраля 1917 года оставшиеся 26 станков фирма Пло сдать не смогла, контракт расторгли. Недостающие станки на средства, оставшиеся невыплаченными по последнему платежу, удалось быстро приобрести за границей¹².

Поставки оборудования от инофирм осуществлялись преимущественно через отечественные компании-посредники. Такой способ ведения дела помимо того, что разгружал казённое администрирование, и без того чрезвычайно перенапряжённое организацией широчайшего спектра поставок из-за границы, имел немало

Механическая мастерская ТЭМЗ

7 июля 1916 г.

Из фондов РГА ВМФ (публикуется впервые)

выгод. Некоторые русские фирмы-посредники, такие как петроградская «Воссидло и К^о», негласно сохранившие связи с компаниями в государствах-противниках, умудрялись приобретать там по своим

каналам (преимущественно через нейтральные Швецию и Швейцарию) весьма ценные детали, целые узлы и даже комплектные станки важнейшего назначения. Действовали они при этом быстро, энергично и,

как правило, достаточно эффективно, существенно способствуя решению острых проблем снабжения отечественных оборонных заводов в сложившихся тяжёлых условиях войны. Та же «Воссидло и К^о» 31 июля 1916 года получила от ГУК заказ на поставку для ТЭМЗ 80 токарно-револьверных станков, который надлежало исполнить в кратчайший 4-месячный срок (к декабрю 1916 г.). Закупка была произведена у американской станкостроительной компании «Гарвин» (Garvin Co), а доставка из Нью-Йорка организована столь оперативно, что уже в августе 1916 года первые 25 станков прибыли в Россию¹³.

Осень 1916 года стала тем рубежом, когда отдельные производственные участки нового

Некоторые русские фирмы-посредники, такие как петроградская «Воссидло и К^о», негласно сохранившие связи с компаниями в государствах-противниках, умудрялись приобретать там весьма ценные детали, целые узлы и даже комплектные станки

Трубочная мастерская ТЭМЗ
7 июля 1916 г.
Из фондов РГА ВМФ (публикуется впервые)

предприятия после монтажа и наладки соответствующего оборудования получили, наконец, возможность быть использованными в развёртывании изготовления взрывателей, пока в небольших объёмах. Начало работ на ТЭМЗ в соответствии с его профилем было констатировано на очередном заседании Особой комиссии по постройке завода 14 ноября 1916 года, на котором были также озвучены итоги

строительства предприятия и состояние его наличного станочного парка. Отмечалась общая неготовность собственной электростанции «вследствие запоздания машин и приборов». В создавшихся условиях электроэнергия на строительство поступала по временной кабельной линии через реку Ингул с расположенного напротив крупного судостроительного завода Русского общества.

Литейная мастерская была в целом готова, её плавильные и отжигательные печи приступили к работе, проволочно-прокатная мастерская на 65 проц. была укомплектована станками, которые также начали работу. Практически полностью было смонтировано оборудование механической мастерской, несколько хуже было положение в мастерской выделки взрывателей (запоздание поставки станков на

Таблица

Перечень заказов Артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения Трубочному и электромеханическому заводу морского ведомства в Николаеве на 16 сентября 1917 года

Дата выдачи заказа	Предмет заказа	Кол-во	Сумма заказа, руб.	Получено в счёт заказа, руб.
4 июня 1916 г.	Гильзовые трубки к 57-мм пушкам	40 тыс.	35 600	10 240
10 июня 1916 г.	Взрыватели морского ведомства обр. 1913 г. литер «З»	100 тыс.	875 тыс.	875 тыс.
10 июня 1916 г.	Гальванические трубки типа «ВБ»	100 тыс.	496 тыс.	496 тыс.
10 июня 1916 г.	Ударные трубки типа «ВБ»	100 тыс.	310 тыс.	310 тыс.
16 сентября 1916 г.	Латунные футляры для взрывателей «б», «ГТ»	45 тыс.	35 550	35 550
25 ноября 1916 г.	Взрыватели морского ведомства обр. 1913 г. литер «З» со снаряжением	100 тыс.	909 тыс.	260 тыс.
25 ноября 1916 г.	Гальванические трубки типа «ВБ» со снаряжением	100 тыс.	602 тыс.	172 тыс.
25 ноября 1916 г.	Патронные ударные трубки «Канэ» со снаряжением	200 тыс.	258 тыс.	74 тыс.
25 ноября 1916 г.	Снаряжение донных винтов-факелов	100 тыс.	39 тыс.	11 тыс.
21 июля 1917 г.	Снаряжение взрывателей изготовления Тульского оружейного завода обр. 1913 г. литер «З»	100 тыс.	133 тыс.	133 тыс.
21 июля 1917 г. (в дополнение к наряду от 10 июня 1916 г.)	Снаряжение взрывателей морского ведомства обр. 1913 г. литер «З»	100 тыс.	133 тыс.	133 тыс.
21 июля 1917 г. (в дополнение к наряду от 10 июня 1917 г.)	Снаряжение гальванических трубок типа «ВБ»	100 тыс.	164 тыс.	164 тыс.
21 июля 1917 г. (в дополнение к наряду от 10 июня 1916 г.)	Снаряжение ударных трубок типа «ВБ»	100 тыс.	90 тыс.	90 тыс.
Итого:			4 080 150	2 763 790

Составлена автором по материалам РГА ВМФ. Ф. 441.

6—7 месяцев) и инструментальной (запоздание на полгода). В наиболее отстающем состоянии производств первой очереди находились мастерские снаряжательного отдела, срок начала работ по которым прогнозировался на январь 1917 года. Что же касается мощностей электромеханического отдела (производства второй очереди — приборы управления стрельбой и прицелы), то отставание по ним расценивалось в 6—8 месяцев¹⁴.

В целом удовлетворительный, хотя и растянувшийся по сравнению с первоначально намеченными сроками ход оснащения ТЭМЗ оборудованием побудил ГУК приступить к выдаче предприятию начиная с июня 1916 года заказов на взрыватели для морской и береговой артиллерии. С лета 1916 по осень 1917 года от флота поступили 13 крупных заказов на взрыватели, ударные, гальванические и гильзовые трубки и донные винты-факелы на сумму почти 4,1 млн рублей, из которых около 2,8 млн рублей были перечислены заводу в счёт выполнявшихся работ (см. табл.)¹⁵. Помимо Морского министерства ТЭМЗ начиная с весны 1917 года получал заказы от Тульского оружейного завода (медная и латунная проволока), Севастопольского военного порта (переделка 10 тыс. 47-мм стальных гранат) — всего на сумму около 300 тыс. рублей, а также нескольких средних и мелких казённых и частных предприятий Николаева на различные работы¹⁶.

В преддверии частичного запуска предприятия на уже готовых к действию станочных мощностях Морским министерством осенью 1916 года «для скорейшего налаживания производства взрывателей» на новый завод был командирован председатель Комис-

сии морских артиллерийских опытов (КМАО) ГУК генерал-майор Ф.Д. Ремесников. Его основная задача помимо чисто профессионального консультирования в части конструкции изделий состояла в подключении своего «генеральского» административного ресурса для подкрепления усилий заводского руководства по взаимодействию с контрагентами и смежниками, подгоняя их и «проталкивая пробки» в поставках.

Для более плавного и как можно скорейшего перехода новоиспечённого предприятия к выпуску насущно необходимой продукции была организована частичная подача на него материалов и полуфабрикатов с Тульского оружейного Императора Петра Великого завода, на котором в ходе войны также было развёрнуто производство взрывателей для армии и флота. Поскольку наладка производства в Николаеве шла непросто «вследствие недостатка опытных мастеровых, установщиков станков и инструментальщиков», завод задерживал массовый выпуск взрывателей до весны 1917 года. С этого времени предполагалось довести ежемесячный выпуск до 15 тыс. шт. (полная расчётная ежемесячная производительность — 25 тыс. шт.). Первая партия взрывателей была отправлена с Николаевского завода для испытаний на полигон КМАО в Петроград в декабре 1916 года¹⁷.

Таким образом, заводу удалось в самом конце 1916 года начать, пусть и в достаточно умеренных размерах, выпуск номенклатурной продукции. В отчёте морского ведомства за 1916 год отмечалось, что оборудование двух новых морских заводов — ТЭМЗ и Грозненского толуолового — «не могло быть закончено в назначенные сроки вследствие вызванного

войной расстройством транспорта, которое повлекло к тому, что заказанное за границей оборудование прибыло в Россию с большим запозданием. Несмотря на встреченные затруднения при получении оборудования из-за границы, а также затруднения в заготовке необходимых материалов и частей оборудования на внутренних рынках, главное строительство, а также и оборудование заводов закончено, и заводы эти по частям пущены в ход. Так, Трубочный и электромеханический завод в конце ноября отчетного года начал валовое изготовление морских снарядных взрывателей»¹⁸.

Определённые задержки возникали и по причинам, не связанным с замедленной поставкой станков и оборудования. Так, 12 февраля 1917 года в западном крыле главного здания ТЭМЗ, которое временно занимал филиал петроградского Балтийского завода в Николаеве (постройка подводных лодок «Гагара» и «Утка»), произошёл пожар, вызвавший значительные повреждения кровли и внёсший свою долю дезорганизации в налаживание производственного процесса¹⁹.

Благодаря щедрым авансам Морского министерства в счёт выданных с середины 1916 года заказов (всего перечислено около 3 млн рублей) предприятие смогло в целом достаточно быстро в сложнейших условиях дефицита поставок необходимого оборудования, неуклонного роста цен на материалы, станки и рабочую силу перейти к производству и начать выпуск продукции. Выделка заводом взрывателей в текущих условиях осуществлялась с перебоями, неритмично, но производство постепенно набирало обороты и выходило на нужный режим. Что касается

производства приборов и систем управления артиллерийской и торпедной стрельбой, начало которого планировалось на 1 августа 1916 года, то оно остановилось в конце 1917 года, будучи реализованным в минимальном объёме.

Судьба Трубочного и электромеханического завода была определена дальнейшими событиями, быстро следовавшими одно за другим во внешне- и внутривнутриполитической ситуации того времени. Изменение общей обстановки на Юге России, неуклонно ухудшавшейся с переходом власти в руки большевиков, сепаратным миром в марте

1918 года с державами Четверного союза, последующей оккупацией германо-австрийскими войсками территорий Новороссии (и Николаева), Гражданской войной и разрухой, не позволило предприятию не только развернуться в полную силу, но и состояться вообще. Большинство заказов 1916—1917 гг. были реализованы в неполном объёме; кадровый состав предприятия, на подбор, обучение и слаживание которого было затрачено столько усилий, за годы революционного лихолетья практически рассеялся, оборудование растаскивалось. В советское время профильное

производство на заводе, переданном в 1923 году в состав судостроительного треста «Тремсуд», не возобновлялось.

Несмотря на то что создание в Николаеве в 1915—1917 гг. завода взрывателей и артиллерийских приборов не увенчалось полным успехом, его короткая история остаётся интересным примером частичного решения задачи по созданию крупного оборонного предприятия точного машиностроения и приборостроения в достаточно сжатые сроки в сложных условиях затяжной войны, нехватки ресурсов и затруднённого снабжения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб.: Дева, 1993. С. 184.

² Доклад по Морскому министерству за 1915 г. Пг.: Типография Морского министерства, 1916. С. 82.

³ Дмитриев Н.И., Колпычев В.В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб.: Типография Морского министерства, 1909. С. 859.

⁴ Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на юге России. Калининград: Областное издательство, 1990. С. 221.

⁵ В делопроизводственной переписке для наименования предприятия нередко использовался его телеграфный позывной – «Темвод».

⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 г. М.: РОССПЭН, 2008. С. 662.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 401. Оп. 2. Д. 1296. Л. 155.

⁸ Там же. Л. 112 об.

⁹ Там же. Л. 9, 157; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. М.: РОССПЭН, 2009. С. 635, 740.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 1296. Л. 424.

¹¹ Там же. Оп. 6. Д. 1906. Л. 100 об.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 1296. Л. 261.

¹³ Там же. Л. 379.

¹⁴ Там же. Л. 35, 37.

¹⁵ Там же. Ф. 441. Оп. 1. Д. 148. Л. 158.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1274.

Л. 27, 30.

¹⁸ Секретный доклад по Морскому министерству за 1916 год. Пг.: Типография Морского министерства, 1917. С. 114.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 1296. Л. 331.

S.Ye. Vinogradov

«DESPITE THE DIFFICULTIES ENCOUNTERED, THE PLANT BEGAN THE GROSS PRODUCTION OF FUSES FOR NAVAL PROJECTILES»

Construction and equipment of the Tube and Electromechanical Plant of the Maritime Ministry in Nikolayev in 1915—1917

Information about author. Sergey Vinogradov — senior research fellow at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: sergei101000@mail.ru).

Summary. For the first time in the historiography of the national defense complex, the paper studies in detail the issue of building a plant of fuses and electromechanical devices for naval and coastal artillery. The customer of the construction, which was carried out in Nikolaev in 1915—1917, was the Russian Marine Ministry. Based on previously unpublished documents from the Russian State Archive of the Navy (St. Petersburg), the paper traces the origin of the idea of creating a new large enterprise, the course of its construction, and the transition to the production of important defense products. Since the construction of the plant was completed on the eve of the October Revolution and the Civil War, its fate was unenviable. It did not reach its full capacity, lost its personnel and equipment and soon ceased its main activity. This explains the almost complete absence of publications on the construction of the unique enterprise.

Keywords: Tube and Electromechanical Plant of the Naval Department; Naval Ministry; defense industry; production of fuses for the Navy; First World War; Admiral I.K. Grigovich.

ОТ «РЕВЕНЯ» ДО «ПРИМЫ»

Из истории развития радиолокационных станций

Сведения об авторах. Ильичев Валерий Александрович — доцент кафедры радиолокационного вооружения Военной академии войсковой ПВО Вооружённых сил Российской Федерации, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент (г. Смоленск. E-mail: valerij.ilichev.1957@mail.ru);

Заруцкий Александр Николаевич — преподаватель кафедры радиолокационного вооружения Военной академии войсковой ПВО Вооружённых сил Российской Федерации, майор запаса (г. Смоленск. E-mail: taratorka1971@mail.ru).

Аннотация. В статье проводится анализ развития радиолокационных станций обнаружения метрового диапазона длин радиоволн в системе ПВО Вооружённых сил СССР и России. К началу 30-х годов XX века развитие авиации потребовало от противоборствующих сторон более совершенных средств обнаружения летательных аппаратов. От оптических приборов и звукоулавливателей предстояло перейти к техническим средствам на новых физических принципах: явлению отражения радиоволн различными объектами, находящимися на пути распространения электромагнитной энергии. В статье рассказывается о разработке, производстве и принятии на вооружение РЛС «Ревень» (РУС-1), в 1940 году — «Редут» (РУС-2), в 1941 году — «Пегматит» (РУС-2с), в 1942 году — модернизированной станции П-2М. РЛС П-3А «Печора» принята на вооружение в 1947 году. 1954 год — РЛС П-10, 1956 год — П-12 «Енисей», 1971 год — П-18 «Терек», 1986 год — ЛЛ13 «Небо-СВ», 2003 год — ЛЛ119 «Небо-СВУ», 2016 год — ЛЛ125 «Ниобий-СВ». В 2014 году разработана РЛС П-18-2 «Прима».

Ключевые слова: СССР; Россия; ПВО; радиолокация; радиоулавливатель; радиолокационная станция; радиолокационная информация; импульсное излучение; импульсный радиолокатор; круговой обзор; дальность обнаружения; подвижный радиовысотмер; диапазон волн; П.К. Ощепков; А.Д. Бомштейн; Б.К. Шембель; А.Ф. Иоффе; Д.А. Рожанский; А.Б. Слепушкин.

Возникновение радиолокации связано с открытием основоположником радио А.С. Поповым и его учеником и соратником Н.А. Рыбкиным явления отражения радиоволн различными объектами, находящимися на пути распространения электромагнитной энергии. Зарождение радиолокации в России относится к началу 30-х годов XX столетия. Термин «радиолокация» официально принят в СССР

в 1944 году. До этого в отечественной литературе употреблялся термин «радиообнаружение».

К началу 30-х годов XX века развитие авиации остро поставило на повестку дня вопрос о поиске новых, более совершенных способов обнаружения самолётов. Техническая база системы ПВО того времени состояла из оптических приборов и звукоулавливателей, которые имели ограниченные возможности.

Инициатором работ по созданию в Советском Союзе радиолокационных средств дальнего обнаружения самолётов был военный инженер П.К. Ощепков, который в 1932 году выдвинул идею радиообнаружения, а в 1933 году в докладе начальнику Управления ПВО изложил соображения о целесообразности применения в аппаратуре радиообнаружения метода импульсного излучения радиоволн вместо непрерывного¹.

В начале 1934 года опыты Центральной радиолaborатории, проводившиеся под руководством инженера Ю.К. Корвина, доказали практическую возможность радиообнаружения самолётов по отражённой энергии. Именно это событие стало началом развития отечественной радиолокационной техники².

В конце 1934 года Управление ПВО поручило Ленинградскому электрофизическому институту (ЛЭФИ) разработку конкретного

образца аппаратуры радиолокационного обнаружения. Работа проводилась под руководством инженера Б.К. Шембеля. В результате был создан первый образец радиолокатора — «Рапид», работавший в метровом диапазоне волн и в непрерывном режиме излучения.

Начиная с 1935 года основные работы по разработке РЛС проводил Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ) АН СССР, возглавляемый академиком А.Ф. Иоф-

фе. Лабораторией института, которая внесла важнейший вклад в отечественную радиолокацию, руководил академик Д.А. Рожанский. В 1935 году в лаборатории института группа сотрудников под руководством Ю.Б. Кобзарева начала работу по импульсной радиолокации. В результате в 1936—1937 гг. была создана первая отечественная импульсная РЛС³.

В 1939 году на вооружение войск ПВО были приняты разработанные под руководством инженера Д.С. Стогова разнесённые РЛС непрерывного излучения «Ревень», которые по предложению К.Е. Ворошилова были названы радиоуправляемыми самолётов РУС-1. РЛС располагались цепочкой вдоль некоторой линии и позволяли обнаруживать самолёт, пересекавший эту линию. РУС-1 впервые были применены на Карельском перешейке во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и на Кавказе во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Вслед за этим коллектив инженеров под руководством Ю.Б. Кобзарева создал более совершенный совмещённый импульсный радиолокатор «Редут», названный РУС-2, который был принят на вооружение в 1940 году.

В 1941 году был разработан подвижный и усовершенствованный вариант РУС-2 под названием «Пегматит» (РУС-2с). Упрощение станции заключалось в замене двухантенной системы одноантенной. Это позволило разместить всю передающую и приёмную аппаратуру на одной автомашине в невращающемся фургоне, но с вращающейся антенной и отказаться от громоздких и сложных приводов для фургонов и устройств для их синхронного и синфазного вращения. Переключение антенны с передачи на приём

и наоборот должно было осуществляться с применением электрических разрядников, блокировавших при передаче входную часть приёмника от мощных импульсов передатчика. Эта схема стала классической для многих последующих типов импульсных РЛС. За разработку станций РУС-2 и РУС-2с, ставших основой технической вооружённости постов ВНОС и значительно поднявших боевую эффективность войск ПВО, группе сотрудников НИИ радиопромышленности в составе А.Б. Слепушкина, А.В. Тихомирова, Л.В. Леонова, Д.С. Михалевича, И.Т. Зубкова, И.И. Вольмана в 1943 году была присуждена Государственная премия СССР.

В процессе выпуска опытной и последующих партий РЛС РУС-2с велись работы по её дальнейшему совершенствованию, что позволило в апреле 1942 года перейти на выпуск

варианте с двумя антеннами (угломестной, работавшей на излучение и приём, и азимутальной, работавшей только на приём) была разработана в НИИ-20 (ВНИИРТ).

Первой послевоенной РЛС метрового диапазона дальнего обнаружения самолётов стала станция П-3А «Печора», разработанная под руководством Е.В. Бухвалова в СКБ завода № 197 (ныне АО «ФНПЦ «НИИИРТ»). П-3А была первой РЛС в истории завода. Станция принята на вооружение в 1947 году и успешно заменила в войсках РЛС П-2М и «Редут». Серийный выпуск продолжался до 1951 года. За это время в войска было поставлено 435 станций⁴.

В.Е. Бухвалов внёс выдающийся вклад в формирование и становление одного из ведущих в радиоэлектронной отрасли предприятий — разработчиков и изготовителей

В 1939 году на вооружение войск ПВО были приняты разработанные под руководством инженера Д.С. Стогова разнесённые РЛС непрерывного излучения «Ревень», которые по предложению К.Е. Ворошилова были названы радиоуправляемыми самолётов РУС-1

модернизированной станции под названием П-2М. Эта станция выпускалась в течение всей войны НИИ и рядом радио-заводов.

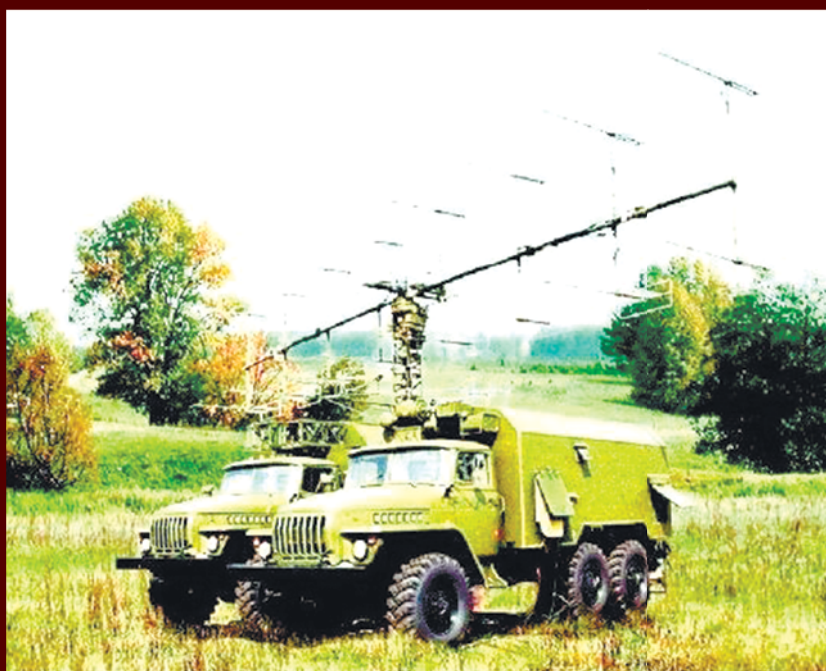
В конце Великой Отечественной войны, в 1944 году, на вооружение была принята РЛС П-3, пришедшая на смену РУС-2. РЛС П-3 в разборном

радиолокационной техники. Он был главным конструктором ещё пяти совершенно разных, но надёжных и удобных в эксплуатации РЛС — П-8, П-10, П-12, П-12М, П-95.

РЛС П-8 «Волга» была первой отечественной РЛС обнаружения и наведения самолётов с круговым обзором воздушного

Подготовка РЛС П-10 к боевой работе

РЛС П-18 «Терек»

РЛС 1Л13 «Небо-СВ»

пространства и простейшей аппаратурой защиты от пассивных помех. Принятая на вооружение в 1950 году, РЛС П-8 стала базой для создания многочисленных модификаций различных РЛС метрового диапазона волн. В 1951 году по инициативе военных инженеров М.М. Лобанова и А.И. Облезина для РЛС П-8 было разработано новое мачтовое антенное устройство высотой 30 м под названием «Унжа». С помощью «Унжи» удалось прижать к земле диаграмму направленности антенны и тем самым увеличить дальность обнаружения самолётов, летевших на средних высотах, до 200—250 км, а на малых высотах — до 60—70 км. Всего за период с 1951 по 1955 год было изготовлено в различных вариантах более 1840 локаторов. В 1952 году за разработку РЛС П-8 ряд сотрудников завода, в т.ч. и Е.В. Бухвалов, были удостоены Государственных премий.

В 1954 году на вооружение была принята очередная «Волга», РЛС П-10. Эта станция обладала рядом новых ТТХ: дальность обнаруживаемых целей увеличена до 180—200 км, высота — до 16 км; повышенная помехозащищённость от активных помех достигалась перестройкой несущей частоты, а мобильность станции улучшена за счёт расположения антенны на одном шасси с аппаратной кабиной. За период с 1954 по 1960 год заводом было выпущено 1715 РЛС⁵.

От «Волги» Е.В. Бухвалов дошёл до «Енисея», создав подвижную РЛС обнаружения П-12 «Енисей», а затем и П-12М, которая в 1956 году была принята на вооружение. До 1978 года было выпущено 6395 изделий различных модификаций⁶.

Двухкоординатная РЛС дежурного режима кругового обзора метрового диапазона волн

П-18 «Терек», разработанная на Горьковском телевизионном заводе имени В.И. Ленина под руководством главного конструктора Н.П. Антоновой, принята на вооружение в 1971 году. РЛС П-18 заменила РЛС П-12. В 1979 году в состав РЛС П-18 был введён новый радиолокационный запросчик 1Л22, размещённый на отдельном автомобиле. Для определения высоты целей РЛС сопрягается с ПРВ-16А. П-18 является самой массовой РЛС в мире. С 1971 по 1991 год выпущено более 3995 РЛС, в т.ч. 1218 — на экспорт. Для продления срока службы РЛС П-18 и улучшения ряда тактико-технических характеристик в 1999—2003 гг. АО «ФНПЦ «ННИИРТ»», входящее в состав АО «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей»», осуществило модернизацию станции П-18 на основе монтажного комплекта при сохранении облика базового изделия. В результате модернизации была создана РЛС П-18М на самой современной элементной базе с твёрдотельным передающим устройством и компьютерными технологиями. Необходимо отметить, что существуют не менее восьми проектов модернизации РЛС П-18, выполненных компаниями «Эрикссон» (Швеция), «Арсенал» (Венгрия), «Зеленка» (Польша), «Альфа» (Болгария), «Агат» (Белоруссия), «Аэротехника», «Укрспецтехника» (Украина), «ННИИРТ», «НИТЕЛ», «ЛЭМЗ» (Россия).

Двухкоординатная РЛС кругового обзора метрового диапазона волн 1Л13 «Небо-СВ» принята на вооружение в 1986 году. РЛС разработана Горьковским научно-исследовательским институтом радиотехники под руководством главного конструктора И.Г. Крылова для замены РЛС П-18. Серийное производство станции было организовано на

производственном объединении «Горьковский телевизионный завод». Для определения высоты цели РЛС может сопрягаться с подвижными радиовысотомерами типа ПРВ-13, ПРВ-16, ПРВ-17. В РЛС реализованы цифровая обработка сигналов, автоматический съём координат, автоматический контроль и диагностирование аппаратуры.

телем главного конструктора РЛС 1Л119 «Небо-СВУ»⁷.

Двухкоординатная РЛС кругового обзора метрового диапазона волн 1Л119 «Небо-СВУ» принята на вооружение в 2003 году. Разработчик и изготовитель — АО «ФНПЦ «ННИИРТ»». Главный конструктор — И.Г. Крылов, затем В.С. Гагауз. «Небо-СВУ» — первая в мире цифровая РЛС дежурно-

Существуют не менее восьми проектов модернизации РЛС П-18, выполненных компаниями «Эрикссон» (Швеция), «Арсенал» (Венгрия), «Зеленка» (Польша), «Альфа» (Болгария), «Агат» (Белоруссия), «Аэротехника», «Укрспецтехника» (Украина)

Современный этап развития и модернизации радиолокационного вооружения характеризуется широким применением активных фазированных антенных решёток (АФАР), твёрдотельных передатчиков и компьютерных технологий, которые позволили исключить из состава РЛС большой объём радиоэлектронной аппаратуры и заменить её программным продуктом с соответствующим повышением надёжности, снижением трудоёмкости изготовления и стоимости. Роль оператора РЛС сводится к наблюдению за работой аппаратуры и разрешению конфликтных ситуаций. Представителями РЛС последнего поколения являются цифровые РЛС 1Л119 «Небо-СВУ», 1Л125 «Ниобий-СВ». А.Д. Бомштейн является главным конструктором РЛС 1Л125 «Ниобий-СВ» и замести-

го режима для обнаружения и сопровождения не только аэродинамических, но и баллистических целей. Антенное устройство представляет собой АФАР с электронным сканированием лучом в вертикальной плоскости до 45° и по высоте до 150 км⁸. Твёрдотельные приёмо-передающие модули АФАР расположены в 14 столбцах и шести строках. Активные фазированные антенные решётки позволяют увеличить энергию зондирующего сигнала за счёт пространственного сложения энергий отдельных маломощных передатчиков, входящих в состав антенных приёмно-передающих модулей.

Весь объём функциональных задач реализуется программным способом на базе компьютерных технологий: пространственно-временная и вторичная обработка, управление, отображение, контроль,

РЛС 1Л119 «Небо-СВУ»

РЛС 1Л125 «Ниобий-СВ»

РЛС П-18-2 «Прима»

сопряжение, тренаж и документирование.

По аналогии с РЛС 1Л119 АО «ФНПЦ «ННИИРТ»» в настоящее время разработаны модули метрового, дециметрового и сантиметрового диапазонов длин волн (РЛК «Небо-М»). Каждый модуль является многофункциональной РЛС с АФАР, двумерным электронным сканированием, круговым и секторным режимами обзора пространства. Радиолокационные модули работают в адаптивном взаимодействии. Большие дальности обнаружения достигаются тем, что дециметровый модуль работает по целеуказанию от метрового, а сантиметровый — по целеуказанию от дециметрового, производя поиск только в пределах луча сектора целеуказания. Создаются условия для длительного когерентного накопления в выделенном участке пространства. Начало разработке РЛК 55Ж6М положил А.А. Зачевицкий. С 2005 года работы по этому комплексу возглавил главный конструктор А.Д. Бомштейн⁹.

РЛС дежурного режима метрового диапазона 1Л125 «Ниобий-СВ» разработана АО «ФНПЦ «ННИИРТ»». РЛС «Ниобий-СВ» создана специально для ПВО Сухопутных войск и принята на вооружение в 2016 году. Основная задача — обнаружение, сопровождение и определение принадлежности воздушных объектов всех типов — самолётов, вертолётов, крылатых и баллистических ракет, а также беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Станция работает в метровом диапазоне и прекрасно видит американские «Стелсы». Мобильная РЛС «Ниобий-СВ» расположена на шасси КамАЗа и может долгое время работать в круглосуточном режиме. Она может сопровождать до 300 воздушных объектов: по даль-

ности — от 5 до 500 км; по высоте — до 65 км; по скорости — от 5 до 1500 м/с. Запас хода РЛС — 500 км. Время развёртывания (свёртывания) — не более 15(12) мин.

Нижегородский телевизионный завод имени В.И. Ленина (ПАО «НИТЕЛ») на Международном военно-техническом форуме «Армия-2018» в Кубинке представил натурный образец модернизированной подвижной двухкоординатной РЛС обнаружения П-18-2.

Радиолокационные станции П-18 на протяжении многих лет являются одними из самых востребованных РЛС средних и больших высот и самыми массовыми в этом классе, что обусловлено их высокой эффективностью, экономичностью и надёжностью. РЛС П-18-2 установлена на новое шасси повышенной проходимости с колёсной формулой 8 × 8.

Модернизированная подвижная двухкоординатная РЛС обнаружения П-18-2 предназначена для обнаружения, сопровождения, измерения координат (наклонная дальность, азимут) и определения государственной принадлежности воздушных объектов различных классов и типов в условиях воздействия активных и пассивных помех, пеленга постановщиков активных шумовых помех (АШП), выдачи радиолокационной информации (РЛИ) на комплексы средств автоматизации потребителей при работе в составе автоматизированных и неавтоматизированных систем управления, а также при автономной работе в подразделениях управления и радиолокационной разведки.

В заключение следует отметить, что РЛС метрового диапазона составляют основную часть РЛС дежурного режима.

Они имеют следующие достоинства: большие дальности обнаружения на средних и больших высотах; возможность обнаружения воздушных объектов, построенных по технологии «Стелс»; незначительное энергопотребление в сравнении с РЛС боевого режима; минимальное влияние излучения РЛС на здоровье человека; низкая стоимость эксплуатации; большое время наработки на отказ.

Существенными недостатками РЛС метрового диапазона длительное время оставались манёвренные возможности, большое время свёртывания и развёртывания, наличие нескольких транспортных единиц, большое количество обслуживающего персонала. Большая часть указанных недостатков была устранена созданием РЛС 1Л125 «Ниобий-СВ» и П-18-2 «Прима».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лобанов М.М. Развитие советской радиолокационной техники. М.: Воениздат, 1982. С. 61.

² Петухов С.И., Шестов И.В. История создания и развития вооружения и военной техники ПВО

Сухопутных войск России. Ч. 1. М.: Издательство ВПК, 1998. С. 50.

³ Там же. С. 52.

⁴ 60 лет в радиолокации. ФНПЦ ННИИРТ. Саранск: Красный Октябрь, 2007. С. 26.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ На страже мирного неба 70 лет. Нижний Новгород: Кварц, 2017. С. 238.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ Там же. С. 153.

V.A. Ilyichev, A.N. Zarutskiy

FROM REVEN TO PRIMA

From the history of development of radar stations

Information about authors. Valeriy Ilyichev — associate professor of the Department of Radar Weapons at the Military Academy of the Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel (res.), Cand. Sc. (Mil.), associate professor (city of Smolensk. E-mail: valerij.ilichev.1957@mail.ru);

Alexander Zarutskiy — lecturer of the Department of Radar Weapons at the Military Academy of the Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation, major (res.) (city of Smolensk. E-mail: taratorka1971@mail.ru).

Summary. The paper analyzes the development of radar detection stations in the meter wavelength range in the air defense system of the Armed Forces of the USSR and Russia. By the early 1930s, the development of aviation demanded that the opposing sides have better means of detecting aircraft. It was necessary to move from optical devices and sound detectors to the technical means on new physical principles: the phenomenon of reflection of radio waves by various objects on the way of propagation of electromagnetic energy. The paper describes the development, production, and adoption of the radar station Reven (RUS-1), then the radar station Redut (RUS-2) in 1940, the radar station Pegmatit (RUS-2s) in 1941, and the modernized station P-2M in 1942. The radar station Pechora (P-3A) was taken into service in 1947, the radar P-10 in 1954, Yenisei (P-12) in 1956, Terek (P-18) in 1971, Nebo-SV (1L13) in 1986, Nebo-SVU (1L119) in 2003, Niobium-SV (1L125) in 2016. The radar station Prima (P-18-2) was developed in 2014.

Keywords: USSR; Russia; air defense; radio detection and ranging; radio detector; radar station; radar information; pulse radiation; pulse radar; all-round view; detection range; mobile radio altimeter; wave range; P.K. Oshchepkov; A.D. Bomstein; B.K. Shembel; A.F. Ioffe; D.A. Rozhansky; A.B. Slepshkin.

«МУСКУЛ СВОЙ, ДЫХАНИЕ И ТЕЛО ТРЕНИРУЙ С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ ВОЕННОГО ДЕЛА»

Физкультура и спорт на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Власов Сергей Александрович — старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук (г. Владивосток. E-mail: vlasov54@bk.ru).

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассмотрены главные аспекты развития физкультуры и спорта на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны. Отмечено, что ещё до неё по всей стране, включая Дальний Восток, сложилась система физкультурно-спортивной работы, которая с началом войны не ослабла, а по отдельным направлениям (лыжная подготовка) даже усилилась; были также внесены изменения в комплекс ГТО (увеличилось количество военно-прикладных нормативов). Выявлены негативные тенденции в развитии физкультуры и спорта: приписки в численности физкультурников, административный нажим, побуждавший участвовать в соревнованиях, и т.п. В заключение сделан вывод, что развитие физкультуры и спорта носило сугубо прагматичный характер — Красная армия обеспечивалась боеспособным подготовленным пополнением.

Ключевые слова: физкультура и спорт; комплекс ГТО; военно-прикладные виды спорта; подготовка бойца-лыжника; сельский спорт; Великая Отечественная война; Дальний Восток.

Актуальность статьи обусловлена тем, что хорошая физическая подготовка призывавшихся в армию для защиты Родины всегда была необходимым атрибутом, который помогал бойцам успешно справляться с поставленными задачами. Опыт военных действий не раз подтверждал, что физически крепкие, спортивно подготовленные солдаты способны, следуя заповедям А.В. Суворова, побеждать не числом, а умением.

Ранее комплексное изучение всех аспектов физкультурно-спортивной работы

в годы Великой Отечественной войны на основе материалов архивов Дальнего Востока не проводилось, что даёт автору основание заявить о научной новизне представленной темы. Вместе с тем следует отметить, что имеются исследования, отражающие процесс развития физкультуры (ФК) и спорта в тот период в других регионах¹. В целом количество работ на дальневосточном материале незначительно, они по преимуществу носят научно-популярный характер (ссылки на эти работы представлены в тексте).

В 1930-е годы физкультура и спорт стали частью внутренней политики, были взяты под государственную опеку и контроль — для руководства и развития физкультурно-спортивного движения были созданы и работали все необходимые структуры: Всесоюзный и региональные комитеты по делам ФК и спорта, добровольные спортивные общества (ДСО); проводились различные соревнования, происходила сдача норм комплекса «Готов к труду и обороне СССР», велась агитационно-пропагандистская работа по привлечению советских

граждан, прежде всего молодёжи, к занятиям ФК и спортом.

С началом Великой Отечественной войны обострились вопросы финансового, организационного, бытового характера, однако работа по развитию физкультуры и спорта не только не ослабла, но ещё более усилилась. Несмотря на нехватку свободного времени для занятий, отсутствие инвентаря и спортивного питания, низкоккалорийное питание, не позволявшее восполнять потраченные энергозатраты, и ряд других проблем, руководители в центре и на местах требовали проводить

различные спортивные мероприятия, готовить значкистов ГТО и т.д. Установки не снижать темпов физкультурной работы, а по отдельным направлениям поднимать её на новый уровень были вполне понятны — армии, фронту требовались хорошо обученные, подготовленные в физическом и военном отношении бойцы.

В начале зимы 1941 года ключевым, приоритетным направлением физкультурной работы стала военно-лыжная подготовка. Для каждого региона, в т.ч. и для Дальнего Востока, предусматривалось плановое задание по обучению

бойцов-лыжников по 20–30-часовой программе, формированию лыжных батальонов, проведению многокилометровых переходов и пробегов.

12 декабря 1941 года газета «Тихоокеанская звезда» опубликовала обращение к комсомольцам и молодёжи Хабаровского края: «Молодёжь, на лыжи!» Данный лозунг активно поддерживал командующий Дальневосточным фронтом И.Р. Апанасенко, утверждавший, что организатором этого дела должен быть именно комсомол. «Помните: стране, фронту нужен такой лыжник, который хорошо натренирован, умеет ходить на лыжах по самой трудной местности, преодолевать любые препятствия»². И работа в этом направлении ежегодно усиливалась. Если за зиму 1941/42 года был подготовлен 49 081 боец-лыжник, то в последующем их численность неуклонно возрастала: в 1942–1943 гг. — 66 533 человека, 1943–1944 гг. — 94 308 человек, 1944–1945 гг. — 188 207 человек. Всего в Хабаровском крае за годы войны были подготовлены 398 129 бойцов-лыжников³. Во многом этого удалось добиться благодаря энергичности председателя Хабаровского краевого комитета по физкультуре и спорту Прокудова и секретаря крайкома ВЛКСМ П.А. Бубнова.

Работа по обучению бойцов-лыжников велась и в Приморском крае. Так, в ноябре 1942 года Приморский крайисполком принял постановление «О военно-лыжной подготовке населения Приморского края», в котором обязывал краевой комитет по делам физкультуры и спорта за зиму обучить военно-лыжному делу 15 тыс. человек⁴. Помимо этого на данное направление в физкультурно-спортивной работе обращал внимание приморский комсомол. Каждую осень накануне зимнего спортивного сезона бюро Приморского крайкома ВЛКСМ принимало постановление «Об обязательной военно-лыжной подготовке комсомольцев и молодёжи в зимний период», где ставилась задача проводить занятия по лыжной подготовке не реже двух раз в неделю общим объёмом не менее

20 часов. По их окончании проводились зачётные испытания, которые принимала специальная комиссия из представителей военкоматов и комитетов по делам ФК и спорта⁵.

Помимо целенаправленной работы по обучению бойцов-лыжников проводились физкультурно-спортивные мероприятия, главными задачами которых были популяризация лыжного спорта, развитие его массовости. Отметим, что в силу географических особенностей — продолжительной зимы и обилия снега — лыжному спорту на Дальнем Востоке, как и в других регионах страны с таким же климатом, в частности в Сибири⁶, уделялось большое внимание. Ежегодно в феврале проводились лыжные кроссы в честь очередной годовщины Красной армии, а также военизированные многодневные лыжные переходы. Так, в феврале 1942 года состоялись переходы по маршрутам: г. Свободный — г. Благовещенск, и бухта Находка — г. Хабаровск. В Хабаровском крае в 1942 году в лыжном кроссе приняли участие 115 тыс. человек, в 1943 году — 163 тыс. человек⁷. В Приморском крае в традиционных лыжных кроссах, проводившихся в феврале, приняли участие: в 1942 году — 61 тыс. человек, в 1943 году — 106 тыс. человек⁸.

Здесь необходимо отметить, что высокие цифровые показатели не должны вводить в заблуждение в отношении массового приобщения молодёжи к занятиям спортом. Комсомольские и спортивные руководители, отчитываясь перед Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта о физкультурно-спортивной работе статистическими данными, в своём кругу (на заседаниях бюро, конференциях) вынуждены были самокритично признавать, что «комсомольцы и молодёжь после участия в лыжных кроссах прекращают тренировки»⁹, «на соревнованиях выставляют не подготовленных, случайно попавшихся людей»¹⁰. Таким образом, вскрывались факты, когда в отчётах фигурировали цифры, не соответствовавшие реальности. Анализ архивных документов

даёт основания утверждать, что «массовость» подчас достигалась административными методами, когда людей принуждали участвовать в соревнованиях, а потом отчитывались перед вышестоящими инстанциями высокими показателями в физкультурно-спортивной работе. Иначе говоря, некоторые спортивные функционеры занимались приписками, очковтирательством.

В Хабаровске на заводе имени В.М. Молотова, чтобы обеспечить участие в кроссе, у рабочих забирали заводские пропуска и возвращали их только после соревнований¹¹. Оправдываясь, чиновники были вынуждены констатировать, что молодёжь с трудом приобщается к физкультуре и спорту. Как правило, в спортивных мероприятиях без административного нажима добровольно принимали участие лишь отдельные любители спорта¹².

В годы войны произошли изменения в комплексе ГТО. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта (ВКФКС) в 1942 году внёс в него коррективы с целью соответствия требованиям военного времени и с задачей развития у населения военно-прикладных навыков. Было сокращено общее количество нормативов, но в то же время включены военизированные тестовые испытания, такие как топографические знания, скоростной пеший поход, преодоление водных преград, переползание попластунами, умение метать гранату из разных положений, в т.ч. связки гранат. Данные виды испытаний были утверждены как основные и обязательные.

Государственные задания по подготовке значкистов ГТО и БГТО («Будь готов к труду и обороне СССР») увеличились. Их получал каждый регион, причём плановые показатели из года в год возрастали. Местные комитеты по делам физкультуры и спорта ежегодно отчитывались о выполнении заданий. Согласно отчёту председателя Приморского краевого комитета Грачёва за 1941 год в крае государственное задание по подготовке значкистов ГТО 1-й ступени было выполнено на 68 проц., а 2-й ступени — лишь на 17,2 проц.¹³ По итогам 1942 года

данные следующие: план по сдаче норм ГТО 1-й ступени составил 5300 человек, выполнение — 5634 человека (106 проц.), по ГТО и 2-й ступени план — 85 человек, выполнение — 95 человек (112 проц.)¹⁴. Не было выполнено задание по сдаче норм БГТО — вместо 2500 человек получилось 1957 человек (78 проц.)¹⁵. Всего за 1941—1944 гг. в Приморском крае сдали нормы ГТО 1-й ступени 19 тыс., а БГТО — 8000 человек¹⁶.

По Хабаровскому краю мы не располагаем данными за все военные годы. Нам удалось выявить только сведения за 1944 год, когда требовалось подготовить 8000 человек значкистов ГТО 1-й ступени, выполнение составило 8500 человек (106 проц.), по ГТО 2-й ступени планировалось 350 человек, подготовлено 394 человека (118 проц.), по БГТО план — 7000 человек, выполнение — 7373 человека (105 проц.)¹⁷.

Стремясь привлечь к занятиям физкультурой и спортом как можно больше молодёжи, придать этому движению массовый характер, дальневосточные руководители ВЛКСМ ставили задачу секретарям первичных комсомольских организаций служить примером для рядовых комсомольцев. Так, Приморский крайком ВЛКСМ в январе 1943 года принял постановление, в котором обязал комсомольский актив показывать личный пример в военно-физкультурной подготовке и в течение 1943 года сдать нормы по комплексу ГТО 1-й ступени¹⁸.

В военное время на Дальнем Востоке проводились спортивные соревнования по игровым видам (баскетбол, волейбол, футбол), лёгкой атлетике, городкам, стрельбе, парусно-гребным видам, что способствовало популяризации физкультуры и спорта, помогало людям на некоторое время забыть о тяготах войны.

Самым популярным видом спорта по-прежнему, как и в довоенные годы, оставался футбол. На некоторых предприятиях, в воинских частях создавались футбольные команды, которые, несмотря на военное время, регулярно тренировались, проводили товарищеские встречи и игры в розыгрышах кубков и других призов¹⁹.

Однако для комсомольских и спортивных руководителей главным являлась военно-спортивная подготовка. Спорт в первую очередь должен был готовить бойцов для Красной армии, поэтому они побуждали молодёжь к занятиям прежде всего по военно-прикладным видам — бегу по пересечённой местности, преодолению препятствий, штыковому бою, гранатометанию, гребле. Бюро Приморского крайкома ВЛКСМ ежегодно принимало постановления и решения, согласно которым необходимо было организовать массовую подготовку комсомольцев и молодёжи по комплексу военно-прикладных видов физических упражнений²⁰. При этом ставилась задача для развёртывания военно-физкультурной работы силами самих комсомольцев и молодёжи строить спортивные площадки, оборудовать их необходимым инвентарём²¹.

Перелом в ходе Великой Отечественной войны в 1943 году, успешное наступление советских войск и приближение конца войны внесли коррективы в физкультурную и спортивную работу. С осени 1943 года увеличилось количество соревнований различного формата — от массовых до специальных; среди сельской молодёжи началось восстановление физкультурно-спортивной деятельности, которая была прервана в первые военные годы. ВКФКС рекомендовал местным комитетам обеспечить массовое участие колхозной молодёжи в занятиях физкультурой и спортом, для чего требовалось организовать коллективы физкультуры в крупнейших колхозах. К этой работе предлагалось привлечь учителей и военруков сельских школ, избачей, специалистов земледелия и здравоохранения, работавших на селе, а также командиров военно-учебных пунктов и отделов Всеобуча военкоматов²².

Как и в городе, в деревне в физкультурно-спортивной работе главное внимание уделялось военно-прикладным видам спорта, в частности лыжной подготовке. Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта и ЦК ВЛКСМ обязали зимой 1943/44 года по-

всеместно провести массовые соревнования по лыжам для сельской молодёжи. В их программу включались военизированный бег на 5 км для мужчин и 3 км для женщин, метание гранат и переползание по-пластунски. Соревнования проводились сначала в колхозах и районах, затем лучшие лыжники участвовали в первенстве краёв и областей.

Однако изменить неблагоприятную ситуацию с вовлечением сельской молодёжи в систематические и регулярные занятия лыжным спортом, которые были в довоенное время, так и не удалось. Вся спортивная работа свелась к проведению соревнований и обязательных лыжных кроссов, где выступали наспех сформированные, без должной подготовки и тренировок команды. Так, в Хабаровском крае из 18 районов в лыжных краевых соревнованиях колхозников приняли участие только 5 районов. Причём некоторые лыжники оказались так плохо подготовлены, что не смогли пройти всю дистанцию²³. Известны были случаи подлога, когда под видом колхозников в соревнованиях выступали горожане²⁴. Подобные негативные факты имели место и в Приморском крае, когда в лыжных соревнованиях от колхозов принимали участие школьники²⁵.

На завершающем этапе войны больше внимания стали уделять физической подготовке учащихся школ и ремесленных училищ. Для них проводились массовые соревнования — спартакиады. Так, в 1944 году в Хабаровском крае прошла первая краевая детская спартакиада, в которой участвовали 300 юных спортсменов от школьных коллективов 9 городов. Краевой спартакиаде предшествовали спартакиады в городах и районах. Всего спортивными мероприятиями были охвачены 10 522 человека²⁶.

Школьные спартакиады проводились и в Приморском крае. Кроме того, здесь в 1944 году работали пять детских спортивных школ (две в Ворошилове (Уссурийске), по одной во Владивостоке, Артёме, Сучане). В них дети занимались на отделениях гимнастики, шты-

кового и рукопашного боя, бокса, борьбы, лыжного спорта²⁷.

Исследователи, изучавшие историю физкультурно-спортивного движения, отмечали, что физкультурники и спортсмены, прошедшие через систему соревнований, тренировок, сдачу норм ГТО, получили необходимую общефизическую и стрелковую подготовку, навыки плавания, метания гранаты, преодоления водных преград и т.д. — всего того, что пригодилось им в решении боевых задач в годы Великой Оте-

чественной войны²⁸. В их числе и призванные в армию физкультурники Дальнего Востока, которые проявили себя умелыми и бесстрашными воинами. Героями Советского Союза стали воспитанники спортивных обществ из Хабаровского края: Г.Н. Губкин, К.А. Коротков С.М. Кузнецов, Г.Е. Попов²⁹, из Приморского края: А.А. Баршт, П.И. Брынько, И.А. Каплунов, М.А. Паника, Н.К. Приходько. Многие приморские спортсмены были награждены орденами: Д.Н. Бондарен-

ко, Н.С. Диденко, Д.Ф. Косицын, Н.П. Кудряшов, В.Т. Проценко³⁰.

Таким образом, на примере Дальнего Востока можно убедиться, что в годы Великой Отечественной войны развитие физкультуры и спорта носило сугубо прагматичный характер, направленный на обеспечение Красной армии боеспособным подготовленным пополнением. Дальневосточные спортивные организации в целом справились с задачами, поставленными партией и правительством по развитию физической культуры и спорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузнецова Л.А. Роль учебных заведений, оборонных обществ и спортивных организаций в подготовке резервов для Вооружённых сил СССР в 1939—1945 гг.: на примере Башкирской АССР. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2008. 194 с.; Нурдыгин Е.А. Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области (1941—1953 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 22 с.; Стряпухина А.А. Политика Советского правительства в области физической культуры и спорта в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Красный спорт») // История и археология. 2015. № 3. С. 26—30; Федоров Д.С. Физическое воспитание и спорт в подготовке бойцов-якутян в годы Великой Отечественной в 1941—1945 гг. // Наука и образование. 2013. № 1. С. 114—119; Вычеров Д.А. Военное обучение школьников в конце 1930-х — 1945 гг. (на материалах города Тюмени) // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.

² Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 136. Л. 74.

³ Там же. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 229. Л. 38.

⁴ Государственный архив Приморского края (ГА ПК). Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2-и. Л. 32.

⁵ Там же. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 30. Л. 113; Д. 36. Л. 167; Д. 49. Л. 5.

⁶ Николаев Е.А., Суржко А.В. «За 100-процентный охват участием в кроссе...». Подготовка красноярских значкистов ГТО в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 4. С. 107.

⁷ Крюков И.В. Деятельность комсомольских организаций Дальнего Востока по подготовке боевых резервов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Т. III. Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, 2009. С. 138.

⁸ ГА ПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 29. Л. 35.

¹⁰ Там же. Д. 49. Л. 5.

¹¹ ГА ХК. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 184. Л. 24.

¹² Там же. Д. 123. Л. 186.

¹³ ГА ПК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2-и. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

¹⁶ Качёва Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941—1945 гг. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2005. С. 313.

¹⁷ ГА ХК. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 136. Л. 8.

¹⁸ ГА ПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

¹⁹ Там же. Д. 35. Л. 41; Д. 44. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 36. Л. 136.

²¹ Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2-з. Л. 1—3.

²² Там же. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 394. Л. 14.

²³ ГА ХК. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 184. Л. 24.

²⁴ Там же.

²⁵ ГА ПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

²⁶ ГА ХК. Ф. П-617. Оп. 1. Д. 229. Л. 45.

²⁷ ГА ПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 44. Л. 13.

²⁸ Печалова Л.В., Печалов А.К. Физическая подготовка молодёжи к защите Отечества. Кооперативные объединения Ставропольского края в развитии массовой физкультуры и спорта, реализации комплекса ГТО в 30—50-годы XX века // Военно-исторический журнал. 2022. № 5. С. 74.

²⁹ Лысунец В.А. Спортивное движение в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Экономика, политика, история. 2005. № 1. С. 29.

³⁰ Саланин И.В. Сегодня и вчера. Из истории Приморского спорта. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1974. С. 66, 67.

S.A. Vlasov

«ONE'S MUSCLE, BREATH AND BODYTRAIN FOR MILITARY BENEFIT»

Physical culture and sports in the Far East during the Great Patriotic War

Information about author. Sergey Vlasov — Senior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (city of Vladivostok. E-mail: vlasov54@bk.ru).

Summary. In the article, on the basis of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the main aspects of the development of physical culture and sports in the Far East during the Great Patriotic War are considered. It is noted that even before it, throughout the country, including the Far East, a system of physical culture and sports work had developed, which did not weaken with the start of the war, but in some areas (ski training) even intensified; changes were also made to the TRP complex (the number of military-applied standards increased). Negative trends in the development of physical culture and sports were revealed: registrations in the number of athletes, administrative pressure that encouraged them to participate in competitions, etc. In conclusion, it was concluded that the development of physical culture and sports was of a purely pragmatic nature — the Red Army was provided with combat-ready trained replacements.

Keywords: physical culture and sports; GTO complex (Get Fit for Work and Defence); military-applied sports; skier training; rural sports; The Great Patriotic War; Far East.

«НКВД СССР ТРЕБУЕТ ОТ ВАС РЕЗКОГО УЛУЧШЕНИЯ КОММУНАЛЬНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЯПОНЦЕВ»

Проблемы содержания японских военнопленных в Хабаровском крае
в 1945—1946 гг.

Сведения об авторе. Дорохов Вячеслав Жоржович — заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, полковник полиции, кандидат исторических наук, доцент (г. Хабаровск. E-mail: dorohova_elen@mail.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты анализа архивных и иных источников о создании лагерей японских военнопленных в Хабаровском крае и самом сложном, начальном этапе их содержания в 1945—1946 гг., укомплектовании лагерных администраций и развёртывании оперативной работы. Отражены влияние на решение этих задач послевоенных экономических условий, трудности адаптации японцев к режиму плена и непривычным для них климатическим условиям советского Дальнего Востока, работа оперативных сотрудников НКВД-МВД с японскими военнопленными, которую усложняли их значительные ментальные отличия от европейцев и языковой барьер при нехватке переводчиков. Автор пришёл к выводу: в сложнейших условиях структуры НКВД-МВД в Хабаровском крае решили проблемы наиболее сложного организационного этапа содержания японских военнопленных с соблюдением норм международного гуманитарного права, а также внесли вклад в выявление среди них военных преступников и сбор доказательств злодеяний японской военицины для правосудия.

Ключевые слова: СССР; Япония; Дальний Восток; НКВД-МВД; японские военнопленные; Хабаровск; Комсомольск-на-Амуре; Байкало-Амурская магистраль; лагеря военнопленных; бытовые условия; оперативная и агентурная работа; выявление военных преступников.

Капитуляция японской армии
Художник П.Ф. Судаков, 1948 г.

История пребывания в СССР японских военнопленных много лет привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Наибольших успехов в этой сфере добились наши учёные, получившие доступ к закрытым ранее архивным материалам. Одним из первых отечественных исследователей представил общественности результаты их изучения доктор юридических наук В.П. Галицкий¹. Он на научной основе обобщил статистические данные о пленных японцах, вывезенных в СССР и вернувшихся на родину, проанализировал показатели и причины их смертности в советских лагерях

и т.д. Открывшееся исследовательское поле привлекло немало учёных, взявшихся проработывать материалы центральных и региональных архивов². Основное внимание уделялось содержанию и трудоустройству³, организации идеологической работы, материальному⁴ и медицинскому обеспечению⁵ японских военнопленных в Красноярском и Алтайском краях, Читинской области⁶ и Бурят-Монгольской АССР. Решение тех же проблем в Хабаровском крае освещено меньше. Дополнить опубликованную ранее информацию призвана данная статья, подготовленная с использованием архивных и иных источников.

Выбор рамок темы связан с тем, что на Дальнем Востоке нашей страны к началу сентября 1946 года находились более половины (237 250 — 51,2 проц.) из 463 760 японских военнопленных, содержащихся в СССР. В том числе в Хабаровском крае 167 827 — 36,2 проц. их общего числа, более 70,7 проц. размещённых на советском Дальнем Востоке, в 1,2 раза больше, чем суммарно в Красноярском и Алтайском краях, Читинской, Иркутской областях и Бурят-Монгольской АССР (139 215 человек)⁷. Хабаровский край в то время занимал 95 проц. советских дальневосточных территорий (3,3 из 3,47 млн кв. км). В него входили 6 областей (Амурская, Камчатская, Сахалинская, Южно-Сахалинская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная), 2 национальных округа (Корякский и Чукотский), а также районы, непосредственно подчинённые Хабаровскому крайисполкому (ныне Магаданская обл.).

Изучение архивных документов Управления НКВД

(с марта 1946 г. МВД) по Хабаровскому краю и подчинённых ему структур позволило проанализировать и оценить их деятельность по организации лагерей, быта и оперативному обслуживанию японских военнопленных. Особый интерес вызывает начальный этап этой деятельности — укомплектования лагерных администраций, адаптации оперативного аппарата НКВД к работе с японцами, их привыкания к суровому дальневосточному климату, режиму плена, условиям жизни и труда.

23 августа 1945 года Государственный комитет обороны (ГКО) постановлением № 9898 «О приёме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии»⁸ предписал Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД перевезти их в различные регионы СССР, в т.ч. 150 тыс. на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. 30 августа ГКО постановлением № 9936

«О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» поставил НКВД задачу с 1946 года приступить к нему от станции Тайшет до станции Советская Гавань, направив в район строительства 200 тыс. японских военнопленных⁹. Тыл Красной армии 5 сентября утвердил план перевозок военнопленных из Маньчжурии в СССР и 29 сентября приступил к его выполнению¹⁰.

8 сентября 1945 года нарком внутренних дел Л.П. Берия приказом № 001026 поставил задачу начальникам Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР и соответствующих региональных управлений НКВД организовать вдоль будущей трассы БАМа 8 лагерей (№ 1—8) на 200 тыс. военнопленных японцев: 4 в Хабаровском крае, 2 в Иркутской области, по одному в Приморском крае и Читинской области. Начальниками лагерей были назначены по совместительству начальники строительства отдельных

Японские военнопленные
1945 г.

Заседание Международного военного трибунала
для Дальнего Востока

Подсудимые на Хабаровском процессе

линий БАМа и угольных разрезов ГУЛЖДС¹¹.

Размещать военнопленных японцев пришлось в сложных экономических условиях, вызванных огромными потерями нашей страны в Великой Отечественной войне, когда множество советских людей жили впроголодь, на территориях, пострадавших от фашистского нашествия, ютились в землянках, времянках, бараках, население Дальневосточного региона испытывало дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости, не хватало техники, горючего, рабочих рук и много другого¹². Экономическая база региона была слаба. Управление НКВД по Хабаровскому краю (УНКВД по ХК) не располагало необходимыми материальными, финансовыми средствами и кадрами, так как в годы войны отправляло всё, что могло, на нужды фронта и обеспечивавших его отраслей. Поэтому не было ни возможности быстро выделить ресурсы для строительства мест размещения сотен тысяч пленных, ни времени. Формированием лагерей занялись за несколько недель до прибытия первых эшелонов с японскими военнопленными на пустых местах и там, где ранее были подобные учреждения, но от них почти ничего не сохранилось.

С первых дней оперативные органы НКВД участвовали в выполнении задачи мирового политического, юридического и гуманитарного значения — «указания Советского правительства о том, чтобы после войны установить такой мир в Европе и мире, который полностью исключил бы возможность развязывания новой агрес-

сии со стороны Германии и Японии»¹³. Необходимой частью выполнения этой задачи были оценка правосудием злодеяний агрессоров и возмездие военным преступникам, для чего требовалось выявить их и собрать доказательства. В этой работе участвовали отделение по особо важным делам 1-го отдела Оперативного управления ГУПВИ НКВД-МВД СССР, сотрудники Управления НКВД-МВД по Хабаровскому краю, оперативных (оперативно-чекистских) отделов, отделений и оперчек-групп. Они собирали доказательства и выявляли среди военнопленных участников и свидетелей планирования и ведения агрессивной войны; преступлений против мира, обычаев войны и человечности, советских и китайских граждан; массовых убийств; нарушений международного законодательства; разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны, в т.ч. сотрудников и агентуру спецслужб Японии¹⁴.

Оперативной работой в лагерях НКВД на территории Хабаровского края охватили 2849 пленных генералов и офицеров, 12 117 унтер-офицеров управленческих звеньев японских войск¹⁵. В Хабаровске на спецобъекте № 45, где по указанию наркома внутренних дел СССР разместили высокопоставленных военнопленных¹⁶, в агентурной разработке следственной группы НКВД, присланной из Москвы, по данным УМВД по ХК на 25 декабря 1946 года, находились 234 пленных. В том числе 135 японских, 24 китайских (Маньчжоу-го) генерала и 24 представителя верхушки прекратившего существование марионеточ-

ного государства Маньчжоу-го с его экс-императором Пу И, отрѣкшимся от престола¹⁷. Уже в первый год оперативники УНКВД по ХК и подчинѣнных структур собрали значительный массив доказательств, выявили и вели агентурную разработку 701 пленного¹⁸, которые ранее служили в японских военной миссии, жандармерии, полиции и т.д. и могли быть участниками, свидетелями злодеяний японской военщины и располагать информацией о них. Например, были выявлены и привлечены к уголовной ответственности за зверства над советскими воинами и мирным населением в августе 1945 года в тылу советских войск в составе отряда № 25253 майор японской армии Кондо, поручик Сугиура и еф-

га на Хабаровском процессе 1949 года — 12 участников подготовки бактериологической войны, разработки в японских отрядах 731, 100 и применения бактериологического оружия, проведения чудовищных опытов над людьми с тысячами умерщвлѣнных; военным трибуналом войск МВД Дальнего Востока — 194 японских военнопленных, причастных к отряду 731²¹. Были осуждены и другие военные преступники.

На протяжении всей послевоенной истории и в наши дни результаты разоблачения преступлений японской военщины, отражѣнные в решениях органов правосудия, служат сохранению и отстаиванию исторической правды об участии Японии — союзницы гитлеровской

«После войны установить такой мир в Европе и мире, который полностью исключил бы возможность развязывания новой агрессии со стороны Германии и Японии»

рейтор Кимура¹⁹ (в архивных документах не указаны инициалы этих и некоторых других упомянутых лиц).

Собранные специалистами НКВД-МВД доказательства способствовали разоблачению главных военных преступников, представших перед Международным военным трибуналом для Дальнего Востока 1946—1948 гг. в Токио²⁰, а также участников преступлений японской военщины, осуждѣнных в нашей и других странах. В том числе военным трибуналом Приморского военного окру-

Германии — во Второй мировой войне в составе фашистского блока (стран «оси»). По оценке Генерального прокурора РФ И.В. Краснова, «хотя Хабаровский процесс не носил международного статуса, общемировое гуманитарное значение его итогов трудно переоценить. Наряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами он лёг в основу базовых документов ООН. Несомненно, оказал воздействие на последующие запрет и ликвидацию бактериологического оружия»²². Говоря об этом, И.В. Краснов

отметил немалую роль правоохранительных органов в кропотливой работе по сбору доказательств вины японских военнослужащих.

Органы НКВД развернули её в сложнейший, начальный период размещения японских военнопленных. Для них в Хабаровском крае, выделив 3620 сотрудников, организовали 12 лагерей НКВД²³. Там в декабре 1945 года содержались: в лагерях № 1, 5, 18 (в Комсомольске-на-Амуре) — 59 360 японских военнопленных, ещё в трёх в Амурской области (№ 3, № 19 в г. Райчихинске и № 20 в г. Благовещенске) — 27 439, в лагере № 4 (пос. Известковый в Еврейской АО) — 24 138, № 16 (г. Хабаровск) — 9981, № 17 (пос. Хор в 66 км от Ха-

баровска) — 6374, № 21 (г. Николаевск-на-Амуре) — 5500, № 22 (г. Оха, о. Сахалин) — 1986, № 46 (г. Биробиджан) — 6381²⁴.

Эшелоны с военнопленными японцами в летнем обмундировании начали прибывать к местам железнодорожного строительства с конца октября 1945 года при среднемесячной температуре, например, в Комсомольске-на-Амуре — плюс 2,8°C, в ноябре — минус 8,1°C, в декабре — минус 24,2°C²⁵. Военнопленных старались размещать, как писали в отчётах, во всех «мало-мальски пригодных для жилья помещениях независимо от кубатуры»²⁶. Но их было мало. Те же тяготы переносили администрации лагерей, конвойные подраз-

деления и оперативный состав. Большинство людей располагались в палатках. Немногим лучше было тем, кому достались ветхие строения без дверей, окон и полов²⁷. Типичный пример — лагерь № 5, оборудовавший 23 лагерных пункта, сосредоточенных на 183 км. В них разместили 20 413 японских военнопленных, 3106 советских заключённых и 5378 репатриантов из Германии, приписанных к лагерю для железнодорожного строительства. С учётом администрации, охраны, оперативного состава НКВД и вольнонаёмных с нуля обустроивали жизнь 32 621 человек²⁸. Электроснабжения не было. Использовали лучины, свечи, самодельные лампы из консервных банок

Рисунок японского военнопленного «Строительство казармы»

с бензином за неимением керосина. До мая 1946 года к железнодорожному строительству не приступали. Все силы уходили на обустройство. В бытовых условиях пленных и охраны было мало отличий.

Для японцев непривычные климатические, бытовые и психологические условия плена стали нелёгким испытанием. Подавляющее большинство его выдержало. Но были и отчаявшиеся, которые теряли чувство самосохранения, нарушали запреты, искали выход в самоубийстве либо самоубийственном побеге через бескрайнюю заснеженную тайгу. Так, в декабре 1945 и январе 1946 года в том же лагере повесились 2 японца. С ноября 1945 по январь 1946 года произошли 17 групповых побегов. Всех беглецов задержали. Трое при задержании погибли. Остальные были осуждены. Получили по 8 лет заключения²⁹.

Были и несчастные случаи. Из четырёх в декабре 1945 года в лагере № 5 на лесозаготовках три со смертельными исходами, не исключено — убийствами одними пленными других из-за конфликтов между ними, но доказать это не удалось. В январе 1946 года военнослужащие конвойного полка, как отмечалось в документах расследований, «в результате незаконного применения оружия» убили трёх пленных. Одного — за выход к запретной полосе, двух других — за невыполнение команд конвоира во время работ за пределами лагеря (материалы предварительных расследований были переданы в контрразведку «Смерш»). В том же лагере ещё одного расстреляли по

распоряжению начальника лагпункта № 205, а начальник лагпункта № 305 в декабре 1945 года в 38-градусный мороз вывел на работы 300 японцев — 62 обморозились. Двое умерли от переохлаждения³⁰.

Каждый такой и другие случаи нарушения законности в отношении японских военнопленных тщательно расследовало краевое УНКВД-УМВД и принимало

рей составляли сотрудники санитарных отделов (врачи, фармацевты, медсёстры, лаборанты, санитары, дезинфекторы, обслуживающий персонал). В лагерях оборудовали лазареты. К примеру, в лагере № 1, рассчитанном на 30 тыс. человек, — на 600 коек, по штату из 181 сотрудника 52 входили в санитарный отдел. В лагере № 3 на 10 тыс. человек — на 400 коек, в управление входили

В ноябре 1945 года для военнопленных с ослабленным здоровьем сформировали оздоровительное лагерное отделение НКВД № 14 на станции Бирокан с лимитом в 1000 коек

строгие меры³¹. Так, в декабре 1945 года за дискредитацию офицерского звания, пьянство и незаконное изъятие у пленных ценных вещей были уволены из органов НКВД и преданы суду военного трибунала 3 сотрудника лагеря № 17, включая начальника отдела охраны и режима³². Кроме того, подвергали взысканиям и снимали с должностей начальников лагерей, допуская рост заболеваемости и смертности военнопленных³³.

С началом размещения японских военнопленных большое внимание уделяли сохранению их здоровья и медицинскому обеспечению. Наркомы внутренних дел СССР и здравоохранения РСФСР поставили задачу к 15 октября 1945 года срочно подготовить спецгоспиталя для военнопленных³⁴. В среднем около 25 проц. персонала управлений лаге-

33 медработника. В лагерях № 4 и 5, каждый примерно на 35 тыс., — по 600 коек, из 187 сотрудников по штату 52 составляли санитарный отдел. В ноябре 1945 года для военнопленных с ослабленным здоровьем сформировали оздоровительное лагерное отделение НКВД № 14 на станции Бирокан с лимитом в 1000 коек. Отсутствие в нём планово-производственного отдела свидетельствует: органы НКВД не предполагали привлечения пленных с ослабленным здоровьем к активной хозяйственной деятельности. Другие оздоровительные отделения, как правило, закрепляли за совхозами УНКВД с более лёгкими условиями труда и лучшим продовольственным обеспечением пленных³⁵.

Управление НКВД по Хабаровскому краю постоянно контролировало размещение и обеспечение плен-

ных японцев, предъявляя требования об этом приказами. Первый — № 0114 от 17 сентября 1945 года. В приказе № 0153 от 28 ноября 1945 года начальник краевого УНКВД требовал обеспечения в жилых помещениях для пленных «уют, тепла и порядка»³⁶.

Улучшения бытовых условий и снижения смертности в лагерях японских военнопленных требовал НКВД СССР. Заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов 24 ноября 1945 года директивой № 221 указал: «НКВД СССР требует от Вас резкого улучшения коммунально-бытовых условий

для военнопленных японцев». Учитывая «неприспособленность военнопленных японцев к суровому климату Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии и в целях сохранения военнопленных», он поставил задачи: «Всё Ваше внимание, аппарат НКВД-УНКВД и лагерей и имеющиеся ресурсы лагерей обратить на обеспечение нормального размещения и содержания военнопленных в условиях зимы. Считать эту работу на зимний период 1945—1946 гг. — основной... Через республиканские (краевые, областные) партийные и советские органы обязать всех директоров предприятий и началь-

ников строек немедленно обеспечить лагеря стройматериалами и инструментом, необходимыми для окончания всех работ по приспособлению и ремонту лагерных помещений». Предупредить, «что все лагеря и лагерные отделения, не подготовленные к нормальному содержанию военнопленных в зимних условиях, будут закрыты», военнопленные «переведены в пункты, где имеются условия, необходимые для их размещения», и «немедленно принимать решения о переводе» пленных «в более благоустроенные помещения»³⁷. В директиве указаны и другие меры, включая контроль.

Рисунок «Японские военнопленные у доски производственных показателей. Хабаровский край»

Но всё же основное число смертей пришлось на первые полгода адаптации японских военнопленных к непривычным для них суровому климату и условиям плена. В справке о заболеваемости и смертности среди них за первую декаду февраля 1946 года замначальника 1-го управления ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант медслужбы М.Я. Зетилов констатировал: за эти 10 дней «процент смертности в лагерях для военнопленных японцев больше чем вдвое превышает процент смертности в лагерях для военнопленных немцев». Отметив работу комиссий «ГУПВИ, по материалам которых принимаются меры по улучшению жилищно-бытовых условий содержания военнопленных, питания и медико-санитарного обслуживания», он перечислил меры, намеченные в правительстве: в Совнаркоме СССР подготовили докладную записку об улучшении продснабжения военнопленных; увеличении норм питания для ослабленных; введении для больных дистрофией в лазаретах лагерей и спецгоспиталях норм питания с учётом национальных особенностей; переводе военнопленных из лагерей Восточной и Западной Сибири и Хабаровского края в Среднюю Азию и Закавказье; освобождении ослабленных и нетрудоспособных военнопленных для вывоза на родину³⁸. К слову, эту спасительную меру — массовую репатриацию — начали применять раньше, в завершающий период Маньчжурской стратегической наступательной операции. На фронтах освободили всех раненых и больных военнопленных японской армии (64 888 человек). В 1945 году

репатриировали 233 тыс. инвалидов и больных пленных разных национальностей. В 1946-м — 34 300 японских военнопленных. Репатриация многим сохранила жизни³⁹.

Лагеря НКВД в первый год содержания пленных японцев испытывали значительные трудности в обеспечении продовольствием, вызванные скудостью его ресурсов в стране. Нормы продовольственного снабжения военнопленных японской армии были объявлены 28 сентября 1945 года приказом НКВД СССР и начальника Тыла Красной армии № 001117/0013, начальнику Главного управления военного снабжения НКВД поставлена задача «обеспечить бесперебойное снабжение лагерей НКВД для военнопленных продовольствием в соответствии объявляемыми нормами»⁴⁰. Они были разными для рядовых и унтер-офицеров, офицеров, генералов, общегоспитальных больных и страдавших дистрофией. Наряду с другими продуктами в рацион японцев входили рис и мисо (продукт японской кухни — брожения соевых бобов, злаков или их смеси с помощью специального вида плесневых грибов). Опубликованный в «Военно-историческом журнале» сравнительный анализ показал: не было никаких существенных различий норм обеспечения продовольствием советских граждан, японских и других военнопленных. Они получали равноценное питание и переживали такие же трудности в обеспечении продовольствием. Японские военнопленные питались не хуже, а порой даже лучше наших соотечественников⁴¹.

Краевому УНКВД пришлось также решать острую кадровую проблему. При хроническом некомплекте кадров заполнить штаты лагерей для японских военнопленных было нечем. Удалось это лишь благодаря содействию Красной армии, направившей часть своих военнослужащих на эту специфичную службу. 1258 таких офицеров-фронтовиков были назначены на административные должности в лагере № 5 — начальниками лагерных пунктов, дежурными офицерами в штабах и т.д.⁴² Но пополнение из армии не обладало ни оперативно-разыскным опытом, ни знанием японского языка, поэтому не могло качественно возместить нехватку оперов и переводчиков.

При создании отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) при УНКВД по ХК на основании приказа НКВД СССР № 00991 от 27 августа 1945 года были вакантны 29 из 44 штатных должностей ОПВИ. Лишь к началу декабря его удалось укомплектовать на 79,5 проц. (не хватало ещё 9 сотрудников)⁴³. Не хватало оперов и на местах. Так, штат оперативно-чекистской группы лагеря № 5 удалось заполнить только к декабрю 1945 года, оголив другие участки работы.

Были введены дополнительные должности переводчиков и созданы спецподразделения — оперативно-чекистские отделы: ОЧО Амурского ГУЛЖДС НКВД, а также подчинённые ему ОЧО Строительства № 500 НКВД и ОЧО Ургальского строительства Амурского ГУЛЖДС НКВД с периферийными оперативно-чекистскими группами в лагерях военнопленных⁴⁴.

Их формирование затрудняла нехватка кадров. Не было ни одного переводчика в ОЧО Амурского управления ГУЛЖДС НКВД из четырёх по штату (на 3 ноября 1945 г.); в ОЧО Строительства № 500 и оперчек-группах лагерей № 1, 3 из семи штатных (на 3 декабря 1945 г.)⁴⁵. А в лагере № 5 из четырёх по штату был лишь один переводчик на 20 тыс. военнопленных. И всё же в этом лагере оперативники только за январь 1946 года смогли сформировать первые элементы агентурной сети. Привлекли в качестве

резидентов 14 офицеров администрации, которым служебные обязанности позволяли быть связующими звеньями между завербованными агентами и оперативниками, 9 осведомителей из начальников и дежурных офицеров штабов лагерных пунктов, командиров, бойцов охраны, вольнонаёмных и завербовали 13 агентов из военнопленных⁴⁶.

Налаживать агентурную работу среди японцев было трудно из-за нехватки пригодных для неё помещенных (многие опера жили и работали в палатках) и

нормативных документов. Инструкции для оперативников НКВД по вербовке военнопленных европейцев не учитывали особенности японцев и структуру их армии. Как признал в отчёте за февраль 1946 года начальник ОЧО Амурского управления ГУЛЖДС НКВД подполковник Марин, «работа среди военнопленных японцев продолжала оставаться для нас совершенно неисследованной»⁴⁷.

С первых дней оперативники столкнулись с необходимостью специфичных подходов к работе с японскими военнопленными и за короткое время сделали первые обобщения: японцы более фанатичны, чем военнопленные других национальностей; для вербовок заслуживают внимания японцы, призванные в армию в военное время, а также представители привилегированных

«Работа среди военнопленных японцев продолжала оставаться для нас совершенно неисследованной»

Рисунок японского военнопленного «В столовой»

классов; большинство японских офицеров настроены антисоветски, требуется их опосредованная разработка через близких к ним унтер-офицеров и других пленных⁴⁸. Сложность работы с японскими офицерами увеличили просчёты в распределении военнопленных по лагерным пунктам. В одном из них оказался практически весь бывший состав штаба 4-й армии, входившей до капитуляции в Квантунскую, что позволило им сохранить прежнюю субординацию и скрытно противодействовать влиянию лагерной администрации на пленных⁴⁹. Но вопреки трудностям в лагерях военнопленных на территории Хабаровского края целенаправленная оперативная работа охватывала весь комплекс её задач, включая агентурную разработку упомянутых ранее возможных участников и свидетелей военных преступлений, сбор информации о злодеяниях японской военщины для правосудия, профилактику и предотвращение нарушений режима плена, прав военнопленных, формирования в лагерях преступной среды и др. Так, в лагере № 4 обнаружили подпольную организацию из 23 человек, борющуюся против советского влияния на военнопленных японцев⁵⁰, и пресекли её деятельность.

К середине 1946 года условия быта, труда и материально-техническое обеспечение японских военнопленных существенно улучшились. Были разработаны и внедрены в практику инструкции по работе с ними. Оперативная и политическая работа с военнопленными японцами приобрела более системный, плановый характер. ГУПВИ уделяло большое внимание

организации культурного отдыха военнопленных. В лагерях оборудовали клубы, библиотеки, радиоузлы, антифашистские комнаты, развивали самодеятельность, организовывали драматические, хоровые кружки, поощряли творчество пленных — создание живописных, графических работ, пьес, стихов, повестей, романов, а также занятия физкультурой и спортом. Военнопленные создавали футбольные, волейбольные команды, с ними проводили турниры по шахматам и национальным видам игр⁵¹. Как справедливо отметил один из исследователей пребывания японских пленных в Хабаровском крае, «гуманное отношение к военнопленным в СССР являлось краеугольным камнем их политико-идеологического перевоспитания»⁵².

Изучение архивных документов и других источников привело к следующим выводам. Объективная оценка деятельности НКВД-МВД и его территориальных структур по размещению и содержанию японских военнопленных в 1945—1946 гг. возможна только сквозь призму условий того времени. Перечисленные проблемы были вызваны не отношением лагерных администраций к пленным японцам, а, во-первых, ограниченностью финансовых и материальных ресурсов нашей израненной страны, победившей фашизм и японский милитаризм ценой огромных потерь и лишений, отсутствием необходимых ресурсов у структур НКВД-МВД. Во-вторых, отсутствием времени на строительство лагерей и подготовку к приёму военнопленных, их доставкой в короткий срок многочисленными группа-

ми. В-третьих, дефицитом кадров. В-четвёртых, физиологическими, культурными и психологическими (ментальными) особенностями японцев, затруднявшими их адаптацию к непривычным климату, условиям плена, социально-культурной реальности. В-пятых, трудностями общения с военнопленными администраций лагерей и оперсостава из-за незнания особенностей японцев и языкового барьера при нехватке переводчиков.

Однако структуры НКВД в Хабаровском крае в сложнейших экономических и климатических условиях зимы 1945/46 года при нехватке ресурсов и кадров смогли чрезвычайными усилиями наладить обеспечение и сберечь подавляющее большинство японских военнопленных. Отношение к ним было гуманным, соответствовало нормам международного права.

Оперативные сотрудники Управления НКВД-МВД по ХК и лагерной сети внесли вклад в решение задачи большого политического, юридического и гуманитарного значения — выявление военных преступников и сбор доказательств для правосудия, возмездия участникам злодеяний японской военщины, которое стало предостережением потенциальным агрессорам и ныне служит сохранению и отстаиванию исторической правды об участии Японии во Второй мировой войне.

Иллюстрации из Российского государственного военного архива (Ф. 4п. Оп. 30. Д. 12. Л. 14, 16; Д. 13. Л. 7, 16, 20. Портал «Архивы России» (rusarchives.ru) и с сайтов: regnum.ru; smolbattle.ru; warspot.ru; zvezdaweekly.ru.

¹ Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115—123; *он же*. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1956 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39—46; *он же*. Обретут ли покой усопшие? // Новое время. 1990. № 41. 5 октября. С. 37—39; *он же*. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66—78; *он же*. Японские женщины в лагерях военнопленных // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции в 2 ч. Ч. 2. Вологда, 1997. С. 256—262; *он же*. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18—33; *он же*. Японские военнопленные: разменная карта японских антирусистов // Шестидесятилетие Победы над милитаристской Японией: сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 47—53; *он же*. Судьба японских военнопленных и интернированных в Советском Союзе: 1945—1956 гг. // Феномен военнопленных как фактор межгосударственных отношений: сборник материалов конференции, посвящённой судьбам японских военнопленных и интернированных в Советском Союзе, 1945—1956 гг. Красногорск: Рейтар, 2009. С. 15—39; *он же*. Японские военнослужащие в советском плену: военнопленные или интернированные? // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 329—343; *он же*. Японские военнослужащие в советском плену — заложники чужой воли // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. С. 102—114; *он же*. Разоблачение ответственными органами безопасности военных преступников среди военнопленных в лагерях НКВД-МВД СССР. 1941—1956 гг. // Тайная стража России: очерки истории отечественных органов государственной безопасности в 6 кн. Кн. 4. М.: Алгоритм, 2020. С. 429—480; *он же*. Выявление и предание суду военных преступников из числа японских военнопленных СССР на Хабаровском процессе: неизвестные страницы // Журнал российских и восточноевропей-

ских исторических исследований. 2022. № 1. С. 6—34; и др.

² Например: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина: Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 478 с.; *он же*. Россия и Япония. Узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.; Карасёв С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945—1956 годы). Иркутск: изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2006. 353 с.

³ Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае, 1945—1948 гг.: проблемы размещения, содержания и трудового использования. Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 306 с.

⁴ Серебренников С.В. Продовольственное обеспечение японских военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока СССР (1945—1950 гг.) (страницы отечественной историографии) // Научный диалог. 2017. № 6. С. 236—256; Ким С.П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945—1956 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 291 с.; *он же*. Продовольственное обеспечение японских военнопленных в 1945—1950 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 61—68.

⁵ Серебренников С.В. Медицинское обслуживание японских военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР (1945—1950 гг.) (вопросы отечественной историографии) в 2 ч. Ч. 1 // Грамота. 2017. № 10(84). С. 152—159.

⁶ Карасёв С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945—1949 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 225 с.

⁷ Сообщение министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова министру иностранных дел СССР В.М. Молотову о японских военнопленных, содержащихся в лагерях МВД СССР. 2 сентября 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 190, 191.

⁸ Постановление ГКО СССР № 9898 «О приёме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии». 23 августа 1945 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533. Л. 112—118. Цит. по: В штабах Победы, 1941—1945: документы в 5 кн. Кн. 5. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 526—532.

⁹ Афанасов О.В. Лагеря и строительные организации ОГПУ-НКВД-МВД СССР при возведении западного участка БАМ в 1930—1950-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4(26) С. 46, 47.

¹⁰ План перевозки военнопленных японских солдат и офицеров из Маньчжурии с 11 сентября по 29 октября 1945 г. Не позднее 5 сентября 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 67. Оп. 12011. Д. 48. Л. 50—60.

¹¹ Коротяев В.И. Коллекция архивных документов «Японские военнопленные в СССР (1945—1956 гг.)» // Портал «Архивы России». URL: <https://rusarchives.ru/online-project/yaronskie-voennoplennye-v-sssr>.

¹² Жадан А.В. Организация лагерей НКВД для японских военнопленных на территории Хабаровского края в августе—декабре 1945 г. (по материалам архивов НКВД-МВД) // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2020. № 2. С. 69.

¹³ Галицкий В.П. Выявление и предание суду... С. 12—14.

¹⁴ Там же. С. 14, 15.

¹⁵ Сообщение Управления НКВД по Хабаровскому краю в ГУПВИ НКВД СССР о распределении военнопленных японцев по отраслевым наркоматам для их трудового использования. 18 декабря 1945 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 40. Л. 5.

¹⁶ Жадан А.В. Указ. соч. С. 60, 61.

¹⁷ Докладная записка «Об агентурно-оперативной работе на спецобъекте № 45 УМВД по Хабаровскому краю за 1946 год, по состоянию на 25.12.1946» начальника спецобъекта № 45 майора Денисова начальнику УМВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенанту И. Долгих // Архив Управления МВД по Хабаровскому краю (АУМВД по ХК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 175. Л. 37.

¹⁸ Там же. Л. 85—87.

¹⁹ Там же. Л. 40.

²⁰ См.: Катасонова Е. Токийский Нюрнберг // Интернет-портал Минобороны РФ. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798%40cmsArticle; Токийский процесс 1946—48 // Большая российская энциклопедия: электронная версия (bigenc.ru); Кикнадзе В.Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганды фашизма, экстремизма и сепар-

ратизма. М.: Прометей, 2021. С. 551—555.

²¹ См.: Христофоров В.С. Хабаровский процесс 1949 г. // Великая Победа в 15 т. Т. 8. М.: МГИМО — Университет, 2015. С. 102—110; Ким С.П. Предисловие // Интернет-проект «Хабаровский процесс над японскими военными преступниками 1949 г.». URL: <https://khabarovsk1949.rusarchives.ru/predislovie>.

²² Игорь Краснов принял участие в Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Сайт Генпрокуратуры РФ. 2021. 6 сентября. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227>.

²³ Доклад отдела кадров Управления МВД по Хабаровскому краю «О подборе и закреплении кадров» от 7 апреля 1946 г. // АУМВД по ХК. Ф. 33. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

²⁴ Сообщение Управления НКВД по Хабаровскому краю в ГУПВИ НКВД СССР о распределении военнопленных японцев по отраслевым наркоматам для их трудового использования. 18 декабря 1945 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 40. Л. 5, 5 об.

²⁵ По данным 1945 г. См.: Средние месячные и годовые температуры воздуха в Комсомольске-на-Амуре // Портал «Погода и климат» (pogodaiklimat.ru).

²⁶ Докладная записка «Об итогах агентурно-оперативной работы среди военнопленных японцев лагеря № 5 при Амгуньском строительстве за январь 1946 года» от 16 февраля 1946 г. Подготовлена

начальником оперчекотдела Амурского Управления ГУЛЖДС НКВД СССР подполковником Мариным начальнику УМВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенанту И. Долгих // АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 174. Т. 5. Л. 57.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 58.

²⁹ Там же. Л. 64, 65.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ Протокол совещания начальников областных управлений, городских и районных отделов МВД, начальников управлений лагерей военнопленных МВД по Хабаровскому краю. 18—19 июня 1946 г. // АУМВД ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 186. Т. 2. Л. 28—39.

³² Жадан А.В. Указ. соч. С. 66.

³³ Коротаяев В.И. Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ Жадан А.В. Указ. соч. С. 63, 64.

³⁶ Там же. С. 69.

³⁷ Директива НКВД СССР № 221 об улучшении коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев. 24 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 744. Л. 442—444.

³⁸ Справка М.Я. Зетилова о заболеваемости и смертности в лагерях НКВД и спецгоспиталях НКО и НКЗ для военнопленных японцев за первую декаду февраля 1946 г. Москва. 19 февраля 1946 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2433. Л. 170—174. Цит. по: Военнопленные в СССР. 1939—1956: документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 483—486.

³⁹ Коротаяев В.И. Указ. соч.

⁴⁰ Приказ НКВД СССР и начальника Тыла Красной армии № 001117/0013 с объявлением норм

продовольственного снабжения для военнопленных японской армии. Москва. 28 сентября 1945 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 729. Л. 473—483. Цит. по: Военнопленные в СССР. 1939—1956: документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 390—393.

⁴¹ См.: Ким С.П. Продовольственное обеспечение... С. 61—68.

⁴² Докладная записка «Об итогах агентурно-оперативной работы среди военнопленных японцев лагеря № 5 при Амгуньском строительстве за январь 1946 года...». Л. 58.

⁴³ Жадан А.В. Указ. соч. С. 60.

⁴⁴ Докладная записка «Об итогах агентурно-оперативной работы среди военнопленных японцев лагеря № 5 при Амгуньском строительстве за январь 1946 года...». Л. 56.

⁴⁵ Жадан А.В. Указ. соч. С. 64, 65.

⁴⁶ Объяснение по докладной записке № 0/789 от 17 января 1946 г. «Об итогах агентурно-оперативной работы ОЧК Амурского УГЛЖДС НКВД СССР» // АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 176. Л. 1—3.

⁴⁷ Докладная записка «Об итогах агентурно-оперативной работы среди военнопленных японцев лагеря № 5 при Амгуньском строительстве за январь 1946 года...». Л. 59.

⁴⁸ Там же. Л. 61.

⁴⁹ Там же. Л. 62.

⁵⁰ Докладная записка «Об агентурно-оперативной работе на спецобъекте № 45 УМВД по Хабаровскому краю за 1946 год по состоянию на 25.12.1946...». Л. 85—87.

⁵¹ См.: Коротаяев В.И. Указ. соч.

⁵² Жадан А.В. Указ. соч. С. 70.

V.Zh. Dorokhov

«THE NKVD OF THE USSR DEMANDS THAT YOU DRAMATICALLY IMPROVE THE COMMUNAL AND LIVING CONDITIONS FOR JAPANESE PRISONERS OF WAR»

Problems of the maintenance of Japanese prisoners of war in Khabarovsk Territory in 1945—1946

Information about author. Vyacheslav Dorokhov — Deputy head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Khabarovsk. E-mail: dorohova_elen@mail.ru).

Summary. The paper presents the results of the analysis of archival and other sources concerning the establishment of camps for the Japanese prisoners of war in the Khabarovsk territory and the initial, most difficult, stage of their maintenance in 1945—1946, the staffing of the camp administrations and the deployment of operational work. It describes the impact of post-war economic conditions, the difficulties of Japanese adaptation to the captivity regime and unfamiliar to the POWs climatic conditions of the Soviet Far East, the work of NKVD operatives and officials of the Ministry of Internal Affairs with the captives, complicated by their significant mental differences from Europeans and the language barrier with a shortage of interpreters. The paper concludes: in the most challenging conditions, the structures of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) and the Ministry of Internal Affairs of the Khabarovsk territory solved the most difficult organizational stage of holding Japanese prisoners of war in accordance with the international humanitarian law, and also helped to identify war criminals among them and to collect evidence of atrocities of the Japanese military clique for justice.

Keywords: USSR; Japan; Far East; NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs); Ministry of Internal Affairs; Japanese prisoners of war; Khabarovsk; Komsomolsk-on-Amur; Baikal-Amur Mainline; camps for prisoners of war; living conditions; operational work; covert intelligence work; identification of war criminals.

«ПЕРВАЯ ВОЙНА РОССИИ И ЕВРОПЫ... ПРИВЕДШАЯ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ ДВУХ МИРОВ, КУЛЬТУР, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

Ливонская война 1558—1583 гг. в работах отечественных историков

Сведения об авторах. Ковалевский Николай Фёдорович — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат философских наук (Москва. E-mail: NKovalevsky@mail.ru);

Маслий Сергей Богданович — начальник отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва. E-mail: smasliy@list.ru).

Аннотация. На основе анализа трудов русских, советских и современных российских историков в статье освещены основные этапы становления и развития историографии Ливонской войны 1558—1583 гг. Показано, что русским историкам в целом удалось раскрыть особенности этой войны, в которой Русское государство стремилось решить «двуединую задачу» — возвращения древнерусских земель и выхода к Балтийскому морю. Отмечено, что в советский период Ливонская война редко привлекала внимание историков, как и в целом допетровская Московская Русь. Однако современное поколение российских историков во многом заново осмысливает опыт первого крупного военного конфликта России с Западом.

Ключевые слова: Ливонская война 1558—1583 гг.; Балтийский вопрос; Русско-ливонские войны; Русско-литовские войны; Русско-польские войны; Русско-шведские войны; В.Н. Татищев; М.М. Щербатов; Н.М. Карамзин; Р.М. Зотов; С.М. Соловьёв; Н.И. Костомаров; Н.С. Голицын; Г.Ф. Форстен; С.Ф. Платонов; В.В. Новодворский; М.Н. Покровский; В.Д. Корольюк; А.В. Чернов; Р.Г. Скрынников; А.А. Зимин; А.Л. Хорошкевич; В.Б. Кобрин; В.В. Похлёбкин; Б.Н. Флоря; В.А. Волков; А.И. Филюшкин; В.В. Пенской; В.В. Каргалов; Д.М. Володихин; А.Н. Янушкевич.

Выезд Ивана Грозного в Ливонский поход в 1558 году
Художник Г.Э. Лисснер
Музейное объединение «Музеи Москвы» (Москва)

В августе 1583 года, 440 лет назад, закончилась Ливонская война — самая длительная и трудная в истории Русского централизованного государства. В современной России многие исследователи не без оснований относят Ливонскую войну 1558—1583 гг. к числу малоизученных событий военной истории Русского государства. Трудов, специально посвящённых исследованию этой войны, очень мало. Освоение и изучение источниковой базы исследований — сохранившихся

архивных документов, как русских, так и зарубежных, как правило, разрозненных и частично утраченных, во многом противоречащих друг другу, — шло очень медленно, требовало огромной кропотливой работы. На скупое описание отечественными авторами событий войны накладывал свой отпечаток её неудачный для России итог, несмотря на длительные военные усилия, потребовавшие немалых экономических затрат и людских жертв.

Русская историческая наука

Существует мнение, что русские историки чрезмерно увлекались апологетикой самодержавного строя, их сочинения написаны в верноподданническом духе и приукрашивают события Ливонской войны. Но внимательный анализ этих сочинений во многом опровергает подобную точку зрения.

Стоявший у истоков русской исторической науки В.Н. Татищев в последней части своего труда «История Российская от древнейших времен» (издавался в 1768—1769 гг., остался незавершённым) опубликовал ряд выписок из летописей и разрядных (дворцовых) книг, относящихся к борьбе Руси с «немцами» (ливонцами), начиная с «боя на Чудском озере» 1242 года. «Войной на Ливонию» им назван поход новгородцев на «Немецкую землю» в 1262 году, в результате которого они отвоевали Юрьев (нем. Дерпт, ныне Тарту)¹. Далее Татищев упоминает другие новгородско-ливонские и московско-ливонские вооружённые конфликты XIV — начала XVI века, включая войны с «немцами» в 1480—1481 и 1501—1503 гг. Первые записи, относящиеся к «войне за

Ливонию» в 1558—1583 гг., говорят о поводе для начала русскими военных действий: неуплате Дерптом долгов по «Юрьевской дани». Всего к борьбе сторон в этой войне у Татищева относятся около 30 архивных записей, обычно не имеющих комментариев. Последняя из них (1577): «Ходил государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России со мною силою в Не-

в других странах такие истории «уже писаны».

В 1770—1791 гг. вышел труд князя М.М. Щербатова «История Российская от древнейших времен» (7 томов, 12 книг), доведённый до окончания Смутного времени. Автор, как и Татищев, упоминает давнюю историю конфликтов между Русью и «лифляндцами» (Ливонией), о чём в дальнейшем будут писать и

«Строгости государевы, либо истребя, либо отогнав лучших слуг отечества, учиняли, что токмо наименее искусные и нехрабрые служили», и «любовь к отечеству затухла»

мецкую землю и взял по Двине многие городки, Куконос и Кесь, и Владимирец»².

В выписках историка сохранена терминология старорусского языка, что осложняет восприятие текста. В целом важность труда Татищева состояла в том, что он первым попытался ответить на потребность России иметь свою письменную историю, в т.ч. военную, в то время как

другие русские историки. Он освещает ретроспективу военной деятельности Русского государства под руководством Ивана IV Грозного в борьбе с Ливонией, Литвой, Швецией, Польшей, а также Крымским ханством. Главным толчком для начала войны против Ливонии в 1558 году, по мнению Щербатова, стал её военно-политический союз с Литвой, заключённый годом ранее.

Он был оценён Иваном IV как явная угроза для России. Ответом царя стали удары русских войск по Ливонии, а после развала последней (1561) — по Литве. При этом русские «силою оружия и чинимыми опустошениями мирные предложения подкрепляли»³. Щербатов не раз высоко отзывается об уме и дальновидности Ивана IV, вместе с тем упрекает его в излишней гордыне и самоуверенности, не дававшими возможности закончить войны с соседями миром на приемлемых условиях. Одновременная война со Швецией и Речью Посполитой в начале 1580-х годов обернулась огромной проблемой.

По убеждению Щербатова, виновен царь и в чрезмерных жестокостях, плохо ска-

завшихся на русском войске: «Строгости государевы, либо истребя, либо отогнав лучших слуг отечества, учиняли, что токмо наименее искусные и нехрабрые служили», и «любовь к отечеству затухла»⁴. В конце концов Иван IV, устав от долго продолжавшейся войны и других забот, согласился на мирные договоры с соседями, невзирая на некоторые территориальные потери для Русского государства.

При подведении итогов деятельности Ивана IV Щербатов высказывает мысль, что «захватчивость» русского царя, возможно, объяснялась его «помышлениями о приобретении морских пристанищ, дабы через сие... удобнеее сообщение с другими европейскими народами иметь»⁵. Очень одобрительно князь-

историк отзывается о попытках Ивана IV наладить торговые и другие отношения Русского государства с Англией, одной из ведущих стран Западной Европы.

В 12-томном труде Н.М. Карамзина «История государства Российского» (1816—1829) эпохе Ивана IV отведены два тома. «Война Ливонская» (как её именовал Карамзин), по его оценке, вызрела на почве давней вражды между Ливонским орденом и Русью, при этом «российские и ливонские историки винят Орден в том, что он своим явным недоброжелательством, коварством, обманами раздражил Иоанна, действуя по извинительному чувству нелюбви к соседу опасному, но действуя неблагоприятно»⁶. В свою очередь Иван IV нашёл

Взятие Иваном Грозным ливонской крепости Кокенгаузен в 1577 году

Художник П.П. Соколов-Скала
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

поводы для начала войны. Русские действовали решительно, порою жестоко, и в 1561 году «среди развалин и могил, пал ветхий Орден как утлое дерево»⁷. Но поскольку частью ливонских земель сумели завладеть Литва и Швеция, русский царь продолжил войну в Прибалтике, чтобы «славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою»⁸.

Карамзин считал, что у Ивана IV не было объективных причин введения в стране жёсткого режима опричнины, направленного против строптивого боярства и отрицательно сказавшегося на командном составе русских войск. После бегства воеводы А.М. Курбского в Литву борьба с «боярской изменой» усилилась. Говоря о тиранстве Ивана IV и «эпохе душегубства», Карамзин нашёл способ объяснения происшедшего: «Таков был царь; таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении»⁹.

Успешный поход Ивана IV в Лифляндию (1577), отмечал Карамзин, стал «концом наших воинских успехов в Ливонии, хотя и не весьма важных для потомства, но знаменитых, блестящих для тогдашних россиян». Объяснение Речью Посполитой войны России (1579) и вторжение польско-литовских войск на русскую территорию оказались переломом в ходе «войны Ливонской». По мнению историка, Иван IV оказался не готов к такому повороту событий. Русские войска действовали пассивно, лишь Псков стойкой обороной надолго приковал к себе

армию С. Батория. Царь предпочёл добиваться мира, хотя военных сил у Русского государства было ещё много. «Не изменились россияне, но царь изменил им!» — такой резкий вывод сделал историк¹⁰.

Малоудачной была попытка описания «войны Ливонской» в первой части «Военной истории Российского государства» Р.М. Зотова (1839). Эту войну он назвал «сколь блистательной в первом своем периоде, столь неудачной в конце»¹¹. Избегая общих оценочных суждений, Зотов представил краткий очерк военных событий без подробного разбора тактики и стратегии. При этом он считал, что в военном искусстве русские ни в чём не уступали ни полякам, ни шведам, «и только одно непостижимое уныние Иоанна доставило Баторию и шведам столь выгодный для них мир»¹².

Историк «государственной школы» С.М. Соловьёв в пятой книге своей 29-томной «Истории России с древнейших времен» останавливается на вопросе взаимной вековой неприязни Руси и Ливонии, в частности на «войне с ливонскими немцами» в 1501—1503 гг., когда последние во главе с магистром В. Плеттенбергом выступили как союзники Литвы. Правлению Ивана IV историк посвятил 6-й том (1856) и часть 7-го (1857). Он выразил мнение, что главной объективной предпосылкой «войны Ливонской» была потребность Русского государства получить возможность развернуть торговые и другие связи с Западной Европой, включая обретение знаний и опыта в развитии ремёсел и наук. Но этому мешали «соседние приморские государства, обыкновенно враждебные»¹³. Поэтому «при сильной потребности

иметь непосредственное сообщение с Западною Европою, иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя обыкновенно обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию... и вместе добычу, на которую имелись старые права»¹⁴.

Упомянув «старые права», Соловьёв оправдывает притязания России на Ливонию как обоснованные исторически, цитирует слова Ивана IV (из его послания датскому королю): «Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил»¹⁵. После разгрома Ливонского ордена русский царь продолжил войну — на этот раз с Великим княжеством Литовским, которое успело занять часть ливонской территории. И опять же в борьбе с этим крупным восточноевропейским соседом, затянувшейся на 9 лет, «Иоанн не хотел заключать вечного мира с Литвою, желая непременно возвратить от нее свою отчину — Киев и другие русские города». Земский собор 1566 года поддержал царя в стремлении продолжать войну, высказав такое мнение: «А Ливонская земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича, принадлежит нашему государю... И наш совет, что государю нашему от тех городов ливонских, которые король взял в обереганье, отступиться непригоже»¹⁶. Рассмотрение вопроса о правах России на древнерусские восточноевропейские земли было оценено современниками Соловьёва как его большая заслуга.

В отличие от Карамзина Соловьёв не винит Ивана IV в поражениях от польско-литовской армии Батория. По мнению историка, решающим преимуществом Речи Посполитой стали военные способности польского коро-

вонии. Главной темой этого сочинения стало развенчание Ивана IV, который действовал как завоеватель и вовсе не имел «высоких побуждений сблизить Россию с Европою»²⁰. Поэтому не следует сравнивать его с Петром I — действительно «великим государственным мужем».

Заметным событием стал выход в свет труда генерал-лейтенанта Н.С. Голицына «Русская военная история» (в двух частях, 1877—1878). В первой главе второй части военный учёный называет и датирует войны Ивана IV в Прибалтийском регионе следующим образом: «война с Швецией и Ливонским орденом (1554—1567)» и «война с Польшей и Швецией (1563—1582)». Голицын подвергает критике стратегию Ивана IV. Говоря о разделе Ливонии в 1561 году между пятью странами, он высказывает ту точку зрения, что Россия могла овладеть Ливонией одна при ином способе ведения войны: не опустошительными рейдами, а «постепенно продвигаясь с востока и юга вперед и прочно утверждаясь в Ливонии покорением всех и особенно главных городов, крепостей, замков ее»²¹. Иван IV «решительно не был полководцем», и последующие войны с Польшей и Швецией «это доказали еще больше»²².

Существенный вред, подчёркивает автор «Русской военной истории», нанесли «умопомрачения» царя, особенно его репрессии. «Русские войска сражались со своими обычными мужеством и храбростью, но для предводительствования ими уже не было прежних знаменитых воевод времен Адашева: Шереметев, Щенятев, Горбатый-Шуйский и другие погибли жертвами подозрительности

«Иоанн не хотел заключать вечного мира с Литвою, желая непременно возвратить от нее свою отчину — Киев и другие русские города»

ля: «Как полководец Баторий в Восточной Европе произвел тот переворот в способе ведения войны, какой уже давно произведен был на Западе»¹⁷. В освещении событий Ливонской войны Соловьёв основное место отводит подробному анализу состояния и развития политико-дипломатических отношений противоборствующих сторон, вопросы хода вооружённой борьбы освещены лишь в общих чертах. Детально изложив обстоятельства заключения Ям-Запольского мира 1582 года, Соловьёв вместе с тем избегает какой бы то ни было оценки итогов войны России с Речью Посполитой. Такие итоги не подведены им и в связи с Плюсским перемирием 1583 года, завершившим войну со Швецией.

Первым отдельную научную работу с названием «Ливонская война» в 1867 году опубликовал историк Н.И. Костомаров (он остался в этой роли единственным в русской историографии). При этом он ограничил войну рамками 1558—1561 гг. — периодом вооружённой борьбы войск Ивана IV непосредственно с Ливонией, видимо, полагая, что после ликвида-

ции Ливонского государства (1561) распространять название «Ливонская война» на последовавшие военные конфликты России с Литвой, Швецией и Речью Посполитой не следует. Концепция Костомарова относительно причин Русско-ливонской войны достаточно проста: «Собранная московскими князьями Русь начала разделяться с теми врагами, которые томили ее и делали ей зло в прежние века»¹⁸. Таковой была и Ливония во главе с Ливонским орденом — врагом славян. К тому же Ливония не допускала Московию «до равенства с собою в цивилизации; немцы издавна препятствовали русским знакомиться с европейскою техникою; немцам было выгодно держать Русь, так сказать, в черном теле»¹⁹.

Костомаров освещает наиболее заметные события войны с Ливонией, раскрывает успехи русских войск в овладении Нарвой и Дерптом, многими другими крепостями. Одновременно он подробно описывает перипетии обострения международной обстановки в Прибалтике, политико-дипломатические ходы, благодаря которым в 1561 году права на ливонскую территорию получили Литва, Польша, Швеция и Дания. В другой своей работе — «Личность царя Ивана Васильевича Грозного» Костомаров затрагивает вопросы борьбы Русского государства с другими участниками раздела Ли-

Иоанна»²³. Голицын упрекает русского царя, имевшего многочисленное войско, в преждевременном заключении мира с Баторием.

Первый том труда Г.В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648)», изданного в 1893 году, имел название «Борьба за Ливонию». В своём сочинении Форстен выступил прежде всего как писатель-международник. В центре его внимания не только и не столько Россия, сколько широкий спектр взаимопересекающихся интересов целого ряда субъектов международной политики, стремившихся к контролю над Балтийским регионом. В их числе — Швеция, Дания, Ганзейский союз северонемецких городов во главе с Любеком, Польша, Литва, наконец, германская Священная Римская империя. Именно дипломатия

соседних заинтересованных стран в большой мере помешала России подчинить себе Ливонию в 1558—1561 гг.

Форстен раскрывает, каким образом после 1561 года борьба за ливонское наследство «вошла в свою европейскую стадию». Последовали Северная семилетняя война между Швецией и коалицией Дании, Любека и Польши и Русско-литовская война. Автор показывает, что в схватке как военных, так и дипломатических сил русский царь Иван IV долгое время оставался сильным соперником европейских стран. Избегая анализа внутривнутриполитических проблем Русского государства и его борьбы с Крымским ханством, Форстен делает вывод о том, что в 1582 году Россия поторопилась покинуть арену борьбы на западе. «Если бы Иван Грозный, отвергнув постановления Ям-Запольского

мира, протянул еще хоть на несколько лет войну с Польшей, то нет сомнения в том, что Польше пришлось бы одновременно воевать и со Швецией», и тогда бы для России всё могло повернуться иначе²⁴.

В «Курсе лекций по русской истории», неоднократно переиздававшемся с 1891 года, с позиций «государственной школы» выступил С.Ф. Платонов. Примечательна его общая оценка деятельности Ивана IV: «Одинаково и тогда, когда с Избранной радой Грозный вел свои первые войны и реформы, и тогда, когда позднее, без “рады”, он совершал свой государственный переворот в опричнине, брал Ливонию и Полоцк и колонизовал “дикое поле”, — он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией»²⁵. Причину неудачи в Ливонской войне

Стефан Баторий под Псковом
Художник Я. Матейко
Королевский замок (Варшава, Польша)

Платонов сформулировал следующим образом: «несоответствие сил Москвы с поставленной Грозным целью».

Дипломатической, а затем военной борьбе Русского государства с Литвой и Польшей посвятил своё сочинение «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитую (1570—1582)» (1904) В.В. Новодворский. При этом он первым из русских историков широко использовал польские источники. Автор подробно остановился на обстоятельствах 1572—1575 гг., когда после смерти польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II в качестве одного из кандидатов

сделала шаг к «политическому и культурному господству в Восточной Европе»²⁶.

Видимо, ввиду сложности темы борьба Русского государства за Прибалтику и возврат западных древнерусских земель получила недостаточное отражение в русских энциклопедических изданиях, где термины «Ливонская война» или «Ливонские войны» отсылали читателей к статьям «Ливония» или «Иоанн Грозный», а также «Россия» (в т. XVIIА «Энциклопедического словаря» издателей Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1896).

Редакция «Военной энциклопедии» издания И.Д. Сы-

ных суждений. Нет в статье и формулировок в отношении военного искусства сторон. В качестве заключения авторы отмечают важное значение героической обороны Пскова (1581—1582), которая «спасла Московское государство от дальнейших испытаний, а Запольский мир закончил вековую войну за Ливонию в пользу польско-шведской коалиции, с которой и предстояла Москве дальнейшая упорная борьба»²⁸.

Выход в свет труда М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времён по Смутное время» (ч. I—IV, 1896—1899) свидетельствовал о появлении в России историка, осваивавшего марксистские идеи. При этом по фактологическому содержанию труда и особенно по использованным источникам Покровский очень сильно уступал своим предшественникам. Марксистский классовый подход он стремился применить и при освещении событий времён Ливонской войны. Её причину он объяснил коротко: «Московская буржуазия жадно искала в это время выхода к морю»²⁹. Место анализа сложных процессов государственной и военной жизни у Покровского заняла публицистическая риторика. Царь, бояре, воеводы, церковные деятели, дипломаты — все не избежали отрицательных характеристик. Итог войны автор сформулировал лаконично: «Феодалы ополчения московского царя не выдержали схватки грудью с грудью против регулярных армий новой Европы».

Советская историческая наука

В Советской России, затем в СССР Покровский, ставший видным общественным деятелем, неоднократно переиздавал свой труд, с его именем

Причину неудачи в Ливонской войне Платонов сформулировал следующим образом: «несоответствие сил Москвы с поставленной Грозным целью»

на освободившийся престол шляхтой Литвы и Польши рассматривался Иван IV, а также его сын Иван. Несмотря на все приведённые подробности, Новодворский, собственно, не смог показать, в чём состояли главные причины неосуществимости этого проекта. Избранный на польский престол Баторий, по мнению автора, вначале не планировал войны с Россией, но поход Ивана IV в ливонские земли Литвы (1577) сделал эту войну неизбежной. Когда России, воевавшей со Швецией, пришлось обороняться и от армии Батория, Иван IV вынужден был искать мира. Миром в Яме Запольском, отметил Новодворский, были довольны обе стороны. При этом Речь Посполитая

по традиции, заложенной создателями «Военного энциклопедического лексикона» середины XIX века, посвятила рассматриваемой теме статью «Ливонские войны» (т. XIV, 1914). В этой крупной статье история русско-ливонских конфликтов прослеживается с XIII века. Предпосылкой Ливонской войны времён Ивана IV названо стремление Русского государства «утвердиться на побережье Балтийского моря», а поводом — невыплата ливонцами дани, которую они обязались платить Москве по договорам XIV и XV вв.²⁷ Достаточно подробное освещение авторами хода Ливонской войны носит характер перечисления происходивших событий при минимуме оценоч-

связана историческая «школа Покровского». Лишь в конце 1930-х годов она подверглась жёсткой критике как проявление «вульгарного марксизма».

Ввиду определённого застоя в советской исторической науке редакторы первого издания «Большой советской энциклопедии», идя по стопам дореволюционной русской «Военной энциклопедии», поместили в 36-м томе (1938) статью «Ливонские войны». Объём статьи в сравнении с дореволюционной «предшественницей» был резко уменьшен, а её качество не получило заметного улучшения.

В последующем советские историки также не проявляли большого интереса к Ливонской войне, как и к военной истории допетровского Русского государства в целом. В 1954 году увидела свет книга В.Д. Королюка «Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во 2-й половине XVI в.». В период СССР она оставалась единственным специальным трудом, посвящённым данной войне. В своей работе Королюк высказывает решительное несогласие с мнением Костомарова о том, что Иван IV не ставил перед собой осознанных крупных целей, кроме завоевательных, и приводит слова К. Маркса о русском царе: «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии, их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой»³⁰.

В духе Покровского Королюк выдвигает тезис о том, что в Ливонии «классовый гнёт переплетался с национальным», и поэтому важной задачей было помочь «закрепощённому латышскому и эстонскому крестьянству

и социальным низам городского населения»³¹. Но далее в книге этот тезис никак не освещён. Автор, писавший свою работу в сталинскую эпоху единовластия, везде и всегда — на стороне Ивана IV: в выборе планов военных кампаний, отношении к боярству и гонениях против них, решении дипломатических вопросов и т.д. Главная причина проигрыша в войне — «экономическое истощение страны», тем не менее она остаётся «замечательным событием в жизни русского народа»³². Работе Королюка недостаёт аналитического подхода, к источниковой базе (прежде всего архивной) автор обращается очень редко, вследствие чего его книга носит оттенок исторической публицистики.

Статья «Ливонская война 1558—83» во втором издании «Большой советской энциклопедии» (т. 25, 1954), также цитируя Маркса, по определению называет эту войну «борьбой русского централизованного государства за выход к Балтийскому морю в целях расширения экономических и культурных связей в Европе»³³. Авторы достаточно объективны и логичны в кратком освещении хода войны, при этом они избегают каких бы то ни было классовых нарративов за исключением осуждения «реакционной боярской оппозиции», не желавшей продолжения войны. Причины неудачи в войне: «неблагоприятно сложившаяся внешнеполитическая обстановка», а также «наступившая в результате длительной войны хозяйственная разруха»³⁴.

В работе А.В. Чернова «Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв.» (1954) Ливонская война характеризуется как сложное испытание для военной ор-

ганизации России. Автор освещает влияние войны на развитие способов комплектования и применения войск. Показано значение военных реформ Ивана IV для укрепления русской армии.

Один из разделов трёхтомного труда генерал-майора Е.А. Разина «История военного искусства» (1955—1961) был посвящён вооружённой борьбе в Ливонской войне, которую автор разделяет на четыре периода: 1558—1562, 1563—1569, 1570—1577, 1578—1583 гг. Как военный учёный Разин даёт чёткое освещение боевых действий, отмечает доблесть русских войск, раскрывает причины их отдельных неудач. Он показывает, что «в ходе войны редко встречались боевые действия полевого характера. Борьба велась главным образом за овладение и удержание крепостей»³⁵. Победы в войне не удалось достичь потому, что «молодому, ещё не окрепшему Русскому централизованному государству пришлось вести борьбу с сильной коалицией, вынуждавшей русское командование разбрасывать свои силы»³⁶.

Из работ, посвящённых Ивану IV, выделялась книга Р.Г. Скрынникова «Иван Грозный» (1975). Основное содержание труда составляет рассказ о внутривосточных перипетиях, в атмосфере которых жил царь, его отношениях с боярством, которые резко ухудшились вскоре после начала Ливонской войны. Выяснилось, что «бояре не признают его авторитет в военных вопросах. В их неповиновении царь усматривал главную причину того, что русские войска не достигли решающих успехов в Прибалтике»³⁷. Вскоре к этому добавилась и «боярская измена», которую Иван IV истреблял,

к сожалению, малоразборчиво. К ведению войны временно против Швеции и Речи Посполитой он оказался не готов. «Первая попытка России прочно утвердиться на берегах Балтийского моря завершилась неудачей»³⁸.

В центре внимания труда А.А. Зимина и А.Л. Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного» (1982) — анализ сложного пути Русского государства под самодержавной властью Ивана IV. Истоки Ливонской войны, по мнению авторов, очевидны: «Включив в свой состав Новгород и Псков, Россия унаследовала и их внешнеполитические задачи, главной из которых была борьба с Ливонским орденом и Швецией за пограничные территории»³⁹. При этом Русскому государству приходилось вести напряжённую борьбу как на западе, так и на востоке, что ей тогда оказалось не под силу. В соответствии с идеологией СССР и традицией «державности» авторы формулируют следующий вывод: «И всё же Ливонская война была событием мирового значения. В ходе её был сокрушён Ливонский орден, жесточайший враг эстонского и латышского народов. Были созданы предпосылки включения Прибалтики в состав Российской империи в начале XVIII в.»⁴⁰.

Труд В.Б. Кобрин «Иван Грозный» (1989) носит по преимуществу публицистический характер. В споре Ивана IV с Избранной радой автор — на стороне последней. А.Ф. Адашев и Сильвестр, «умные и одарённые политики», уже в 1561 году увидели «бесперспективность» борьбы за ливонское наследство с тремя соперниками — Литвой, Польшей и Швецией. Крымское направление внешней политики они считали более

важным. Говоря о расправах царя с «боярской изменой», Кобрин считает, что в связи с недостаточной источниковой базой «сегодня мы не в состоянии... определить вину или невиновность каждого отдельного человека из числа казнённых»⁴¹. Без особых колебаний автор, ученик А.А. Зимина, опровергает мнение о том, что русские несли в Прибалтику освобождение от социального и национального гнёта, на самом деле «после захвата Ливонии русскими войсками немецкий феодальный гнёт стал заменяться русским», вследствие чего «позиция коренного населения Прибалтики изменилась»⁴².

Российская историческая наука

В постсоветской России, в 1990-х годах, «ливонская тема» лишь изредка звучала со страниц периодических изданий. В то же время интересной новинкой стала вторая книга справочного издания В.В. Похлёбкина «Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах» (1995). Одна из важнейших ценностей книги — приведение подлинников всех международных договоров и соглашений, заключавшихся Русским государством с другими участниками Ливонской войны.

В конце 1990-х годов в серии «Жизнь замечательных людей» вышел труд Б.Н. Флори «Иван Грозный» (1999). Автор показал, что Иван IV имел серьёзные основания для борьбы за Ливонию, при этом оказалось, что, несмотря на все дипломатические усилия, избежать военного государства «было совершенно невозможно»⁴³. Вероятные ошибки и просчёты русского царя, отметил учёный, ещё

ждут будущих поколений исследователей.

В своём труде «Россия в системе международных отношений середины XVI века» (2003) А.Л. Хорошкевич сформулировала тезис о двух направлениях в отечественной историографии, относящихся и к Ливонской войне: «панегирическом и разоблачительном»⁴⁴. Автор старалась избегать крайностей этих двух направлений, избрав третье — либеральный подход. В её оценках внешней и внутренней политики Ивана IV заметно преобладание критических суждений, не всегда взвешенных. По её мнению, «роковым» стало решение Земского собора 1566 года о продолжении войны. Символично название последней главы труда — «Крах Ливонской авантюры».

Большим шагом в российской военно-исторической науке стала книга В.А. Волкова «Войны Московского государства. Конец XV — первая половина XVII вв.» (2004). Достаточно большое место в ней заняли проблемы Ливонской войны, их рассмотрение автор продолжит в специальном труде «Были и небыли Ливонской войны» (2020, см. об этом ниже).

Традиции либеральной критики в худшем варианте продолжил екатеринбургский писатель А.А. Шапран в книге «Ливонская война. 1558—1583» (2009). Все известные предпосылки и причины Ливонской войны, начатой Русским государством, он считает несостоятельными и делает вывод, что она была захватнической, агрессивной и несправедливой. «Мировая история, — убеждает он читателей, — знает много примеров военных авантур, направленных на покорение одних народов другими и присвоение

себе их земель»⁴⁵. Ивана IV он называет «одним из самых жалких и ничтожных правителей русского государства»⁴⁶. Очевидно, что подобный либеральный «агитпроп» лежит вне поля научной критики.

В отличие от Шапрана большинство современных российских исследователей стремятся к объективному освещению событий Ливонской войны. Они с уважением относятся к творческому наследию дореволюционных русских историков, активно обращаются к архивным источникам, в т.ч. иностранным, изучают и сопоставляют их.

Ряд научных трудов о Ливонской войне подготовили А.И. Филюшкин и В.В. Пенской — ведущие учёные в этой области исторических исследований. Филюшкин — автор трудов «Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков» (2013), «Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного» (2018) и др. Учёный подчёркивает, что в Ливонской войне России впервые противостоял «коллективный Запад»: это был военный конфликт с немецким Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским, Королевством Польским, Швецией при участии наёмников из многих западных стран — Священной Римской империи, Венгрии, Пруссии, Италии, Франции и даже Шотландии. «Размах этого столкновения позволяет квалифицировать его как первую войну России и Европы, не только развернувшуюся в военной и политической сфере, но и приведшую к противостоянию двух миров, культур, социально-политических систем»⁴⁷.

Анализируя события войны, Филюшкин опровергает мнени-

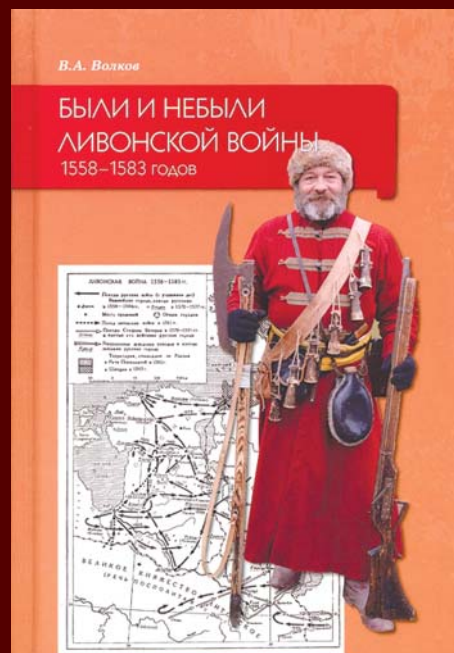
е о «бездарности» русской внешней политики и подчёркивает достоинства русских войск. При этом высказывает такое мнение: «Русская армия на равных сражалась с ливонцами, поляками, литовцами и шведами, но как только она столкнулась с большими контингентами наёмников из европейских стран — начались поражения»⁴⁸.

Возрождая спор о хронологических рамках войны за Ливонию и Прибалтику, Филюшкин предлагает ввести понятие «Балтийские войны». В их число он включает: Русско-шведскую войну (1555—1556), «войну коадьюторов» в Ливонии (1556—1557), Русско-ливонскую войну (1558—1561), Русско-литовскую (1561—1570), Датско-шведскую (1563—1570), Русско-шведскую (1578—1583), Русско-польско-литовскую (1579—1582) и Русско-шведскую (1589—1595)⁴⁹. Это встретило несогласие ряда оппонентов, которые считают, что данные войны не следует называть «Балтийскими» хотя бы по той причине, что боевые действия шли в то время в основном на суше, а не на балтийских морских просторах. Вместе с тем научная общественность вполне согласна, что каждая из названных Филюшкиным войн заслуживает специального изучения, в том числе с выявлением их взаимосвязей.

В своём труде «Очерки Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558—1561» (2017) В.В. Пенской детально исследует ход вооружённой борьбы сторон, избегая приукрашивания событий. Компетентно и детально комментируются вопросы дипломатии. В результате исследования учёный пришёл к выводу: «Московское царство надорвалось в попытке поднять оказав-

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
В.В. ПЕНСКОЙ
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ
 От Нарвы до Феллина
 1558—1560 гг.

шийся неподъёмным для себя имперский груз»⁵⁰. Это вполне созвучно с вышеприведённым выводом русского историка Платонова («несоответствие сил Москвы с поставленной Грозным целью»).

В труде «Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времён Ивана Грозного. 1562—1570 гг.» (2019) Пенской впервые специально исследует второй этап вооружённой борьбы за ливонскую территорию — Русско-литовскую войну (названа автором Полоцкой войной).

Полемизируя по поводу термина Филюшкина «Балтийские войны», Пенской высказывает мысль, что более приемлемым является термин «войны за Ливонское наследство»⁵¹. Но и в этом случае, по мнению некоторых оппонентов, научная строгость не соблюдается, поскольку борьба России с Литвой за полоцко-витебские земли относилась к борьбе не за ливонское наследство, а за древнерусское. Примечательно, что в статье «Ливонская война 1558—83» «Большой российской энциклопедии» (т. 17, 2011) полемика относительно названия и датировки этой войны упоминается, но авторы энциклопедической публикации предпочли дать статью с традиционными названием и датами.

Заметным событием стал выход в свет монографии В.А. Волкова «Были и небыли Ливонской войны 1558—1583 годов» (2020). Часть своего труда он отвёл критике «полудилетантских рассуждений» отдельных авторов об Иване IV и его войнах⁵². Работу отличает то, что делает её подлинно научным трудом, — исторический профессионализм. Изданию монографии предшествовала длительная

историко-архивная работа. Автор смог объективно и точно реконструировать все обстоятельства самой продолжительной войны доевропейской Руси. «Вести долгую тяжёлую войну, — отметил историк, — России пришлось в международной изоляции, отражая всё более сильные удары как с запада, так и с юга, при этом подавляя непрекращающиеся опасные мятежи в Казанской земле. То, что в данных обстоятельствах страна выстояла, не рассыпалась, свидетельствует о достаточно большом запасе прочности, имевшемся у Московской державы»⁵³.

В биографическом жанре лучшим воеводам периода Ливонской войны И.П. Шуйскому, Д.И. Хворостину и М.И. Воротынскому посвятил главы своего труда «Московские воеводы XVI—XVII вв.» (2002) В.В. Каргалов. Большой интерес представляет труд Д.М. Володихина «Воеводы Ивана Грозного» (2009), где перед читателями предстаёт галерея имён, составлявших военную элиту Московского государства (к ней он относит 37 воевод), и «второй эшелон» этой элиты (57 человек). Впервые представлен список опричных воевод. Володихин также автор книг «Иван Шуйский» (2012, 2020) и «Иван Грозный» (2006, 2012, 2018). Судьба воеводы-изменника раскрыта в работе Филюшкина «Андрей Курбский» (2008).

В числе российских авторов, чьи публикации посвящены исследованию отдельных аспектов Ливонской войны, — Д.Н. Александров, Ю.Г. Алексеев, Д.А. Бессуднов, М.Б. Бессуднова, В.И. Буганов, Д.И. Вебер, К.Ю. Ерусалимский, А.Н. Кирпичников, А.Л. Корзинин, М.М. Кромм, А.В. Кузьмин, А.Н. Лобин, П.Д. Маслов, А.А. Михайлов,

Н.В. Мысин, Н.В. Смирнов, О.В. Скобелкин, Я.Г. Солодкин, А.С. Усачёв, Т.В. Черникова, А.Б. Широкоград и др.

Среди работ белорусских историков выделяется труд А.Н. Янушкевича «Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558—1570» (2013). Он создан в основном на базе изучения материалов государственного архива Великого княжества Литовского («Литовской Метрики»). Автор скрупулёзно и обстоятельно освещает события, связанные с противоборством Литвы и Русского государства. Ему удалось создать целостную концепцию участия Великого княжества Литовского в Ливонской войне. Одна из заметных особенностей труда — использование понятия «литвины» как полиэтнической общности, на основе которой сформировалась белорусская нация, в отличие от литовцев — балтийского этноса. Они сообща противостояли наступлению Московского государства. Ливонская политика Ивана IV резко осуждена как агрессивная и несправедливая в работе другого белорусского автора А.Е. Тараса, издавшего книгу «Войны Московской Руси против Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в XIV—XVII веках» (2013). Главной причиной Ливонской войны, по Тарасу, выступала «жажда грабежа, снедавшая московского тирана»⁵⁴.

Возвращаясь к российской историографии Ливонской войны, следует отметить, что критическое отношение к трудам, вышедшим в царской России, характерное для советского периода, в последние десятилетия в основном преодолено. В работах современных авторов заметно активное обсуждение тех вопросов, которые в своё время подняли в

своих трудах Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, Н.С. Голицын, Г.Ф. Форстен и другие русские историки. Вместе с тем расширяется диапазон современных исследований — от политики

и дипломатии противоборствовавших сторон до тактики и вооружения армий. Становятся известны имена русских воевод, военных деятелей России и других стран в

период Ливонской войны. Возрождается интерес к истории взаимоотношений Русского государства и Запада, противоречий цивилизационного и религиозного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Татищев В.Н.* История Российской. М., 2005. С. 26.

² Там же. С. 715.

³ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времён. Т. V. Ч. II. СПб., 1789. С. 15.

⁴ Там же. Ч. III. С. 5, 223.

⁵ Там же. С. 218.

⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. 2-е, испр. Т. VIII. СПб., 1819. С. 265.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Там же. Т. IX. СПб., 1819. С. 349.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 316.

¹¹ *Зотов Р.М.* Военная история Российского государства. Часть первая. СПб., 1839. С. 120.

¹² Там же. С. 131.

¹³ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Собрание сочинений в восемнадцати книгах. Кн. III. Т. 5, 6. М., 1989. С. 483.

¹⁴ Там же. С. 500.

¹⁵ Там же. С. 493.

¹⁶ Там же. С. 563, 564.

¹⁷ Там же. С. 629.

¹⁸ Исторические монографии и исследования Николая Костомарова в 12 т. Т. 3. СПб., 1867. С. 45, 46.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. Книга пятая. СПб., 1905. С. 408.

²¹ *Голицын Н.С.* Русская военная история. Часть вторая: от Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 170.

²² Там же.

²³ Там же. С. 175.

²⁴ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648) в 2 т. Т. I. СПб., 1893. С. 711.

²⁵ Цит. по: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1995. С. 213.

²⁶ Цит. по переизданию: *Новодворский В.В.* Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010. С. 180.

²⁷ Военная энциклопедия. Т. XIV. СПб., 1914. С. 609.

²⁸ Там же. С. 613.

²⁹ Цит. по: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён / Соч. М.Н. Покровского, при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. Т. II. М., 1950. С. 107.

³⁰ *Королюк В.Д.* Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во 2-й половине XVI в. М., 1954. С. 30.

³¹ Там же. С. 28.

³² Там же. С. 107.

³³ Большая советская энциклопедия в 50 т. 2-е изд. Т. 25. М., 1954. С. 103.

³⁴ Там же. С. 104.

³⁵ Цит. по: *Разин Е.А.* История военного искусства в 3 т. Т. 2: VI—XVI вв. СПб., 1999. С. 384.

³⁶ Там же. С. 383.

³⁷ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 176.

³⁸ Там же. С. 196.

³⁹ *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 144.

⁴¹ *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 51.

⁴² Там же. С. 106.

⁴³ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 378.

⁴⁴ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 35.

⁴⁵ *Шапран А.А.* Ливонская война. 1558—1583. Екатеринбург, 2009. С. 516.

⁴⁶ Там же. С. 22.

⁴⁷ *Филюшкин А.И.* Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 4.

⁴⁸ Там же. С. 108.

⁴⁹ Там же. С. 10.

⁵⁰ *Пенской В.В.* Очерки Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558—1561. М., 2017. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 7.

⁵² *Волков В.А.* Были и небыли Ливонской войны 1558—1583 годов. М., 2020. С. 17, 18.

⁵³ Там же. С. 304.

⁵⁴ *Тарас А.Е.* Войны Московской Руси против Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в XIV—XVII вв. М.; Минск, 2013. С. 222.

N.F. Kovalevskiy, S.B. Masliy

«RUSSIA'S FIRST WAR WITH EUROPE... WHICH LED TO THE CONFRONTATION OF TWO WORLDS, CULTURES, SOCIOPOLITICAL SYSTEMS»

The Livonian War of 1558—1583 in the works of Russian historians

Information about authors. *Nikolay Kovalevskiy* — Leading researcher at the Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Philos.) (Moscow. E-mail: NKovalevsky@mail.ru);

Sergey Masliy — Head of the Department of the Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel (Moscow. E-mail: smasliy@list.ru).

Summary. Basing on analysis of works of Russian, Soviet and modern Russian historians, the paper covers the main stages of formation and development of the historiography of the Livonian war of 1558—1583. It is shown that Russian historians have generally succeeded in revealing the peculiarities of this war, in which the Russian state sought to solve the twofold task — the return of ancient Russian lands and access to the Baltic Sea. It is noted that in the Soviet period the Livonian War rarely attracted the attention of historians, as well as in general pre-Petrine Muscovite Rus. However, the modern generation of Russian historians is largely rethinking the experience of Russia's first major military conflict with the West.

Keywords: Livonian War of 1558—1583; The Baltic Question; Russo-Livonian Wars; Russo-Lithuanian Wars; Russo-Polish Wars; Russo-Swedish Wars; V.N. Tatishchev; M.M. Scherbatov; N.M. Karamzin; R.M. Zotov; S.M. Solovyev; N.I. Kostomarov; N.S. Golitsyn; G.F. Forsten; S.F. Platonov; V.V. Novodvorsky; M.N. Pokrovsky; V.D. Korolyuk; A.V. Chernov; R.G. Skrynnikov; A.A. Zimin; A.L. Khoroshkevich; V.B. Kobrin; V.V. Pokhlyobkin; B.N. Florya; V.A. Volkov; A.I. Filushkin; V.V. Penskoj; V.A. Volkov; V.V. Kargalov; D.M. Volodikhin; A.N. Yanushkevich.

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ САМОЛЁТ БЫЛ ВЫСТРОЕН В ДВА МЕСЯЦА...»

100 лет назад в воздух поднялся первый советский истребитель И-1

Развитие самолётостроения в дореволюционной России было прервано Гражданской войной и иностранной интервенцией. Но в стране оставалось много энтузиастов авиационного дела во главе с Н.Е. Жуковским. В числе русских авиационных специалистов «переходного периода» был и Николай Николаевич Поликарпов. Выходец из семьи сельского священника, ставший авиационным инженером, он с 1916 года работал на Русско-Балтийском заводе в Петрограде, где под руководством И.И. Сикорского участвовал в постройке тяжёлого бомбардировщика «Илья Муромец». С 1918 года Поликарпов — ведущий сотрудник технического отдела Государственного авиационного завода № 1 (ГАЗ-1) (бывший завод «Дукс»), с 1922 года возглавлял этот отдел, ставший конструкторским бюро. С февраля 1923 года он работал в конструкторском отделе Главного управления объединённых авиационных заводов.

В то время одной из важных задач, поставленных Главным управлением Красного Военно-воздушного флота (Главвоздухофлот), являлось создание самолёта-истребителя. Решением этой задачи Поликарпов занялся со всей энергией. Первоначальный вариант, названный конструктором ГУВП-23, он спроектировал по схеме стандартного биплана. Но вскоре конструкторская мысль привела его к необычному тогда проекту истребителя-моноплана, названного им И-1 («истребитель первый»). Это был одномоторный одноместный лёгкий свободнонесущий низкоплан с неубирающимся в полёте шасси и открытой кабиной пилота. Непосредственное проектирование И-1 (рабочий вариант — ИЛ-400:

Н.Н. Поликарпов

истребитель с двигателем «Либерти» мощностью 400 л. с.) началось в марте 1923 года.

Строили самолёт в помещении заготовительного производства ГАЗ № 1. Активную помощь Поликарпову оказывали ведущий производством завода И.М. Косткин и ряд инженеров ГАЗ № 1. Впоследствии конструктор вспоминал: «Работа страшно захватила нас. Экспериментальный самолёт был выстроен в два месяца, причём постройка шла по ночам, так как днём мы работали каждый на своей работе». История завода, ныне вновь носящего имя «Дукс», сохранила имена и других участников создания И-1. Это авиационные инженеры Ю.Г. Музалевский, С.Т. Плотников, В.А. Тисов, Н.П. Тряпицын, И.Д. Тряпичников, В.Я. Яковлев, В.Д. Яровицкий.

И-1 (ИЛ-400) поднялся в воздух 15 августа 1923 года. Пилотировал его известный лётчик Константин Арцеулов. Полёт завершился преждевременно из-за технических

неполадок, но перспективность проекта открывала дорогу для его дальнейшего конструкторского воплощения. В 1924 году на доработанном И-1 (ИЛ-400б, ИЛ-2) успешно летали Арцеулов и Аркадий Екатов, а Михаил Громов первым выполнил на нём весь комплекс пилотажных фигур. Начало оснащению военной авиации СССР истребителями собственного производства было положено.

Затем Н.Н. Поликарпов, возглавивший собственное КБ, руководил созданием истребителей И-15, И-16, И-153, которые составили основу отечественной истребительной авиации в предвоенные годы, хорошо проявили себя в вооружённых конфликтах у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол, в небе Испании и Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Но на смену им уже шли новые типы истребителей — Як-1 (А.С. Яковлева), ЛаГГ-3 (С.А. Лавочкина, В.П. Горбунова и М.И. Гудкова), МиГ-3 (А.И. Микояна и М.И. Гуревича). Знаменитым стал учебный самолёт, созданный Поликарповым, — У-2, после смерти конструктора (1944) получивший наименование По-2 и широко применявшийся в Великой Отечественной войне как лёгкий ночной бомбардировщик; в различных модификациях серийно выпускался до 1953 года. Всего Н.Н. Поликарповым были разработаны свыше 80 самолётов различных типов.

За выдающийся вклад в развитие советского самолётостроения Н.Н. Поликарпов был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1940), двух Сталинских премий первой степени, двух орденов Ленина и ордена Красной Звезды.

**Публикация
Н.Ф. Ковалевского**

УНИФОРМА ВДВ

По инициативе командования Воздушно-десантных войск издательство «Русские Витязи» выпустило уникальное издание*, посвящённое истории униформы, знаков различия и отличия, а также парашютных знаков советских Воздушно-десантных войск.

Истории «крылатой пехоты» посвящено немало исследований, опубликованных как в Советском Союзе, так и в современной России. В многочисленных книгах и статьях подробно расписаны этапы становления и развития советских Воздушно-десантных войск, их организационно-штатная структура, история соединений и частей, участие в Великой Отечественной войне и вооружённых конфликтах, а также вооружение и оснащение десанта.

Между тем не менее интересным темам, освещающим внешний облик десантников на разных этапах развития ВДВ, до настоящего времени было посвящено лишь полтора десятка статей, опубликованных в разные годы в журналах «Старый Цейхгауз» (Москва) и «Петербургский коллекционер».

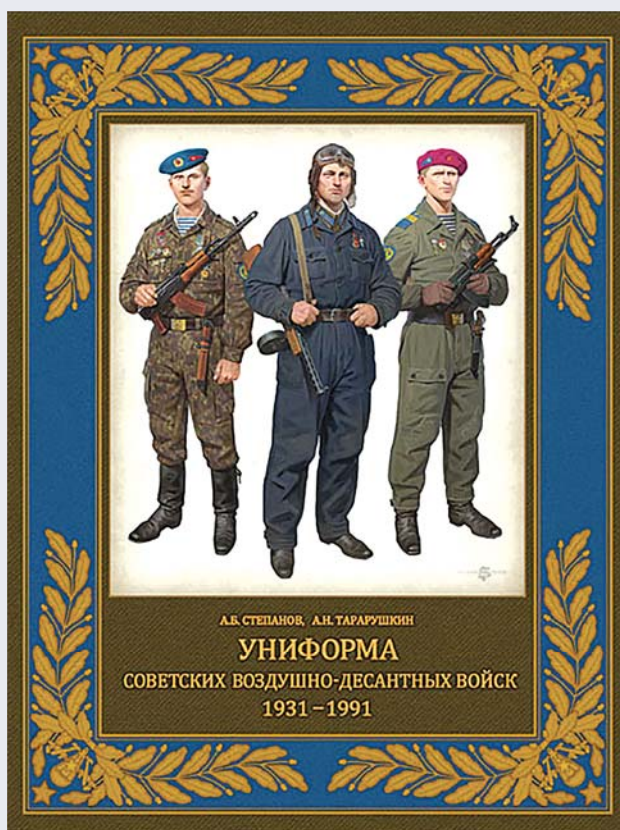
Книга, подготовленная ведущим специалистом в области советской униформологии, заместителем главного редактора российского военно-исторического журнала «Старый Цейхгауз» полковником запаса Алексеем Степановым и авторитетным исследователем парашютных знаков Александром Тарарушкиным, посвящена истории униформы и знаков отличия советских парашютистов. В ней обобщены результаты многолетнего труда авторов по сбору и систематизации информации на эту тему.

Данный труд охватывает период с момента зарождения красного десанта и появления первых парашютных знаков в 1931 году и до 1991 года включительно. В основу книги положены нормативно-правовые акты и архивные материалы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Издание содержит изображения предметов

обмундирования, знаков различия и отличия, снаряжения из отечественных музейных собраний и частных коллекций, а также большое количество фотографий. Цветные рисунки проектов формы одежды военнослужащих-десантников, фотографии уникальных подлинных предметов из частных собраний гармонично дополняют сухие цифры документов и создают полную картину того, как выглядели представители одного из элитных родов войск на разных этапах его существования.

В книге представлены многочисленные фотографии из личных архивов авторов, других частных коллекций, музейных собраний и государственных архивов. Многие из этих снимков публикуются впервые.

Книга А. Степанова и А. Тарарушкина предназначена для широкой аудитории читателей: от интересующихся историей ВДВ и коллекционеров до специалистов — профессиональных историков, а также музейных и творческих работников.

Обложка книги

* Степанов А.Б., Тарарушкин А.Н. Униформа советских Воздушно-десантных войск. 1931—1991. Серия: Русский военный костюм. М.: Фонд «Русские Витязи», 2022. 528 с., ил.

АВГУСТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 августа – День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

1 августа – День Тыла ВС РФ.

2 августа – День Воздушно-десантных войск.

3 августа 1943 года, 80 лет назад, началась «Рельсовая война» – кодовое наименование операции, проведённой советскими партизанами в Великой Отечественной войне с 3 августа по 15 сентября в целях дезорганизации работы железнодорожного транспорта и тыла немецко-фашистских войск.

3 августа 1943 года, 80 лет назад, началась Белгородско-Харьковская наступательная операция «Полководец Румянцев» войск Воронежского и Степного фронтов, являвшаяся частью Курской битвы. В ходе операции, завершившейся 23 августа, была разгромлена белгородско-харьковская группировка противника (15 дивизий), освобождены города Белгород и Харьков.

6 августа – День Железнодорожных войск.

7 августа 1943 года, 80 лет назад, началась Смоленская наступательная операция войск Западного и левого крыла Калининского фронтов против левого крыла немецкой группы армий «Центр».

9 августа – День воинской славы России. День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса Гангут (1714 г.).

12 августа – День Военно-воздушных сил.

15–18 августа 1943 года, 80 лет со дня проведения Краснодарского процесса над пособниками немецких оккупантов. В Краснодаре (Ворошиловградская обл. Украинской ССР) 28 сентября 1942 года нацисты живо закопали в парке 32 шахтёров за отказ работать на оккупантов, за участие в истребительных отрядах и партизанской деятельности. Уже на следующий день была создана подпольная организация «Молодая гвардия». Так около сотни юношей и девушек от 14 до 25 лет решили отомстить оккупантам. По версии Краснодарского процесса, предатель Г. Почепцов донёс полиции, и в январе 1943 года большинство членов подполья после страшных пыток были расстреляны у шурфа, всех раненых и убитых сбросили в шахту. По горячим следам удалось поймать только троих причастных. Преступников (М. Кулешова, Г. Почепцова и В. Громова) расстреляли публично в присутствии 5000 жителей Краснодона (в н.в. – г. Сорокино, ЛНР, РФ).

17 августа 1898 года, 125 лет назад, родился М.В. Захаров, Маршал Советского Союза (1959), дважды Герой Советского Союза (1945, 1971). В Красной

М.В. Захаров

армии с 1918 года. Во время войны с Японией начальник штаба Забайкальского фронта. В 1945–1949 гг. и 1963–1964 гг. – начальник Военной академии Генерального штаба, в 1949–1952 гг. – заместитель начальника Генерального штаба, с 1952 года – главный инспектор Советской армии, затем командующий войсками Ленинградского военного округа, главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1960–1963 гг. и 1964–1971 гг. – начальник Генерального штаба – 1-й заместитель министра обороны СССР. Умер 31 января 1972 года.

17 августа 1933 года, 90 лет назад, под руководством С.П. Королёва в Нахабино, под Москвой, произведён запуск ракеты ГИРД-09 – первой советской экспериментальной ракеты с двигателем на гибридном топливе (желеобразный бензин и жидкий кислород), созданной в Группе изучения реактивного движения по проекту М.К. Ти-

хонравова. Стартовая масса ракеты 19 кг, масса топлива 5 кг, длина ракеты 2,4 м. Полёт продолжался 13 с. Ракета достигла высоты 500 м.

18 августа 1933 года, 90 лет назад, на Центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе в Москве состоялся первый авиационный праздник, посвящённый Дню Воздушного флота СССР. На нём, в частности, демонстрировался массовый парашютный десант (62 человека), выброшенный из четырёх самолётов ТБ-1, и дирижабли.

20 августа (третье воскресенье августа) – День Воздушного флота России.

22 августа – День Государственного флага России.

23 августа – День воинской славы России. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год).

23 августа 1918 года, 105 лет назад, родился А.П. Силантьев, маршал авиации (1976), Герой Советского Союза (1941), лауреат Государственной премии (1978).

31 августа 1853 года, 170 лет назад, родился А.А. Брусилов, генерал от кавалерии (1912). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В Первую мировую войну командовал 8-й армией, с 1916 года – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, где провёл успешное наступление (Брусиловский прорыв), в мае–июле 1917 года – Верховный Главнокомандующий. В 1920 году вступил в Красную армию, председатель Особого совещания при Главкоме всех ВС Республики, затем – инспектор кавалерии РККА, с 1924 года состоял при РВС СССР для особо важных поручений. Умер 17 марта 1926 года.

Публикация А.Л. Бочаровой

Сведения об авторе. БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна – научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)

СБОР ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ

28—30 июня 2023 года состоялся сбор должностных лиц, ответственных за организацию и проведение военно-исторической работы в Вооружённых силах Российской Федерации, целью которого стало проанализировать и обсудить состояние военно-исторической работы на современном этапе и выработать предложения по её совершенствованию.

С основным докладом «Организация военно-исторической работы в ВС РФ на современном этапе: проблемы, перспективы развития и задачи с учётом опыта специальной военной операции» на сборе выступил председатель Военно-научного комитета Вооружённых сил Российской Федерации — заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации генерал-лейтенант В.В. Трушин.

На сборе прозвучали следующие выступления:

«Приоритетные направления военно-исторических исследований по изучению военного искусства и военного строительства» (докладчик — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ) И.И. Басик);

«Деятельность Российского военно-исторического общества по изучению военной истории России» (научный директор Российского военно-исторического общества М.Ю. Мягков);

«Особенности преподавания дисциплин военно-исторического направления в ВУНЦ ВВС “ВВА” на современном этапе» (заместитель начальника кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» полковник Н.Е. Чутров);

«Противодействие попыткам фальсификации военной истории, наносящим ущерб национальным интересам Российской Федерации» (старший научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ А.Ю. Соклаков);

«Современные методики работы с историческими источниками и архивными документами» (заместитель начальника Центрального архива МО РФ О.П. Фетискин);

«Использование ресурса библиотек для научно-методического обеспечения военно-исторической работы» (руководитель Информационного историко-научного центра — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации А.И. Букреев);

«“Военно-исторический журнал” как площадка для обсуждения актуальных исторических проблем» (главный редактор «Военно-исторического журнала» И.М. Чачух);

«Методология военно-исторического исследования» (старший научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ А.Ю. Лашков);

«Методика подготовки и проведения военно-исторических конференций» (научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ В.В. Коннов);

«Организация разработки военно-энциклопедических и научно-справочных трудов в ВС РФ» (начальник управления НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник Д.Г. Гужва);

«Международное военное сотрудничество в области военной истории» (начальник отдела НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник А.А. Кузнецов);

«Зарождение украинского национализма: от Переяславской рады до специальной военной операции» (старший научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ А.А. Зданович);

«Пропаганда и популяризация военной истории и героических примеров прошлого в рамках военно-политической работы и военно-патриотического воспитания военнослужащих» (преподаватель кафедры истории войн и военного искусства Военного университета МО РФ В.В. Попов).

В ходе сбора состоялся круглый стол по основным проблемам организации военно-исторической работы. В ходе широкой дискуссии его участники затронули значительный спектр актуальных вопросов:

— перспективы рассмотрения научно-исследовательских работ по военной истории в рамках деятельности Научно-технического совета МО РФ (модератор — начальник отдела Военно-научного комитета Вооружённых сил Российской Федерации полковник С.В. Журин);

— основные подходы к организации и проведению военно-исторической работы в центральных органах военного управления, войсках (силах), вузах и НИО МО РФ (начальник отдела НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник А.А. Кузнецов);

— подготовка специалистов военно-исторического профиля: современность и перспективы развития (начальник кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых сил Российской Федерации» полковник С.М. Лопин);

— совершенствование подготовки научно-педагогических кадров в области военной, отечественной истории, истории техники (начальник отдела НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник А.А. Кузнецов);

— пути совершенствования системы военно-энциклопедической работы в ВС РФ (начальник управления НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник Д.Г. Гужва);

— разработка концепции развития военно-исторической работы в ВС РФ (начальник отдела НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ полковник А.А. Кузнецов).

В ходе сбора перед аудиторией с докладами выступили директор Российского государственного военного архива В.П. Тарасов, директор Российского государственного архива новейшей истории И.А. Пермяков, научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории А.К. Сорокин.

Итоги сбора подвёл председатель Военно-научного комитета Вооружённых сил Российской Федерации — заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации генерал-лейтенант В.В. Трушин. Было отмечено, что в ходе сбора были выполнены основные поставленные перед ним задачи: определены наиболее перспективные направления военно-исторических исследований, раскрыты некоторые вопросы методологии военно-исторической науки, выработаны единые подходы в организации деятельности органов военно-исторической работы в Вооружённых силах РФ на современном этапе с учётом опыта специальной военной операции.

ОРГАНИЗАТОР

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР

МКВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНГРЕССЫ И ВЫСТАВКИ

ARMY

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ФОРУМ «АРМИЯ-2023»**

**14-20 АВГУСТА
ПАТРИОТ ЭКСПО**

www.rusarmyexpo.ru